

Е. Кошечкина

ПОВЕСТЬ О СЫНЕ

детизм 1947

475749

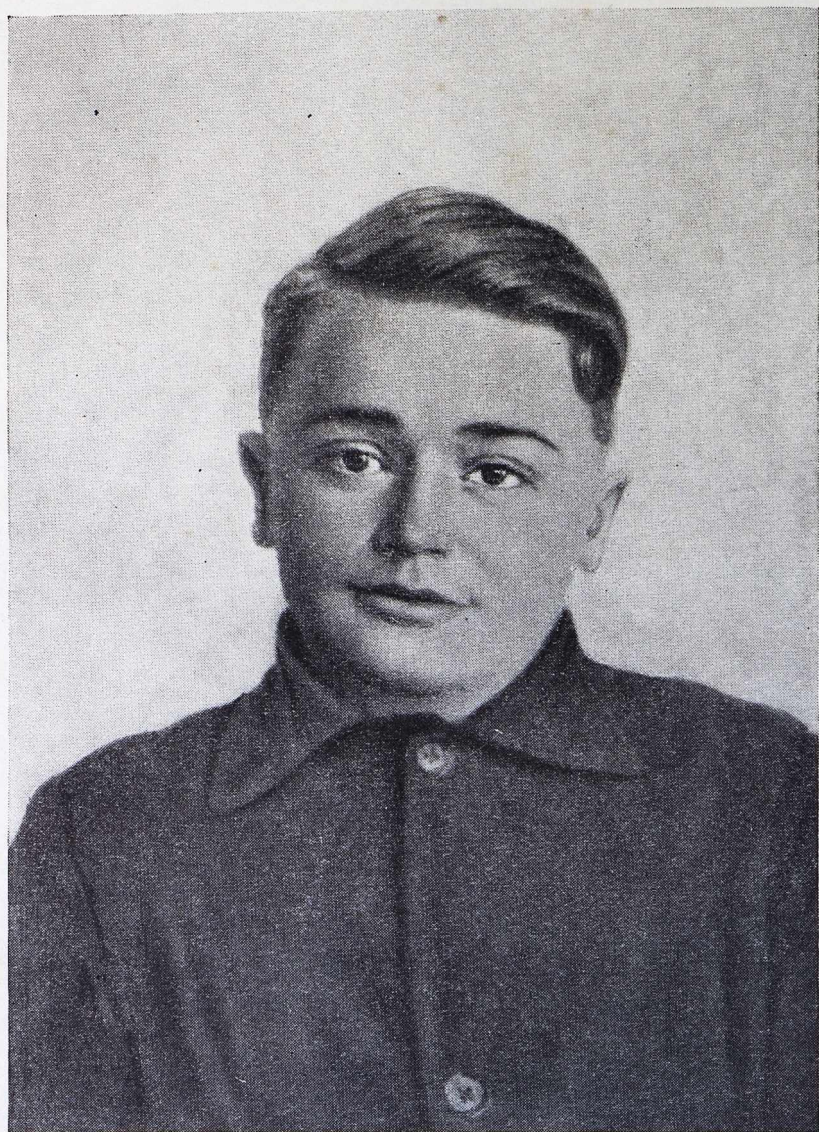

8496
K76

Е. Кошечкина

ПОВЕСТЬ О СЫНЕ

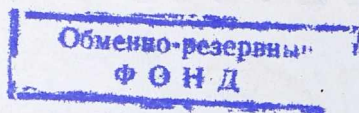
-475749-

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1947 Ленинград

*Литературная редакция
П. Гаврилова*

Художник Б. Дехтерев

ЮНЫМ ПИОНЕРАМ
НАШЕЙ РОДИНЫ
ПОСВЯЩАЕТСЯ
ЭТА КНИГА

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Цвела черемуха. Гроздь белой сирени заглядывали в открытое окно моей комнаты. Это было 8 июня 1926 года, в Прилуках, на

Черниговщине. В этот день у меня родился сын...

Прилуки — шумный и веселый украинский город. Он стоит на берегу извилистой и живописной речки Удай. На картах эта река не помечена, но моя память сохранила ее навсегда.

Не раз мы бродили с сыном по шелковым травам левад Удай, перебирались на другой берег, заглядывали в зеркальную воду, смотрели, как играли рыбы, собирали на лугах цветы, сплетали из них венки...

Как сейчас помню день рождения моего сына. Солнеч-

ные зайчики весело играли на листьях деревьев, на белом потолке комнаты. Громко щебетали птицы.

Я не сводила глаз со своего первенца.

Мне очень хотелось, чтобы у меня родился мальчик, чтоб он был красивый, чтоб у него были длинные мягкие волосы. Я даже заранее приготовила гребешок.

Так и случилось. У сына оказались пушистые, как лен, длинные волосы.

С мужем мы решили: родится мальчик — назовем Алексеем, а если девочка — Светланой. Родился сын, да еще такой большущий.

Старенький врач спросил:

— Как назовете сына?

— Алексей, — ответила я.

Врач шутливо запротестовал:

— О, нет, не подходит! Такому бутузу и имя нужно богатырское!

Я стала вспоминать всяческих богатырей и остановилась на одном из нашей истории — на Олеге. Отцу понравилось это имя. Зато дедушка и бабушка никак не могли к нему привыкнуть.

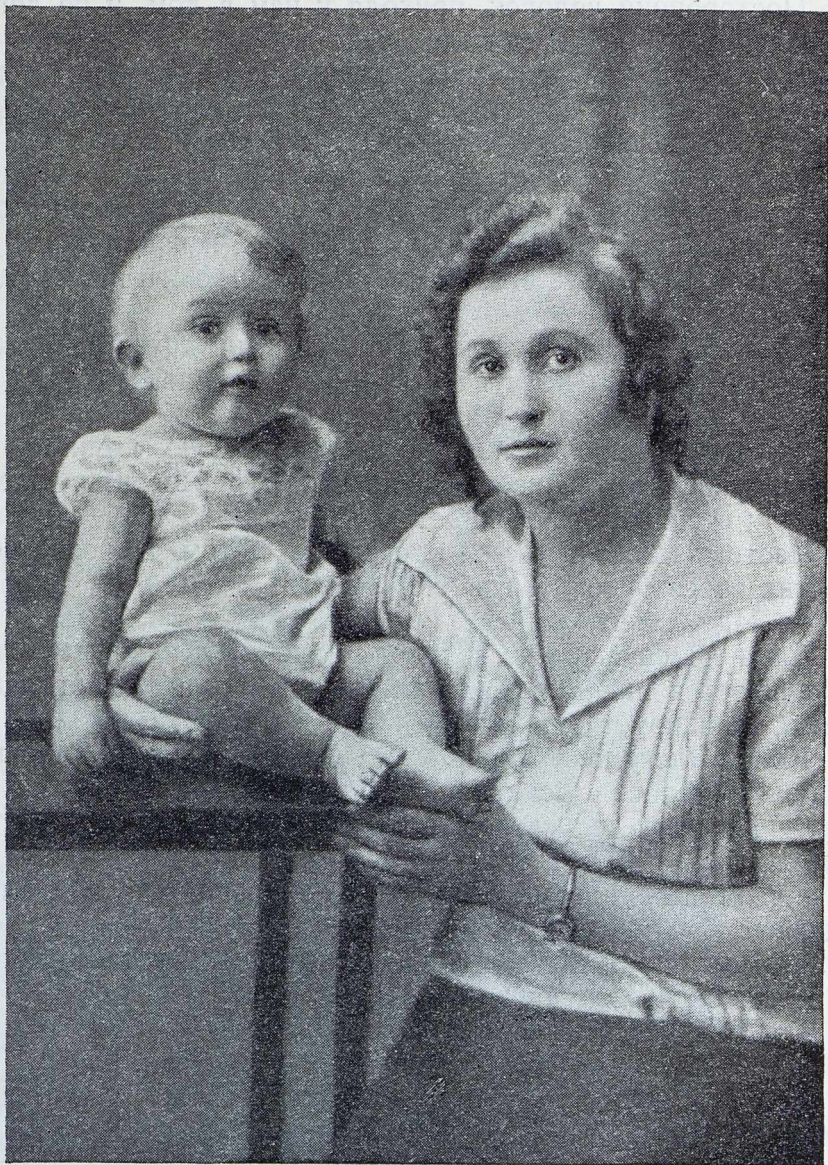
Им казалось, что Олегом зовут только взрослого человека, а как же называть внучонка? И они придумали для него имя: Олежек.

«САМ НАШЕЛСЯ»

Сын рос чубатеньким и здоровым. Я не помню случая, чтоб когда-нибудь ночью он разбудил меня своим плачем. Не раз говорил мне дедушка Олег — Федосий Осипович Кошевой:

— Четырнадцать детей у меня было, но такого спокойного, как твой Олег, — ни одного.

— 81 —
Сыну исполнилось шесть месяцев.

Посторонний человек, приходя к нам в дом, и не догадывался, что у нас есть маленький.

К концу года Олег начал ходить и говорить. Не волновал он нас и болезнями. Воспитывать его было легко, весело и радостно, и в семье были счастье и покой.

Крепкий и порывистый, мальчик рано начал пробовать делать все сам. Я не мешала. Когда Олег начал ходить, он, как всякий ребенок, поначалу спотыкался и падал. Но я не бросалась поднимать его. Пусть встанет на ноги и сам идет дальше...

Сына никогда не пугали ни волками, ни другими страшными зверями, он не чувствовал беспричинного страха и охотно оставался один в квартире.

Бывало, я нарочно пошлю его в темную комнату за игрушкой. Он доверчиво и смело идет туда, шарит ручками по полу и обязательно найдет игрушку.

Часто и много гуляли мы с сыном летом в поле. Вот мостик через ручей. Я говорю:

— Иди, Олег!

Сама не спускаю глаз и иду сзади. Жидкий мостик покачивается над водой. А Олег, спокойно и не оглядываясь, марширует один.

Когда Олегу не было еще и трех лет, он как-то спросил дедушку Федосия Осиповича:

— Почему, дедусь, мама не пускает меня одного в сад?

— Да ты еще маленький. Сад далеко. Вдруг заблудишься?

— Вот мне и хочется узнать, как я вдруг заблужусь.

— А если заблудишься, что делать станешь, а?

— Дом наш искать, — ответил Олег.

— Ну, тогда иди, если уж ты такой храбрый.

Торопясь, Олег ушел, но по другой стороне за ним следовал дедушка.

Олежек со своим четвероногим другом.

В саду, в песке, на солнышке, играли ребяташки. Олег — к ним. Так прошел час. Тут Олег, наверное, вспомнил, что он один, и выбежал на улицу. Бежал, бежал, а дома все нет.

Мальчик остановился и заплакал. К нему подошла женщина:

— Почему ты плачешь? Ты чей?

— Я немножко заблудился, — глотая слезы, ответил сынок, — а маму зовут Елена Николаевна, бабушку — Вера Васильевна, дедушку — Федосий Осипович, папу — Василий Федосьевич, а я сам — Олег Кошевой.

— Ну, пойдем домой. Я знаю Кошевых, — ответила женщина.

Тут дедушка вышел из своего укрытия. Олег бросился к нему.

— Ну как, заблудился? — улыбнулся дед.

— Я сначала заблудился, а потом нашелся, — ответил сын. — Дедушка, я сам нашелся! Ты видал, да?

МАТРОСКА

Олег рос послушным, сговорчивым мальчиком, но детские капризы были свойственны и ему. Иногда он пытался настаивать на своем, но никто из нас не уступал ему. Казалось бы, ребенок маленький, ничего не понимает — как же можно ему не уступить? Лишь бы только не плакал. Но мы позволяли Олегу только то, что считали нужным, интересным и полезным для него.

С первого же дня, как Олег стал держать ложку и вилку, я старалась приучить его правильно пользоваться ими. Учила его, как нужно сидеть, как вообще вести себя за столом.

Олегу полтора года.

Но более всего я старалась внушить Олегу быть правдивым и честным, сознательно относиться к правде и к неправде. Я говорила сыну:

— Ошибку я тебе всегда прощу, неправду — никогда.

С малых лет Олег был правдивым во всем. Он не обманывал нас в мелочах, не обманул никого и в большом, когда пришлось ему в страшной борьбе с врагом отдать свою жизнь за Родину...

Мне хотелось, чтоб мой сын был отзывчивым ко всему хорошему, что есть в человеке, чутким к добру и правде, чтобы он внимательно относился к своим товарищам. С самых малых лет старались мы приучить Олега ценить дружбу, быть в обращении с товарищами скромным и сердечным.

Однажды я сшила сыну к Первому мая два новых костюма: простой и матроску. Матроска Олегу очень понравилась. Вдруг он подошел ко мне, потянул за рукав и тихо сказал:

— У меня два костюма, а у Гриши — ни одного. Мама, давай подарим Грише... матроску!

С Гришей Олег целыми днями играл в саду. У Гриши не было отца, мать болела. Жилось ему одиноко и трудно.

Я молча завернула матроску в бумагу, и Олег, счастливый, побежал к своему маленькому товарищу. За костюмом последовали ботинки, альбомы, карандаши и все то, что так дорого ребятам.

«ГРОМ — ЭТО ОТКУДА?»

Верными моими помощниками были книги. Слушать чтение Олег мог без конца. Игрушками он не увлекался, зато книжками — до самозабвения.

Мне часто приходилось ездить с маленьким Олегом в поезде. На вокзале он обычно брал меня за руку и подводил к книжному киоску:

— Ты только посмотри, сколько тут книжек! У меня таких нет. Купи мне, мамочка!

Как радовался он, как, счастливый, размахивал новой книжкой! Потом, конечно, добивался, чтоб я ему читала. Если это были стихи, он повторял за мной:

Вот свалились санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качусь я
Под гору в сугроб... —

и радостно хлопал в ладоши.

Стихи Олег очень любил, учил их наизусть, охотно декламировал.

Не задумываясь и не жалея, он мог отдать товарищам все свои игрушки до одной, но книжку — никому.

Помню, как-то я зашла с Олегом в районную библиотеку в Прилуках. Увидев на полках много книг, Олег спросил громко:

— Мамочка, а за сколько дней можно прочитать все эти книжки?

Когда мы возвращались домой, он под впечатлением виденного в библиотеке всю дорогу расспрашивал меня о людях, которые написали так много книжек, допытывался, нельзя ли писать стихи самому.

— Мамуля, — сказал он взволнованно, — как мне хочется увидеть живого писателя! Он, наверное, очень высокий. А голова и глаза у него — вот такие большие!

— Почему же так, Олежек? — смеясь, спросила я.

— Ну, как почему, — отвечал Олег: — он должен очень много думать и все видеть. А рост большой — это чтоб дальше видеть.

Наш двор был полон зелени и цветов, веранда домика густо увита диким виноградом, сад усажен фруктовыми деревьями, кустами смородины и малины. В нашем цветнике росли левкой, гвоздика, резеда, астры. Дорожка от калитки в глубь двора была засажена пионами, георгинами и флоксами.

Хорошо тут бывало и днем, когда пчелы и стрекозы носились с цветка на цветок, и вечером, когда сад благоухал и становился еще красивей под вечерними лучами солнца.

Я всегда старалась вовлечь в работу и Олега, когда сама работала в саду. С деловитым видом, раскрасневшийся, он охотно подносил мне рассаду, семена, а при разбивке клумб важно держал шнурок.

За садом ухаживал дедушка Кошевой. Он хотя и не был суровым, но порядок любил. Без его разрешения Олег не смел взять ничего с грядок или в саду.

Припоминаю случай, который всех нас рассмешил.

Вижу я как-то — залез Олег в кусты малины и, подымаясь на цыпочках, срывает ягоды ртом, не дотрагиваясь до них руками. Но пока ему, маленькому, удавалось схватить ртом одну ягоду, он несколько раз падал, теряя равновесие. Я спросила его:

— Что это ты тут делаешь?

— Ягоды ем, — ответил мальчик. — Дедушка сказал: руками срывать нельзя. А про губы он ничего не сказал.

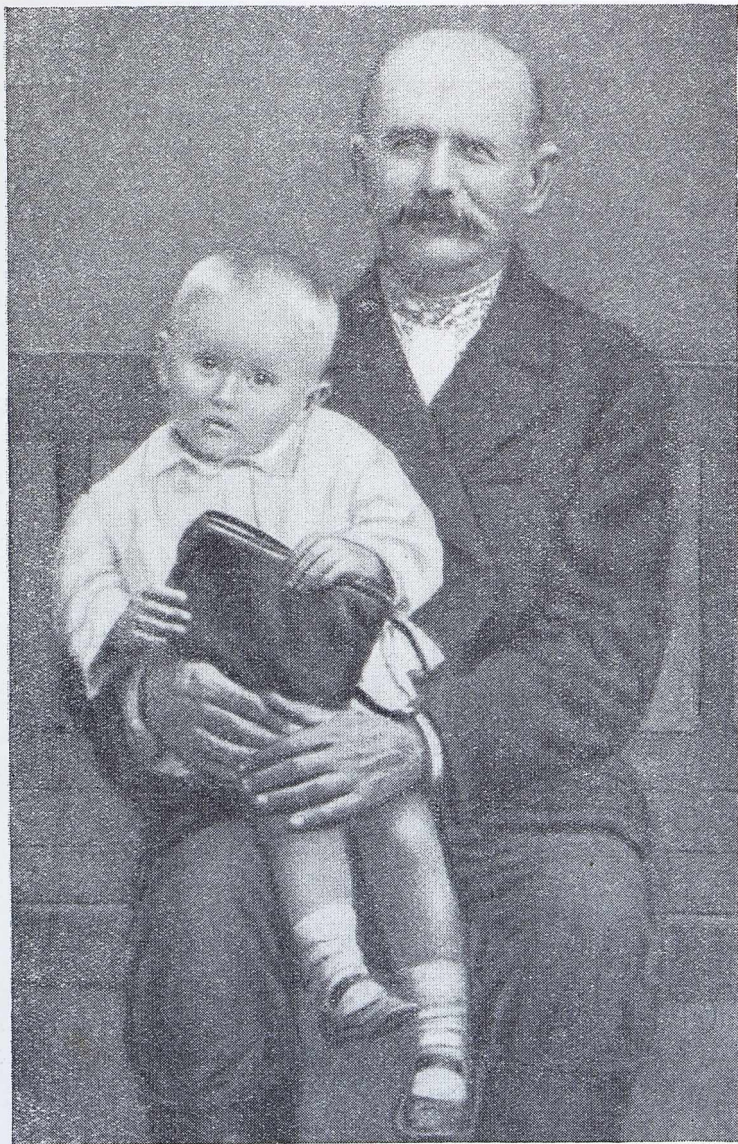
Дедушка Кошевой и Олег — это были неразлучные, задушевные друзья. Сойдутся вместе — водой их не разольешь: сказки, рассказы, вопросы без конца.

— Дедусь, а почему пшеничный колосок такой большой, а ржаной — меньше?

— Почему ласточки на провода садятся? Думают, длинные ветки, да?

— А почему у лягушки четыре ноги, а у курицы — две?

Дедушка Федосий Осипович и Олег были задушевные друзья.

— Дедусь, расскажи: гром — это откуда?

Дедушка только в усы улыбается и рассказывает: рассказывает о цветах и хлебах, о том, как произрастают всяческие травы, о далеких землях и птицах. И заставил дедушка полюбить Олега нашу красавицу Украину, и весь свет, и все живое.

Эту светлую любовь к природе Олег и в школу понес.

ДВА ОГОРОДНИКА

Только раз у закадычных друзей вышло что-то вроде ссоры.

Был у Олега верный дружок Грида. Ему тогда было шесть лет — на два года больше, чем сыну.

Дело случилось осенью. Ребята копались в саду. Грида сказал:

— Олег, а давай всю клубнику из грядок повыдергаем?

— А зачем? — спросил Олежек.

— Просто так.

— Дедушка рассердится.

Грида внес некоторую поправку:

— Тогда давай просто из одних грядок во все другие понасадим.

— А зачем?

— Вот чудак, небось тогда больше будет клубники! Знаешь, как расти начнет везде? Только собирай!

— Ну, если больше, тогда давай. Дедушке понравится.

Недолго раздумывая, Олег принес из сарая корзинку.

— Дедушка говорит: пересаживать клубнику надо умеючи. Ее надо вместе с землей выкапывать — чтоб земля с корней не обтрусилась.

И друзья с жаром принялись за работу.

Олежек и его товарищи.

Детскими лопатками и руками они выкапывали клубнику и складывали ее в корзинку. Скоро они перемазались с головы до ног, пот катил с них градом. Олег даже пальто снял, повесил его на сучок. Вот уж и весь костюм его в земле, на красных щеках — отпечатки грязной пятерни.

Работа была в самом разгаре, когда дед увидел полную расправу над его кропотливым и любимым делом.

— Олег, что же ты натворил? — ахнул потрясенный дед. — А говоришь, что дедушку любишь! Какая же это любовь? Дедушка трудился, трудился, а ты все разрушил! Была бы у нас ягода, а теперь ничего не будет! Эх!

Со слезами в своих больших глазенках Олег ответил:

— Дедушка, дедушка, я тебя и сейчас люблю! А это я хотел, чтоб больше ягод было. Чтоб на всех грядках. Только собирай...

Федосий Осипович никогда и голоса не повышал на Олега. Сдержался он и на этот раз, но строго доказал внуку его ошибку. Все кончилось миром. К тому же клубника не погибла. Клубни были высажены аккуратно, с землей на корнях.

На следующее лето грядки опять были полны душистыми, сладкими ягодами. Но с той поры Олег уже не занимался без разрешения деда «самостоятельным огородничеством», пока не подрос. А дедушка еще долго говорил, посмеиваясь в свои чумацкие усы:

— Наш хлопец — вылитый прадед Осип Кошевой! Такой же дотошный!

«С Л Ы Ш У, С Ы Н К У!..»

Отец часто рассказывал Олегу о Запорожской Сечи, о нашествии татар на Украину, о разгроме шведов Петром I под Полтавой. У Олега тогда загорались его карие

глаза. Затаив дыхание, жадно слушал он чудесные рассказы старины, про Тараса Бульбу и про отважного сына его Остапа.

— Вот повели Остапа на плаху, на казнь, — рассказывал отец притихшему Олегу, — и подошел к казаку палач. И так он Остапа пытал и мучил, что все, кто стоял на площади, не в силах были смотреть и отворачивались и закрывали глаза. Но ни одним стоном не показал Остап врагам, как трудно ему было да больно. А Тарас Бульба видел все: как терзают его сына и какой гордый стоял он перед врагом. И говорил Бульба тихо: «Добре, сынку, добре!» Но палач еще злее стал мучить Остапа, и тут дрогнула казацкая душа. И сказал Остап, глядя на врагов:

«Всё чужие, неведомые мне лица! Где ты, батько? Слышишь ли ты меня?»

«Слышу, сынку!» вдруг громко ответил Тарас Бульба.

Вздрыгнули паны, бросились искать Тараса, но его и след простыл!

Наслушается, бывало, Олег таких рассказов, выстрогает себе саблю, подбежит ко мне:

— Мамоchка, прощай! Я сейчас воевать иду!

«Врагами» были крапива и бурьян. С «войны» сын возвращался весь в царапинах и ожогах от крапивы. Он просил меня перевязать его, как будто то были настоящие раны.

В четыре года Олег умел уже читать и писать. Я сфотографировала сына. Он подарил фотографию бабушке и дедушке и написал на ней:

«Дорогим дедушке и бабушке на память от вашего единственного внука, здесь мне четыре года».

Он охотно писал письма своей тете Тасе и бабушке. Адрес на конверте, на горе почтальонам, надписывал тоже сам.

Как подсолнух поворачивался к солнцу, так и мой Олег тянулся к людям.

Его большие карие глаза были жадно открыты на все. Музыка или песня шла прямо к его сердцу, и он как бы не ушами, а сердцем слушал наши украинские песни, то грустные, то буйные, то радостные и всегда — мелодичные.

Как сейчас вижу: вечер, сыну пора спать, но он никак не может уgomониться. Его дядя, Павел Кошевой, тоже большой друг Олега, носит племянника на руках по комнате и задумчиво поет:

Ой, братику-соколеньку,
Пусти диток на зимоньку...

В песне рассказывается о детях, у которых умер отец. Матери трудно стало растить детей, и она попросила брата взять к себе ребятишек на зиму. Но злая невестка отказала.

Это была любимая песня Олежка. Каждый раз, когда дядя Павел смолкал, Олег, бывало, скажет от всего сердца:

— Как мне жаль этих деток! Почему их не хотела пустить тетя? Какая она злая...

Когда Олегу исполнилось четыре года, я подарила ему металлический «Пионерконструктор». Мальчик быстро научился складывать разные модели: самолет, ветряную мельницу и много других. Это была кропотливая работа, но у Олега терпения хватало.

Пяти лет Олег уже катался на коньках. Иногда и я надевала коньки, и мы шли кататься вместе. По дороге на каток сын вышагивал рядом со мной, ни на кого не глядя; на щеках его рдел румянец. Катался он легко: то забегал вперед, то снова возвращался ко мне — крепкий и ловкий. С самого дня рождения Олега приучали не обращать внимания на погоду, и он не боялся ни жары, ни мороза.

БАБУШКА ВЕРА

Мы жили в Прилуках до 1932 года, когда мужа перевели на работу в Полтаву.

Олегу тогда было шесть лет. В Полтаве мы поселились на Октябрьской улице, недалеко от Корпусного сада. Помню, как Олег замер перед монументальным памятником, поставленным Петром I в честь победы русских войск над шведами.

Побывали мы и на Шведской могиле, в краеведческом музее и в других исторических местах, чем так богата красавица Полтава.

Ездили мы с Олегом и к моей маме, Вере Васильевне.

Крепкая любовь и дружба бабушки и внука начались с их первой встречи. Моя мама — член партии — была в глазах Олега необыкновенным человеком. Она знакомила его с тем, что испытала сама: с тяжелой жизнью крестьян до революции. Она рассказывала мальчику про Ленина и Сталина, про то, как большевики повели народ на победу, на дорогу счастливой и свободной жизни и как победили.

Рассказывала и о своей тяжелой батрацкой жизни, о том, как много ей приходилось работать на богатеев за гроши.

Маленький Олег прямо-таки не отходил от бабушки. Стоило ей притти с работы, он уж тут как тут. Рассказывай ему, почему это богатые стали такими жадными и на что им было столько богатства, в то время как бедные люди не имели ничего, мерзли и голодали.

Бабушка была родом из села Згуривки, на Полтавщине.

— Здесь, Олежек, — рассказывала она внуку, — цвело когда-то поместье пана Кочубея. Ну и большие же да богатые были места! В парке — деревья-великаны, птицы всякие. Речка рыбой полна, а над речкой — белый дворец. Вокруг — леса дремучие, и, словно море, шумит пшеничное

поле. Тут тебе и сахарный завод, и разные мастерские, и все, что душе угодно. А владел всем добром один пан Кочубей...

Возьмет, бывало, бабуся Олега и поведет его в бывший панский парк и в поле. Покажет внуку места, где издевался пан Кочубей над людьми, наказывая за малейшую провинность, и где батраки работали с утра и до вечера за кусок хлеба. Особенно действовали на Олега рассказы бабушки о том, как не давали бедным учиться, читать книги, держали их в темноте, загораживали от них правду.

Олег перебивал рассказ:

— Поганые буржуи, ух, жаднюги! Ненавижу их!

Или с тревогой спрашивал:

— Бабуся, а буржуи и Кочубей больше не возвратятся? Правда, не возвратятся? Большевики их не пустят?

— Не пустят, милый, не пустят, — успокаивала мальчика бабушка.

Кто мог знать тогда, что придется бабушке Вере помогать ее внуку, комиссару «Молодой гвардии», в смертельной борьбе с «буржуями», прятать оружие юных храбрецов, охранять их тайные встречи, падать под ударами немцев на допросах, перенести мученическую смерть внука и увидеть победу дела Олега и миллионов таких, как ее любимый внучек...

«Н У - К А ? О Т В Е Ч А Й...»

В Полтаве мы недолго прожили с Олегом. Его ученье прервала неожиданная болезнь.

Как-то на уроке у него случился приступ аппендицита, и я должна была отвезти его в больницу. Боли у Олега, оказывается, были и прежде, но он терпел. Операция предстояла трудная. Это всех нас встревожило.

Бабушка Вера Васильевна.

Мне разрешили быть около сына. Врач предупредил меня, чтобы я подготовила сына к тому, что после операции под наркозом ему захочется пить, но пить нельзя будет часа четыре.

Одели моего Олега в белый халат, в нем он вошел в операционную. Как всегда, медперсонал был в масках. Эта необычная обстановка вначале поразила Олега, и он растерялся, но врач-профессор, приветливо улыбаясь, подбодрил его:

— Ну, Олег, видишь, тут все женщины, и только мы с тобой двое — мужчины. Крепись! Смотри не заплачь, чтоб потом над нами не смеялись.

— А я и не думаю плакать, — ответил подбодренный этими словами Олег. — Вы думаете, мне сейчас страшно? Совсем нет! Я не плакал даже тогда, когда был совсем маленький и разбил о ведро бровь.

— А теперь сколько тебе лет? — спросил профессор.

— Семь с половиной.

— Ого! — как будто удивился профессор. — Ты, пожалуй, уж и в школе учишься?

— Во втором классе! — не без гордости ответил Олег.

Олега положили на операционный стол, он начал считать за ассистентом, но заснул только на сорок пятой секунде. Я вышла.

Когда после операции Олега принесли в палату, он был мертвенно-бледным. Плотные закрытые губы запеклись.

— Воды, — прошептал он еле слышно.

Забыв о предупреждении врача, я поднесла Олегу ложечку холодной воды, но он спросил слабым голосом:

— А разве уже прошло четыре часа?

Олег пролежал в больнице десять дней, и все время или я, или бабушка Вера дежурили около него. Помню, как Олег просил ее не рассказывать ему смешных сказок:

— Ой, не надо, бабуся, не смейся меня! А то у меня шов разойдется, и его снова надо будет зашивать.

Профессор — солидный, добродушный человек с пышными усами — полюбил Олега. Подойдет к нему, сядет около кровати и долго говорит с ним на тему, которая больше всего интересовала Олега: о путешествиях. Когда сына выписывали из больницы, профессор подарил ему книжку «Робинзон Крузо».

— Вот тебе, Олег, книга о настойчивом человеке, — сказал профессор. — Его корабль потопила буря — он доплыл до берега. Ему негде было жить — он сам построил себе крепость. Сам сшил себе одежду, выдолбил из бревна лодку. На него напали враги — он разбил их и прогнал. И все это он сделал один. А теперь скажи, Олег: что же можем сделать мы все вместе, да когда нас так много и когда мы дружить будем? Ну-ка? Отвечай...

После операции Олег почти месяц не ходил в школу. Но его проводывали товарищи, помогали ему не отстать от класса. Олег рано почувствовал близость школьного коллектива и цену дружбы...

Но учиться в Полтавской школе ему уже не пришлось. Мы переехали в Ржищев, Киевской области.

Д Н Е П Р

В Ржищев мы прибыли после Октябрьских торжеств.

Часть дороги проехали на пароходе. Первое путешествие по Днепру оставило в Олеге глубокий след.

Наш Днепр осенью хотя и не так очарователен, но по-своему красив.

Правый, высокий берег стоит задумавшись, весь в багряном золоте осенней листвы. По левому, после песча-

ной отмели, тянутся бесконечные заросли лозы. Красные ее стволыки веселой лентой опоясывают берег, а позади нее высится густой лес, полный грибов и ягод, а сейчас по-осеннему притихший и тоже весь в золоте, как богатырь в доспехах.

Уж не носятся над Днепром, как летом, с веселыми криками стаи серебристых чаек и множество других птиц. Все полно тихой торжественной красоты. Только ветер свободно гуляет по днепровской, синей воде, кидая белую пену с гребня на гребень. Глухо шумит темная вода под колесами. Эхо далеко-далеко разносит протяжные гудки парохода...

Олега невозможно было увести с верхней палубы, с осеннего ветра, вниз, в тепло.

Он по-своему быстро и легко познакомился с матросами, с седоусым важным капитаном и, не переставая, сыпал вопросами: почему пароход не тонет, если он железный, да еще с таким грузом; каким образом он устроен; почему гудок гудит; если пароход утонет, можно ли здесь жить на берегу, как Робинзон Крузо?

Читал матросам стихи, и те его охотно слушали, собравшись в кружок и покуривая.

На каждой пристани Олег просил меня и бабушку сойти с ним на берег «посмотреть, что там такое делается», и, конечно, добивался своего. Так мы и не спали из-за него всю ночь...

После приезда в Ржищев Олег сразу же пошел в школу. Двухмесячный перерыв не отразился на его занятиях, и он закончил второй класс с похвальной грамотой.

Как полюбил Олег Днепр! Уже девяти лет он мог переплывать его от берега до берега — расстояние в триста метров. Мальчик мечтал о лодке, чтобы самому грести и ловить рыбу. Я пообещала:

— Будешь хорошо учиться — исполню твое желание.

Настало лето. Олег закончил учебный год на «отлично», и я выполнила обещание. Видимо, сын был уверен в себе, потому что к этому времени заготовил массу крючков, удилиц, всяких сеток и перемётов.

Со счастливым, сияющим лицом сел он за весла в свою лодку. Началась дружба со старыми рыбаками — их уроки рыбной ловли, сказки и рассказы теплыми вечерами около ярких костров.

Олег весь пропах дымом, запахом рыбы и осоки. Руки у него огрубели, были в ссадинах. Грудь стала шире.

Иногда ему удавалось подбить старого рыбака дедушку Герасименко и товарищей поехать на левый берег Днепра, провести ночь в лесу, у костра, а на рассвете начать ловить рыбу.

Получив от меня разрешение на такое «далекое путешествие», Олег приходил в дикий восторг, тормозил меня и бабушку:

— Мама, если бы ты знала, как мне хочется поймать огромного сома для твоего детского сада! Знаешь, как твои малыши обрадуются?

И Олег сдержал слово: поймал сома и отнес его ребятам. Потом он часто приносил в детский сад разных рыбешек и, к всеобщей радости, пускал их в аквариум.

Обычно после таких «путешествий» сын возвращался с богатым уловом рыбы, с рассказами дедушки Герасименко, где был путалась с небылицей, на что такие мастера днепровские рыбаки.

— Знаешь, мама, — рассказывал Олег с горящими глазами: — дедушка говорит, что прежде в Днепре русалок было больше, чем рыбы. Правда это? А сома не так-то просто поймать, ты не думай! Его как только вытащишь из воды, надо сразу по голове глушить чем-нибудь, а не то — беда! Убить может... Дедушка раз поймал сома в десять пудов, прямо чудовище, да и не оглушил его сразу — сом

как засопит, как ударит дедушку хвостом, чуть-чуть до-
смерти не убил! Теперь я в этом и сам убедился. Тот сом,
что я для твоего детского сада поймал — он, правда, хоть
килограмма в три был, — а тоже как хлестнет меня хвостом
по ноге, будто саблей. Ну, я удержался, конечно...

Нравился Олегу и Ржищев, похожий на огромный парк над Днепром, — его аккуратные домики с покрашен-
ными крышами и белыми рядами заборов. Улица, на кото-
рой мы поселились, называлась Соловьиной. Весной здесь
свивало себе гнезда такое множество соловьев, что вечер-
ний воздух буквально звенел от их трелей.

Олегу к этому времени было десять лет. Он начал увле-
каться стихами. Да и нельзя было не писать их среди такой
чудесной природы. Вот одно из его стихотворений тех
счастливых дней:

Я Ржищев крепко полюбил
За то, что дивно он красив.
За то, что в нем впервые я
Увидел красоту Днепра.
Его я полюбил разлив
Весною многоводной
И день и ночь на лодке б плыл
В его простор свободный!
И рыбу я люблю ловить
Со школьными друзьями,
На берегу уху варить
С картошкой, с карасями.
Люблю я шелест камыша,
И взлет днепровской чайки,
И всплеск веселого весла,
Поющего рыбалки...

С этого года все свои впечатления о природе, отдель-
ные случаи и происшествия дома и на улице, фразы из лю-
бимых книг сын начал записывать в толстую тетрадь с
черной клеенчатой обложкой. Туда же он записывал и свои
стихи. Так сложился его дневник.

В детском саду, где работала Елена Николаевна, часто бывал и Олег.

Начал его Олег рано. На первых порах все там было по-детски наивно; с годами записи в дневнике стали для него необходимостью, как беседа с верным другом и неизменным помощником.

С раннего детства у Олега были свой столик и этажерка, полная книг, разные папки, «секретные» тетради; все это он берег пуще глаза и никому не позволял нарушать порядок.

Таких записей и стихов накопилось у сына немало. Когда начался арест молодогвардейцев, Олег был вынужден все это сжечь.

По его приказу долго бросали мы с бабушкой в печку тетрадки со стихами, папки, записи — все, что Олег собирал с такой любовью. Серый легкий пепел остался от всего этого, да и тот мы развеяли по ветру...

Д Р У Ж Б А

Олег любил все веселое, красивое, праздничное.

Под Новый год мы вместе с ним украшали елку. Когда к нему приходили товарищи, я тоже принимала участие в их играх: переодевалась в деда-мороза, декламировала стихи, рассказывала сказки.

Как-то раз, на одной из таких шумных елок, когда товарищи сына ушли, я присела на диван отдохнуть. Было очень поздно. Догорая, потрескивали на елке свечи. Глаза слипались...

Олег тихо сел на диван, прижался ко мне:

— Мамочка, расскажи мне, как ты была маленькой. Все, все расскажи! Как было...

Он просил ласково и настойчиво. Я начала рассказывать, забыла про усталость и увлеклась сама.

— Ну, слушай! Маленькой я скорей была похожа на сорванца-мальчишку, чем на девочку. Ничего не боялась. Мне хотелось самой до всего дотронуться, все узнать, сделать то, что нелегко: поглубже в лес забраться, залезть на самую верхушку дерева...

Вот как-то раз ношусь я с криком по улице и вижу: на бугре пасутся лошади. И сразу один конь мне больше всех понравился: гнедой, хвост белый. Подбежала к нему, развязала ему путы на передних ногах. Можно садиться. Но как? До спины коня даже рукой не достать. Нарвала я травы, подманила ею коня к заборчику, сама — на забор, с забора — на коня. Готово! Из пут я сделала уздечку, ударила босыми ногами по бокам коня, как шпорами. Наверное, и конь был такой же сорванец, как я. Помчались мы с ним в степь, только ветер в ушах засвистел! Хорошо! Земля убегает из-под ног, ветер бьет в лицо, дорога свободна...

Ну и поносил же меня конь по степи — сам устал! Сбросил меня со спины, как мешок, — и в стадо. А я как свалилась с него, так и встать не могу. Хорошо еще, что не попала под копыта. Папа очень рассердился: конь-то оказался с норовом. И запретил мне папа раз и навсегда кататься на конях.

— Не послушаешься, — говорит, — целое лето в комнате просидишь.

Я послушалась. Но только раз вижу — ходит по двору здоровенный такой кабан.

Подошла я тихонько к кабану. Почесала у него за ухом, а потом, когда он расчувствовался, я — прыг к нему на спину и вцепилась в щетину. Кабан сначала ничего не понял, а потом сам испугался, захрюкал, да как давай меня носить да мотать по двору, только в глазах у меня замелькало! Все было бы ничего, да вижу — несет меня кабан к крыльцу, а на крыльце папа сидит...

Потом я узнала, что кабан этот был очень злой: на людей бросался. Клыки у него были, как ножи...

Кабан, брызгая пеной из рта, сделал какой-то особенный скачок, я почувствовала, что лечу по воздуху, и шлепнулась в грязь прямо перед папой...

Олег смеялся вместе со мной...

— Ну, мамочка, ну еще расскажи! Пожалуйста!

Отказать в таких случаях ему было невозможно. Мы у ourselves поудобнее, обнялись покрепче, и я продолжала:

— А когда мне восемь лет было, я, Олежек, чуть было в колодец вниз головой не влетела...

Дело вот как было. Играла я со своими подружками около глубокого колодца. Возле него скот поили. Воду доставали при помощи деревянного журавля. От верхушки журавля шла длинная толстая палка, а на конце ее была деревянная кадушка, ведра на четыре. На другом конце журавля — тяжесть, кусок железа. Вроде весов получалось. Кадушка наполнится водой, вес сравняется, и ее легко поднимают вверх — палку руками быстро так перебирают...

Вот я и говорю ребятам:

— А ну, кто сумеет полную кадушку поднять, тот и самый сильный!

Не нашлось такого силача. Тогда я сама из всех сил ухватила палку с кадушкой — и в колодец. Но руки у меня скоро устали, зачерпнуть воды я не могла, выпустила палку из рук и не успела опомниться, как вдруг очутилась под небесами.

Кадушка понеслась вверх, журавль и зацепил меня за платье. Болтаюсь я в воздухе, ничего не понимаю, только слышу, как подружки визжат и ревут со страху.

В это время железная тяжесть как ударится о землю, подскочила, встряхнула меня хорошенько над колодцем, бадя опять понеслась вниз, а вместе с нею и я. Дошла она

до воды, и опять тяжесть потянула ее вверх, и я снова в небе ногами болтаю...

Так меня раза два подняло и опустило. Наконец раздался треск — платье разорвалось, и я, как лягушка, на всех четырех лапах очутилась на земле. И больно-то мне было и стыдно! А тут еще ребята надо мной смеются: «Самая сильная, самая сильная!..»

— Мама, ну а ты? — шевельнулся Олег.

— Ну, и я вместе с ними. При них не плакала. А когда в степь убежала, там уж и дала волю слезам...

Что больше всего на свете, если не рассказы и сказки, любят ребята? Не помню случая, чтоб я отказала Олегу, когда он просил меня рассказать что-нибудь о себе, об Украине, о нашей прежней, тяжелой жизни мастеровых людей, о дедушке Олега, Коростылеве, и о многом другом, что так интересует всякого ребенка.

И Олег мне платил тем же. Так росли наша дружба и доверие друг к другу...

«Я — Ж И В О!»

Скоро и бабушка Вера переехала к нам из Полтавы. Она начала работать в совхозе парторгом, а жила вместе с нами.

Радости Олега не было конца. И чем дальше крепла дружба бабушки и внука, тем все больше узнавал Олег о жизни и борьбе нашего народа за счастье и вольную жизнь и все глубже любил свою отчизну.

Бабушка Вера — вечно веселая, хлопотунья, минуты, бывало, не посидит без дела, жизнерадостная, упорная в труде, чуткая к людскому горю, готовая помочь людям — была для Олега примером большевика.

Вспоминаю день вступления Олега в пионерскую организацию.

Это было 7 сентября 1935 года. Олег проснулся на рас-
свете и начал быстро одеваться. Вскоре я услышала из
смежной комнаты:

— Я, юный пионер Союза Советских Социалистических
Республик, обещаю перед лицом своих товарищей, что буду
твердо стоять за дело Ленина—Сталина...

Голос у Олега был взволнованный, но слова он выгова-
ривал твердо.

Из школы он возвратился с сияющими глазами, в но-
веньком красном галстуке на шее. Бросился ко мне, расце-
ловал.

Потом сказал тоном взрослого:

— У нас теперь в доме два члена партии.

— Кто ж это?

— Бабушка и я, — ответил Олег.

Я рассмеялась. С моим объяснением, что пионер еще не
член партии, нужно сначала в комсомол вступить, а потом
уже в партию, Олег хотя и согласился, но остался при
своем мнении:

— Ну что ж? Пионер тоже немножечко партийный...

С этого дня Олег все пионерские правила поведения
выполнял добросовестно.

Как-то товарищи из детского сада, где я работала, при-
гласили Олега на праздник Первого мая.

Начался утренник. В зале не оставалось ни одного сво-
бодного места. Олег так увлекся сценой, что, казалось,
ничего уже не замечал вокруг себя. Но тут в зал вошла
воспитательница младшей группы Ксения Прохоровна. Олег
заметил, что в зале нет свободного места, быстро подошел
к Ксении Прохоровне и предложил ей свое место.

Олег постоянно следил за своей внешностью, не рас-
пускал себя. Костюм его всегда был как новый, без пятен,
хорошо вычищенный, выглаженный его собственными ру-
ками.

Олег Кошевой — пионер. Ему десять лет.

Ложась спать, Олег аккуратно складывал свои вещи около себя на стуле. Его никогда нельзя было увидеть неподстриженным или непричесанным.

Как-то я уехала из дому. Олег остался один. Встал он рано утром и попросил у соседки утюг.

— Зачем тебе?

— В школу пора, а костюм помятый. Неудобно в таком за парту сесть. Я — живо!

И он ловко и быстро выгладил свой костюм и только тогда пошел в школу.

Учился он всегда с охотой.

Гордость его страдала, если он не получал той отметки, на которую рассчитывал.

Б У Р Я

Жадно любил природу Олег. Особое чувство вызывали у него буря, гроза, зимой — буран.

Однажды стоял душный, но ясный и тихий день. Мы все ушли на работу. Олега оставили дома с моей сестрой. К вечеру погода изменилась. Все небо покрылось густыми черными тучами. Поднялся резкий ветер. Вскоре он перешел в настоящую бурю. Деревья гнулись и трескали. Солома вихрем взлетала с крыш, густые тучи пыли поднимались, кажется, до самого неба. А потом грянул ливень. К Днепру потекли шумные потоки...

Когда дождь утих, я поспешила домой. Прихожу — сына нет.

— Где Олег? — спросила я у сестры.

— А я не знаю, — ответила она, — я сама волнуясь. Когда началась буря, он к дружку своему Грише Задорожному побежал.

Я немного подождала и пошла к Грише. Олега не было и там. Гриша сказал, что Олег прибежал, когда буря только еще начиналась, и стал звать кататься по Днепру. Спешил очень сесть в лодку, выехать на середину Днепра, в бурю побороться с волнами.

Кроме того, в такую погоду, как потом уверял меня Олег, славно ловится рыба — клюет без наживки, только успевай вытаскивать.

Гриша колебался.

Тогда Олег махнул рукой, захватил свои крючки, перемоты и помчался к реке.

Не помню, как я прибежала домой. Выслушав меня, бабушка тоже переполошилась, и мы вдвоем кинулись к Днепру.

Когда мы добрались до реки, уже совсем стемнело. Буря утихла, и только мутные ручьи после недавнего разлива шумно падали с высокого берега в Днепр. Я всматривалась в зловещую ночную темноту, прислушивалась, не послышится ли плеск весел.

— Олег! Оле-же-ек! — без конца кричала я.

Никто не отзывался. Мне казалось, что моего Олега уже нет на свете...

— Мама, что же делать?

Что могла ответить бабушка Вера! Мы бегали по берегу, снова и снова звали сына. Ответа не было. И не могло быть...

Олег ждал нас дома.

Я тогда так рассердилась на него, что и говорить много с ним не могла. Только и сказала:

— Две недели не пойдешь в кино!

Большие влажные глаза сына посмотрели на меня с тихим укором.

На другой день, когда я уже успокоилась, Олег покаялся мне во всем:

— Понимаешь, мамуня, я ведь и Гришу звал на Днепр, да он не захотел. Что было делать? Пошел я один. Сел в лодку, а тут буря началась. Ух, и бросало лодку с волны на волну! Будто я со всем Днепром боролся один-на-один. А когда начался дождь, я вытащил лодку на остров, опрокинул ее и уселся под ней. А потом... — Олег прижался ко мне, хитро играя глазами: — Ты ж, мамуня, не знаешь, как рыба ловится после бури!

Но как он ни ласкался ко мне, каким хорошим ни был он в то утро, я не изменила своего решения и еще раз серьезно повторила, что ему придется понести наказание.

Это очень смутило Олега. Он пошел к бабушке и повел с ней такой разговор:

— Бабуся, я хочу с тобой поговорить как партиец с партийцем...

И он рассказал бабушке, что я запретила ему две недели ходить в кино. Бабушка, конечно, взялась хлопотать за внука, но и это не помогло: Олег две недели не ходил в кино.

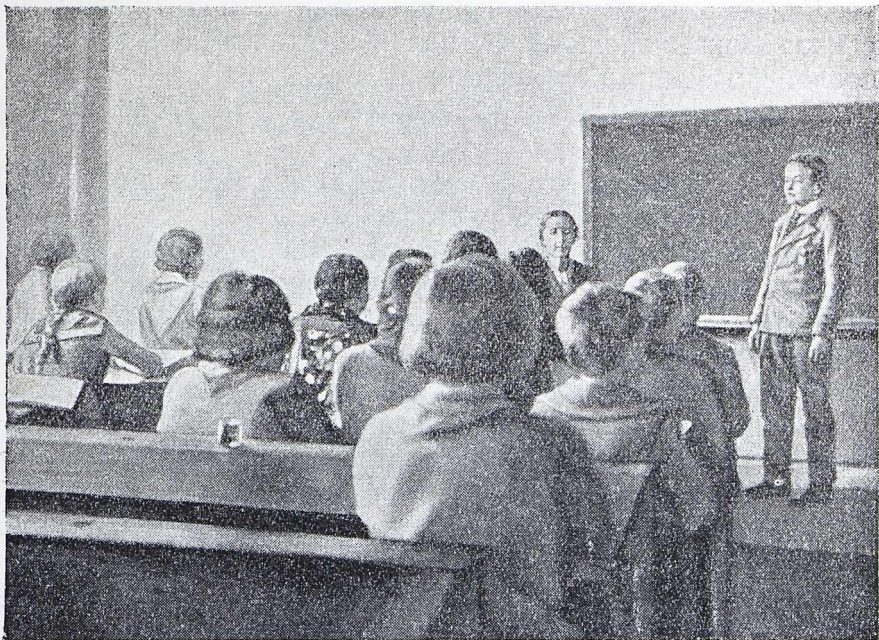
К концу такого тяжелого для всякого мальчика наказания Олег, вздохнув глубоко, сказал мне:

— Лучше бы уж ты меня ремнем выстегала! Поболело бы немножко и прошло. И я бы сразу в кино пошел...

О Т Ч И З Н А

С самых первых школьных дней Олег с увлечением отдался общественной работе. Она забирала у него много времени и энергии, но никогда не мешала ни учебе, ни проказам.

Начиная со второго года в школе он был старостой класса, потом — редактором школьной газеты.

Олег на уроке русского языка в 5-м классе ржищевской школы.

Уже в пятом классе сын прикрепил к куртке значок «Ворошиловского стрелка».

Вот он кропотливо рисует плакат к праздникам. Вот весь в краске и клее строит с товарищами модель самоходного танка и «настоящего» самолета.

На праздничной демонстрации в его руках — школьное знамя.

Вот он с криком и смехом, покрасневший на морозе, лепит с ребятами снежную бабу. Команда — и полетели снежки.

— Атака. Ура!

Любил он послушать, как снег свистит под лыжами, до самозабвения увлекался футболом, вертелся на турнике, не последним был и в волейболе.

И с одинаковым увлечением садился за уроки, бежал в школу...

Трудно было понять — что же больше всего любил мой сын и чем глубже всего увлекался?

Он любил все: небо, шахматы, Днепр, химию, звезды, школу, товарищей, географию, родной дом, цветы и футбольный мяч, книги и кино, историю и математику, возню с ребятами и стрельбу в цель, животных, рыб, птиц, лопату и молоток в своих руках.

Любил все настоящее и интересное, дружное и красивое. Наслаждался учебой и трудом, теплом от костра, песней и музыкой.

Он жил свободно, как птица, как сотни тысяч советских ребят.

Я думаю сейчас: когда настал последний час моего сына около зловещего шурфа, когда измучен он был пытками и ослабел телом, не улыбнулось ли тогда Олегу его счастливое детство? Не легче ли ему было принять пулю убийц и смерть, зная, что никто и никогда не отнимет этого счастливое детства у советских ребят?

Мой юный читатель! Береги и люби все, что завоевали для тебя отцы и старшие товарищи в тяжелых боях своею кровью. Люби свою родную землю, каждую травинку на ней, твое место за партой. Береги и дорожи всем — великим и малым: советом старшего товарища и усталыми от труда руками твоей матери и отца, каждой морщинкой на их лицах.

Люби все это больше, чем себя, учись и трудись, прославляя свою отчизну.

Пусть жизнь и борьба Олега помогут тебе...

«У РЕКИ ЖИВЕТЕ — ПЛАВАТЬ НЕ УМЕЕТЕ!»

Там же, в Ржищеве, Олег записался в Освод, стал наблюдать за правильным ловом рыбы и за катающимися на лодках. Казалось, он только и ждал того, чтоб кто-нибудь упал из лодки в воду, чтобы броситься на помощь и спасти. Плавал Олег, как рыба...

Кстати говоря, такой случай представился Олегу двумя годами позже — во время летних каникул у тети Таси, в Коростышеве.

Олег любил своих двоюродных сестричек Светлану и Лену и целыми днями пропадал с ними в лесу и на реке.

Река под Коростышевом быстрая. Несколько километров тянется она среди леса, красивая и живописная, как все наши лесные реки.

Как-то ранним утром Олег скомандовал сестренкам:

— Скорее на реку, в лодку! Прокачу, рыбу половим. Живей, живей!

Когда они выгребли на середину реки, Олег попросил Лену сесть на весла, чтобы самому приготовить удочки. Девочки расшалились. Переходя к веслам, Лена споткнулась, вцепилась руками в борт лодки... Секунда — и лодка опрокинулась.

Девочки плавать не умели. Лена ухватилась за лодку, Светлана захлебывалась, и ее уносило течением. Видя, что Лена держится сама, Олег крикнул ей:

— Молодец! Держись крепче!

И сажонками поплыл к Светлане.

По всем осводовским правилам спасания утопающих, он подхватил сестренку в воде и поплыл с нею к берегу. Усадил ее на песок, нырнул — и за Леной. Тем же порядком доставил на берег и ее.

Потом, у костра, прыгая на одной ноге, вытряхи-

вая воду, попавшую в уши, Олег сердито выговаривал сестренкам:

— Вот чудaki: живете у реки, а плавать не умеете!

И в течение месяца он научил сестренку плавать.

В Е С Н А

В Ржищеве у Олега было много товарищей, а самыми близкими из них были Володя Петренко, Ваня Лещинский, Гриша Задорожный, Зина Бонзик и Рада Власенко.

Вспоминается мне один из счастливых дней моей жизни.

Это было летом, под вечер. Солнце еще не зашло, и я решила погулять над Днепром. Не успела я подойти к берегу, как услышала с днепровских просторов звучное пение. Пели хором — так чудесно и с таким вдохновением, что невозможно было не пойти той песне навстречу. Я вбежала на высокий берег...

И мне вдруг почудилось, что по синему вечернему Днепру плывут живые букеты цветов. Это была лодка, полная девушек, одетых в разноцветные украинские костюмы, с развевающимися лентами и венками на головах.

И вдруг из самой гущи этих живых букетов раздался звонкий голос:

— Мама, иди к нам!

Узнать сына было трудно, но вот он замахал мне рукой. На голове у Олега был такой же, как у девочек, венок из живых цветов.

— Садитесь с нами, Елена Николаевна! — стали звать меня и девочки. — Мы — к пристани, пароход встречать. Увидите, как волны будут качать лодку!

Я узнала потом, что Олег, катаясь в своей лодке, по-встречал на берегу Раду с ее подругами, ученицами шестых

и седьмых классов ржищевской школы, и позвал их показаться по Днепру. Девочки охотно согласились, а в благодарность сплели Олегу на голову венок из цветов, собранных ими на левом берегу Днепра.

Я вошла в лодку, села рядом с Олегом. Для меня у девочек тоже нашелся венок.

Торжественно, с пением «Веснянки», они надели его мне на голову, и я уже не отличалась от них и вместе с ними пела хвалу весне...

ЗВЕЗДА ПУТЕВОДНАЯ

Читал Олег, как почти все ребята в его возрасте, много, с героями прочитанных книг радовался, горевал, путешествовал, шел на битву с врагом и побеждал.

Он без конца перечитывал «Овод» Войнич, приключенческие рассказы Джека Лондона, читал Горького, Пушкина, Котляревского, «В дурном обществе» Короленко, Панаса Мирного: «Разве ревут волы, когда кормушки полны?», Шевченко, «Тараса Бульбу» Гоголя, увлекался его рассказами про Украину. Из «Евгения Онегина» он многое знал наизусть.

Николай Островский, этот писатель, любимый всей нашей молодежью, стал Олегу особенно дорог и близок. «Рожденные бурей» и «Как закалялась сталь» Олег читал на украинском языке, когда еще был учеником шестого класса.

Он принес книжку и сразу засел за нее. Все уже спали. Вдруг из комнаты сына долетел до меня громкий разговор.

«С кем это он? — подумала я. — Что бы это могло быть? Ведь уже третий час ночи!»

Я пошла к сыну. Смотрю — лежит мой Олег на кровати, размахивает руками и повторяет с жаром:

— Вот так Павка, вот это молодец!

— Сын, с кем ты здесь говоришь? — спросила я потихоньку. — Скоро утро, а ты не спишь.

Олег поднял на меня утомленные глаза:

— Мамочка, не сердись! Знаешь, я такую книжку читаю, такую интересную, никак не могу оторваться! Я сейчас засну. Мамуня, завтра, когда я пойду в школу, почитай и ты эту книгу, но только вот до этого места, хорошо? А потом мы будем читать вслух. Ну дай честное слово, что дальше без меня ты ни одной строчки не прочтешь!

И он показал на седьмую главу.

Я взяла книжку, пообещала исполнить его просьбу и ушла. У себя я только на минутку заглянула в книгу и уж не могла оторваться.

Когда Олег возвратился из школы, я в книге зашла далеко вперед. Остальное мы читали с ним вместе.

Закрыв книгу, Олег спросил:

— Мама, скажи, можно ли стать таким же выносливым, как Павка, таким терпеливым и закаленным, как сталь?

Я не знала, что ответить ему, собиралась с мыслями. Он продолжал:

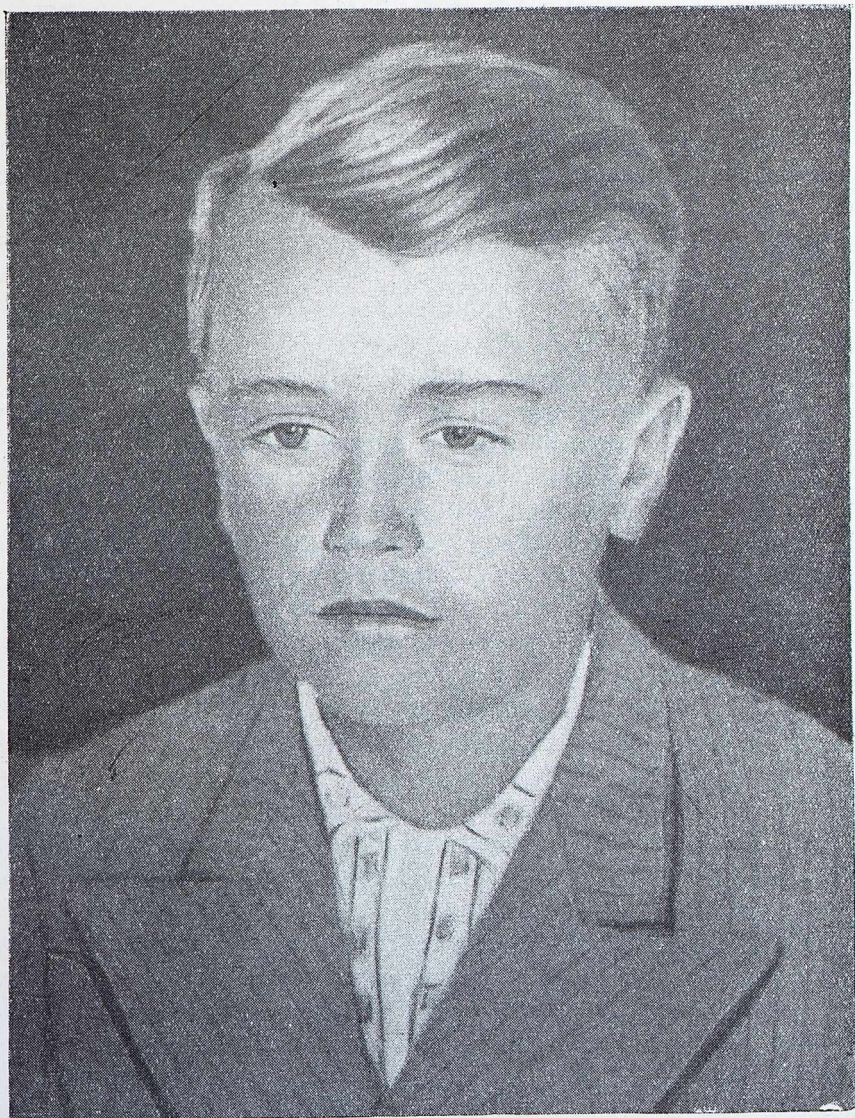
— Ты знаешь, мама, я хотел бы во всем быть похожим на Павку. Делать то, что он делал, мне уже, наверно, не придется. Корчагину смолodu пришлось много претерпеть. Он с буржуями дрался и с немцами. Мы о такой жизни можем только в книжках читать...

После Олег не раз возвращался к этой волновавшей его теме, и когда в школе устроили диспут о книге «Как закалялась сталь», Олег был докладчиком.

Во второй раз Олег прочитал книги Николая Островского учеником девятого класса, уже будучи комсомольцем.

Книги эти стали его звездой путеводной. Он и в мыслях не разлучался с их героями. С ними, наверно, и на смерть пошел...

На обороте этой фотографии рукой Олега написано: «На память дорогой голубке бабушке от ее внука Олега. 26/V—39 года».

ПУТЬ ШИРОКИЙ

Моего мужа перевели на работу в другой район, нам пришлось покинуть Ржищев и перебраться в Канев.

Жаль было Олегу разлучаться с родным местом, где он провел столько счастливых лет своего детства, где его любили и где его юное сердце впервые потянулось к другому юному сердцу: Рада Власенко оставалась в Ржищеве...

Кроме того, Днепр, лодки, Освод — все это стало так дорого и близко его душе.

Перед отъездом Олег очень волновался.

Он хотел, никого не обидев, разделить между товарищами все свое «рыболовецкое хозяйство»: удочки, коллекцию крючков, сеть, сачок, перемёты, свою любимую лодку. И все было роздано без обиды.

В день отъезда к Олегу пришли все его товарищи. Их собралось довольно много. С одними он подружился в школе, с другими был в Осводе, ловил рыбу, а с Ваней Лещинским и Володей Петренко — сколько он с ними мечтал о далеких путешествиях по морям и океанам!

Грустно ребятам было разлучаться, и разговор у них не клеился. Стоят друг против друга, а нужных слов не находят.

Гриша Задорожный махнул рукой:

— Эх, Олег, собрались мы, чтобы поговорить с тобой да пожелать тебе счастливого пути, а оно, видишь, — как будто языки прилипли... молчим!

У Рады Власенко вдруг вспыхнули щеки, и от этого она стала еще милее.

— Олежек... шесть лет мы учились все вместе, в одной школе. Ты был для нас хорошим товарищем... другом верным. Каждому из нас ты старался помочь, выручить из беды, а при случае — и всю вину принимал на себя. Ты ни

разу не выдал и не разболтал ни одного нашего секрета. С тобой можно было делиться всем. Мы никогда не забудем тебя, Олежек, дорогой! На вот, прими на память от нас...

И Рада протянула Олегу книгу Максима Горького.

Олег, взволнованный, бросился к Раде. Они обнялись.

— Ребята, вы же сами все такие... такие... Ну да разве я могу про вас позабыть? Спасибо за книгу и за все... Давайте споем, а?

И сразу все повеселели, заговорили громко, перебивая друг друга. Поднялись возня, смех, шутки. Шумной ватагой выбежали во двор, и началась песня за песней...

Наконец переехали мы в Канев. Канев — тихий городок над Днепром, расположенный среди глубоких балок. Здесь, на днепровских кручах, похоронен Тарас Шевченко.

Мы с Олегом были на празднике, когда народ со всех концов страны съехался к Днепру — на открытие памятника Тарасу Шевченко.

Олег в этот день проснулся ни свет ни заря. Быстро умылся, надел свой лучший костюм, торопливо позавтракал. Конечно, нас он не стал ожидать и побежал на пристань, куда должен был притти из Киева пароход с гостями и членами украинского правительства. Немного погодя и мы пошли туда с мужем.

Был чудесный, солнечный день.

Могила Тараса Шевченко стоит на высоком берегу Днепра. Отсюда на много километров видна наша родная река с ее золотыми песчаными берегами и тихими заводями. Так без конца и стоял бы здесь, подставив лицо ласковому ветру, любуясь на синий Днепр и вспоминая слова Шевченко:

У всякого своя доля

И свой путь широкий...

Вокруг могилы разросся фруктовый сад — весной здесь все как в снегу от цветения яблонь, груш, вишен, слив. Есть ли уголок на нашей Родине краше?

Гулянье состоялось на зеленой густой поляне, полной цветов, похожей на вышитый украинский ковер. И среди всей этой красоты, оживляя и усиливая ее, мелькали нарядные костюмы девушек, синие шаровары, вышитые рубахи и красные кушаки юношей. Смех, шутки, пляски! Шумя, развевались разноцветные ленты девушек, звенели бандуры — радость народная! А надо всем этим — голубое ласковое небо Украины.

Памятник открывал Никита Сергеевич Хрущев. Вот он потянул за шнур, огромное полотнище опустилось, и под аплодисменты и торжественные звуки оркестра перед народом появился вылитый из бронзы великий Шевченко.

Праздник не затихал до позднего вечера. Сколько у нас с Олегом разговоров было потом!

ЗА ТОВАРИЩА

В конце июля 1939 года Олег поехал в Донбасс, в Красnodон, погостить у своего дяди, Николая Николаевича Коростылева, моего брата.

Дядя Коля работал в Донбассе инженером-геологом. Много он рассказал Олегу о тяжелом и знатном труде шахтера, опускался с Олегом в шахту.

Олег пытливо присматривался ко всему. От угольной пыли глаза его, казалось, стали еще больше и серьезнее.

— Мама, — рассказывал он мне потом, — это какие-то совсем особые люди — шахтеры! Работают глубоко-

Домашняя работа.

Часто употребляет Вершинин краткие окончания у прилагательных — определяя вместо полных: „широкую дузу“ (или широкую), „крайно солнышко“ (или просто краешек) и т. д. Обыкновенное повторение предлогов, представляющее собой одну из особенностей старинной народной речи, встречается в „Весне“ довольно часто: „васенька из сивыхъ под хоромъ порубленная“, „у водъ стоит у тесовыхъ“ и т. д. Следует отметить также то, т. е. сближение в одном предложении двух синонимичных слов: „той какой руды племени“, „удитъ-воет конская“ и т. д.

Еще чаще пользуется автор художественными образами, обаятельными устной народной поэзией, например, поэтическими эпитетами:

глубоко под землей. Но ведь без угля все заводы и паровозы станут. А какие они дружные, мама! Один за всех, и все за одного...

Настала осень 1939 года. Олег возвратился из Донбасса. Хорошо отдохнув, он со свежими силами сел за парту в седьмом классе.

Здесь, как и в Ржищеве, он весь ушел в учебу и общественную работу и вскоре стал одним из лучших учеников класса. Его полюбили — доброго и справедливого товарища.

В каневской школе подобрался на редкость удачный коллектив учителей. Каждый день я видела, как растет мой Олег духовно, шире смотрит на мир — это были результаты влияния учителей.

Но однажды в школе произошел досадный случай.

Олег сидел на одной парте с Юрой Коляденко и подружился с ним. Как-то, возвратившись из школы, Олег возбужденно сказал мне:

— Мама, Юра учится на «хорошо» и даже на «отлично», а учитель химии ставит ему «плохо»! А Юра знает химию не хуже меня.

Я была уверена, что ребята ошибаются. Но Олег настаивал на своем. Как-то он даже позвал Юру к нам, чтобы в моем присутствии проверить его знания. Олег не ошибся: Юра знал химию отлично.

Я посоветовала ребятам обратиться к классному руководителю, к директору школы и, наконец, к заведующему отделом народного образования.

К сожалению, в школе этому факту не придали особого значения. Тогда Олег написал в Киев.

Вскоре приехала комиссия Областного отдела народного образования. Разумеется, дело уладилось. Олег торжествовал.

С той поры я заметила: какая-то жестокая непримире-

мость к несправедливым поступкам товарищей и даже людей старше его родилась и стала крепнуть в мягком и добром сердце сына.

Школа встречала 1940 год.

Организаторы праздника поручили школьным поэтам написать новогодние стихи. Тот, кто напишет лучше всех, прочтет стихи на вечере.

Олег готовился к празднику с увлечением. Да и всем ученикам была дана полная возможность проявить свою изобретательность и творческую выдумку.

И вот весело засветились огни школы. Стройная и высокая, до самого потолка, елка заиграла всеми цветами радуги. Ее окружили сказочные фигуры деда-мороза, Снегурочки, днепровских русалок, ветра, луны, солнца...

Появились летчики, танкисты, кавалеристы с бряцающими шпорами. «Джигит кавказских гор» легко станцевал лезгинку. Зашумели лентами украинские девушки. Их приглашают танцевать парни в широких синих, как Днепр, шароварах. Смех, радость!

И вдруг тишина...

С обушком в руках, с фонарем на груди вошел полный лицей шахтер. На голове у него — шахтерский черный шлем. Шахтер медленно подходит к елке, снимает с груди фонарик и, подняв его над головой, как это делают в темной шахте, присматривается к публике:

— Хотите послушать новые стихи?

В зале закричали:

— Хотим, Олег, хотим!

Олег с воодушевлением прочел свои стихи.

За костюм и новогодние стихи Олег получил премию: «Войну и мир» Льва Толстого. Очень он был рад этому подарку!

МОРОЗ НА ДОНБАССЕ

После Нового года мой муж тяжело заболел. Его отвезли в Киев в больницу. Он уже не возвратился домой...

Теперь нам незачем было оставаться в Каневе, и мы согласились на приглашение моего брата переехать в знакомый уже Олегу город Краснодар, Ворошиловградской области.

Приехали мы туда 15 января 1940 года. Брат принял нас очень тепло, и мы поселились с ним в одной квартире.

Дом был одноэтажный, крупного камня, стандартной постройки, на две квартиры, по Садовой улице. На улицу выходило шесть окон, наших — три. Перед изгородью росли белая акация и тополя. Дворик небольшой — там стояли сарайчик и летняя кухня. Зелени во дворе совсем не было.

В нашей квартире было три комнаты и кухня. Вход один — со двора, в кухонку, где было владение нашей хлопотуньи-бабушки; тут все сверкало и сияло чистотой и порядком и всегда пахло чем-нибудь вкусным.

Из кухни входили в столовую. Здесь — диван, где спал Олег, его этажерка с книгами, стол, буфет. Стены покрашены в светлоголубую краску, на них висели картины: «Первый снег» и «Ночь в Крыму»; натюрморт — фрукты и зелень — работы моей приятельницы Елены Петровны Соколан. Летом на столе всегда стояли живые цветы: сирень, тюльпаны, розы — все из нашего сада; на окнах — комнатные цветы: филодендра с широкими красивыми листьями и фикусы.

Пол был устлан цветными украинскими дорожками. Комната была солнечная, веселая, из нее не хотелось уходить. На тумбочке стоял патефон, и он редко бывал без работы. Музыку у нас любили все, начиная с маленького Валерика, сына дяди Николая, и кончая бабушкой Верой.

Город Красnodон.

Из столовой налево была комната дяди Николая, направо — моя и бабушкина, маленькая, но тоже веселая и уютная.

Олег любил здесь готовить уроки, писать стихи. На двери висела плотная портьера, скрывающая дверь.

Потом в этой комнате молодогвардейцы будут собираться на свои особо конспиративные заседания. Под этой же комнатой находился подвал. Крышка подвала была сделана аккуратно, пол покрыт плотным ковром.

Зимой от свёркания снега под окнами в квартире становилось еще веселее.

На Донбассе зима особая, постоянная даже в своих капризах. Сегодня мороз щедро размалывает носы и щеки шахтерским ребятишкам, в чистом воздухе ясно просматри-

ваются далекие копры и терриконы, легкий ленивый дымок над ними; на завтра наплывут с юга теплые волны воздуха, и вдруг, среди зимы, заморосит дождь, но снег и не подумает таять. На следующее утро взглянете в окно — опять на дворе трещит добрый русский мороз, снег под солнцем горит и искрится, словно его приготовили для игрушек на елку.

Деревья стоят такие, какие и в сказках не бывают: все в бриллиантах, жемчуге и алмазах. Мороз потрудился над каждой веткой, над каждым неопавшим листом. Акации стали краше, чем в пору своего цветения. Все щедро облитое, разукрашено, запущено серебряным инеем, играет и переливается на солнышке колючими голубыми огнями. Ветер злобно гнет деревья, ударяет по сучьям — иней не осыпается, словно деревья так и выросли снежными.

Зимой 1940 года мы редко бывали одни. Приходили шумной ватагой товарищи Олега, девушки, сослуживцы дяди Николая, мои знакомые. Шум, споры, смех, песни и танцы без конца. Бабушка угощала гостей радушно, по-украински. Из всех нас не танцевала только она одна, но обязательно присутствовала тут же.

ШКОЛА ИМЕНИ ГОРЬКОГО

Я работала в детском саду шахты № 12, Олег учился в седьмом классе школы № 1 имени Горького.

До Октябрьской революции Донбасс был неприветливым краем, суровой мачехой для рабочих. Шахтеры изнемогали от работы под землей по четырнадцать часов в сутки, трудясь без машин, с одним обушком, гибли под обвалами в шахтах. Сироты шахтеров вставали на место отцов или шли по миру.

Шахтеру негде было отдохнуть в свободные часы. Люди жили в полутемных, грязных землянках. О школе, клубе, театре, об электрическом освещении никто и не мечтал, зато грязных «питейных заведений» было достаточно. Свои последние деньги шахтер нес в кабак.

В Донбассе до революции никто не сажал деревьев; говорили, что в таком проклятом грунте ничего не может вырасти. Над голой степью высились только терриконы и копры. Нигде ни кустика, ни деревца.

Только в наше, советское время Донбасс превратился в радостный край, в славную кочегарку Советского Союза.

На месте старых, сырых землянок с керосиновыми каганцами для рабочих построены светлые, просторные дома; вместо грязных кабаков поднялись дома культуры, школы, клубы, театры, библиотеки, детские сады.

Дом детского сада шахты № 12 был обставлен мягкой мебелью. У малышей было много игрушек, работала показательная кухня. На лето детей увозили на дачу, к реке. После двухмесячного отдыха малыши возвращались загорелые, здоровые.

Для молодых рабочих были выстроены просторные общежития. Каждая шахта имела свой клуб, кино, библиотеку, спортивные и танцевальные площадки. К слову, у шахтера широкая натура: он любит и умеет работать, но в отдыхе и в веселье он никому не уступит.

Олег мигом обегал все новые места.

На нас с ним вначале Донбасс произвел не очень отрадное впечатление. Его природа была куда беднее тех мест, где мы жили раньше. Мы привыкли к широкому Днепру, к зеленым садам и паркам. Краснодон показался нам совсем неинтересным. Олег скучал по родным местам. Перед глазами так и стояли живописный Ржищев с его Соловьиной улицей над Днепром, кручи Канева, могучая река.

А потом свылся мой Олег, как он всегда быстро свы-

кался со всем новым. В Краснодоне нет Днепра, но за семь километров есть речка Каменка, есть молодой, на девять гектаров, парк, посаженный комсомольцами в 1932 году. Парк разросся и к 1940 году стал роскошным садом. Там бил фонтан, охлаждая в горячий летний вечер; были танцевальные площадки, стадион, летний театр, кинотеатр, библиотека, и в самом центре парка стояла школа имени Горького.

Она была очень красива — просторная, светлая, уютная, как вообще все школы в Донбассе. Деревья смотрели прямо в широкие окна. Солнце, пока не заходило, заливало белые классы. Окон было так много, что школа казалась стеклянной. Особенно красив был спортивный зал — полукруглый, почти весь из стекла, прекрасно оборудованный спортивными принадлежностями.

Мог ли думать Олег, сидя в классе, что именно эту красавицу школу он сам приготовит к взрыву, заложит взрывчатку под любимый спортивный зал!

Я Б Л О Н Я

Понемногу мы начали привыкать к Донбассу и его природе.

Этот внешне суровый край имеет свою, только ему присущую красоту. Поверхность Донбасса неровная и волнообразная; тут несчетное количество оврагов и степных могил, а над ними — черные терриконы и башни копов.

Я работала в детском саду шахты, в пяти километрах от Краснодона. Дорога туда шла степью. Чтобы доставить мне удовольствие и увидеть восход солнца, Олег почти каждое утро ходил провожать меня на работу. Иногда с ним шел и дядя Николай.

Бывало, еще с вечера Олег уламливался со мной:

— Мама, разбудишь меня до восхода солнца?

— А что ж, разбужу.

На следующий день мы отправляемся в дорогу. Заспанный мальчик старался быть бодрым и не обращать внимания на утренний холод.

Когда всходило солнце, мы уже были за селением, в степи.

С первыми лучами солнца на землю падал густой белый туман. Этот донецкий туман никак не был похож на туман полтавских или киевских степей. Тот — серый и тяжелый, оставляющий после себя густую росу, а здесь туман был белый, даже слегка голубой, сухой, без единой росинки.

Казалось, будто перед тобой безграничное море, с валами белых волн, набегающих одна на другую, — море, из которого высятся вершины терриконов и копров, похожие на плавающие корабли. Олег не отрывал глаз от необыкновенного вида.

Когда солнце поднималось, туман оседал ниже, стлался только по оврагам и низинам, а затем пропадал совершенно.

Тогда перед нами открывался пышный степной простор с бесчисленным количеством полевых цветов, каких я даже и не знала.

В такие минуты Олег забывал, что он уже большой мальчик, и бегал от цветка к цветку, рвал их, собирал в огромные букеты: один — для детского сада, другой — для бабушки.

Уже в первый год нашей жизни в Краснодаре мы начали озеленять и приводить в порядок наш двор.

Весной, рано утром, мы выходили копать грядки для огорода и цветочных клумб. Бабушка сеяла нефорошь — веселое декоративное растение. Олег с дядей Николаем посадили фруктовые деревья, кусты сирени и роз.

Я с раннего возраста прививала сыну уважение ко вся-

кой работе, и он полюбил труд и приятную усталость от него, когда с удовольствием смотришь на то, что сделано твоими руками.

И теперь сын с увлечением копал ямы, разрыхлял землю, удобрял ее навозом. Вытирая пот со лба, он кричал дяде Николаю:

— Готово!

Николай приносил деревцо, ставил его так, что оно было на одной линии с другими деревцами, командовал:

— Сыпь!

Олег орудовал лопатой легко, как будто играл ею. От одной ямы переходили к другой, к третьей, десятой. Пот градом катился с лица Олега, но он шутил с дядей и вслух мечтал о первом яблоке со своей яблони под окном.

Под вечер Олег помогал нам рассаживать цветы, а на огороде — капусту и помидоры. Рассадку он без напоминаний поливал каждый день утром и вечером, днем накрывал от солнца лопухами.

На нашем огороде росли огурцы, редис, лук, помидоры и картофель; двор украшали большие шапки подсолнухов.

Среди цветов и подсолнухов наш дом был как в венке.

А чтобы над нашими головами распевали птицы, чтобы было кому собирать на огороде вредных мошек и гусениц, Олег ранней весной прикрепил высокую жердь со скворешней, где вскоре и поселились хлопотливые скворцы.

«ТЫ НЕ ВЕЙСЯ, ЧЕРНЫЙ ВОРОН...»

Так прошло шесть счастливых месяцев. В июне 1940 года Олег закончил семь классов. Хотя это не было полное образование, но Олег много читал, мог разговаривать почти

Олег с товарищами в парке. 1940 год.

на любую тему. Чтобы разрешить какой-нибудь спорный вопрос, он приучил себя обращаться к книге или словарю или к своей толстой тетради с цитатами. Когда же и этого не доставало, он не стеснялся обратиться к кому-нибудь из старших.

Олег всегда казался старше своих лет. К пятнадцати годам, довольно высокий, крепкий, хорошо сложенный, он уже был похож на юношу.

Высокий спокойный лоб, светлошатеновые волосы, зачесанные набок, длинные и густые брови, большие карие глаза с продолговатым разрезом и густыми черными ресни-

цами, полные, постоянно улыбающиеся губы — вот портрет сына тех лет.

Олег был жизнерадостен, умел и любил хорошо говорить, ценил остроумное народное слово, смеялся искренне и весело, заражая других.

Он очень увлекался музыкой, особенно чувствовал звуки скрипки.

Мне не нужно было ходить в кино, чтобы узнать, какая идет картина: Олег, возвращаясь домой, во весь голос распевал или насвистывал песенку из нового кинофильма.

Да и кто из наших ребят не увлекается кино? Едва ли они и мыслят свою жизнь без новых кинокартин. И у каждого в этих картинах, конечно, свой любимый герой.

Олег не пропускал ни одной кинокартины. Те, что ему нравились более других, надолго сохранялись в его впечатлительной душе.

Чапаев! Лихо несется тачанка, Петька у пулемета. Жаркая схватка. Победа! Мужество бойцов, их песни, пляски, дружба, любовь к народу и к своему Василию Ивановичу Чапаеву. И его горячее честное сердце, бьющееся ответной любовью и безудержной отвагой. Мечты Чапая. Песня «Ты не вейся, черный ворон...» Ночь. Удар в спину. Петька встает грудью за своего командира и старшего товарища. Глубокий Урал. Круги на воде. И вот она — месть врагу...

Олег бредил Чапаевым, восторгался Петькой и Анкой, но ближе всех его уму, сердцу и рассудку был комиссар Дмитрий Фурманов.

Часто — днем ли или в темноте перед сном — запоздно разговаривали мы с Олегом о прямом, большевистском характере Фурманова, о его спокойствии и выдержке, презрении к панике и унынию. На своей щеке я ощущала взволнованное дыхание сына, видела, как поблескивают в темноте его широко открытые глаза.

Позже, при немцах, когда нервы были накалены, а смерть сторожила из-за каждого угла, бывало кто-нибудь из «Молодой гвардии» теряет выдержку и начнет стучать стулом об пол, доказывая свою правоту, — Олег, исхудававший, весь напрягшийся, блеснет глазами и бросит с едва заметной усмешкой:

— Александр Македонский великий был полководец, но зачем же стулья ломать?

Случалось, и я не вынесу напряжения, разнервничаюсь, перестану на время мыслить ясно и спокойно, — подойдет тогда сын, обнимет меня за плечи и прошепчет на ухо все ту же фразу из Гоголя об Александре Македонском, сказанную Фурмановым Чапаеву.

«НЕ ГОРЮЙ, МАМА!»

Мне легко было растить сына. Мы жили в счастливое время любимого труда и заслуженного отдыха. Сталин на народных праздниках подымал на руках ребятишек, нашу общую радость. О их будущем заботилась советская власть.

Дружно мы жили с Олегом! Сын шутил, вел себя с нами, как с друзьями, уважал и ценил заботу и ласку. Его шутки не бывали грубыми и не оскорбляли старших. У Олега не было от нас ни секретов, ни тайн. Он делился со мной своими затаенными мыслями, он был уверен, что я выслушаю его внимательно и дам искренний совет. Слезы радости подступили к моим глазам, когда однажды я услышала, как сын сказал своим товарищам по школе:

— У меня мама — не только мама, но и товарищ мой. С Олегом я никогда не ссорилась, не бранила, не ворча-

ла на него даже тогда, когда видела, что он сделал что-нибудь нехорошее.

Спокойно и терпеливо старалась я убедить его, как следовало бы поступить иначе. Не имела привычки обрывать мальчика на полуслове. Старалась внимательно выслушать его и тогда спокойно говорила сама. О том, чтобы я подняла руку на своего сына, не могло быть и речи.

Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной встает картина недавнего прошлого. Немцы уже в Краснодаре. Вот они топают сапогами и по нашим чистым комнатам. И здоровый рыжий немец с перекошенной от злобы физиономией бьет кулаком Олега прямо в глаза...

Я гордилась своим сыном. Не раз ходили мы с ним, взявшись за руку. Я была переполнена материнской гордостью, мне хотелось останавливать людей и говорить им: «Смотрите, какой у меня сын!»

Олег, словно чувствуя мое настроение, весело говорил:

— Правда, мама, я уже взрослый? Посмотри, я уже выше тебя.

В мечтах о будущем сын уже видел себя сначала студентом, потом инженером. Обещал мне помощь, отдых от работы, любовь и уважение в старости. Я смеялась и говорила ему, что еще не устала жить и что моя старость так далеко.

— Да и разве люди от работы устают? Устают от горя. А я, сынок, так счастлива с тобой!

Крепко подружился Олег и со своим дядей Колей.

Они дорожили друг другом, как брат братом. Они даже внешне были похожи на братьев, и это очень радовало Олега.

Часто они вместе читали книги, говорили о прочитанном, без конца спорили, выдумывали кроссворды, викторины, ребусы.

Великое это слово: старший товарищ!

Не раз дядя Николай брал сына с собой в шахту или ездил с ним в поле, на геологические работы. Рассказывал о строении земли, о полезных ископаемых, о том, как образовался Донецкий угольный бассейн. Учил своего племянника всему, что знал и умел делать сам.

У дяди Коли было много работы над чертежами. Олег то и дело вертелся около чертежного стола — и вот циркуль и рейсфедер уже в его руках. Ходил сын и в трест к дяде Коле и там не пропускал случая, чтоб не почертить самому на белом, блестящем, как снег, листе бумаги.

Однажды дядя сказал:

— Олег, а не хочешь ли ты узнать, что такое первый заработанный рубль? Есть платная работа. Только вот не знаю: справишься ли ты и с учебой и с работой?

Олег так и вскинулся. Он знал, конечно, что после смерти мужа жить мне было трудно.

— А я вперед уроки выучу, а потом сяду чертить. Справлюсь, дядя Коля!

Я ничего не знала об этом разговоре. Но вот недели через три врывается бурей Олег, глаза горят, улыбка во все лицо. В руках — свертки.

— Вот, мама, тебе! Это мой первый заработок. Вот и деньги. Не горюй, мама!

И он протянул мне флакон духов, корзинку с пирожными и деньги.

Дороги были для меня те деньги. Дороже золота...

КОМСОМОЛЕЦ

В Краснодоне у Олега вскоре появились новые друзья: Сергей Квасников, Ваня Земнухов, Коля Шелупахин, Ульяна Громова, Нина Иванцова, Анатолий Лопухов и Лина Темникова.

Первой среди девушек для Олега была Лина. В своем дневнике немало теплых страниц отдал он этой девушке, посвящая ей стихи и записи.

Лина была на год моложе Олега. Красивая и веселая девушка, она хорошо училась, много читала, считалась неплохим товарищем в школе. Лина хорошо играла на пианино, пела, изящно танцевала.

Были у Олега друзья и среди учителей школы.

Особенно теплые отношения сложились у сына с учителем русского языка Улизком и преподавательницей Марией Андреевной Борц. С Улизком Олега сблизила игра в шахматы. Оба были заядлые игроки. А после игры они вели бесконечные душевные беседы о великом русском языке, о писателях.

В Краснодаре, как в Ржищеве и Каневе, Олег опять вошел в самую гущу общественной жизни школы: был членом учкома, редактором веселой стенгазеты «Крокодил», выходявшей аккуратно раз в неделю.

В то время Олег много писал стихов по-украински и на русском языке. В 1940 году на художественной олимпиаде он получил за свои стихи премию — три книги: «Основы ленинизма», «Капитал» и «Кобзарь». Эта победа Олега была нашей общей радостью.

В конце 1940 года Олег стал комсомольцем.

Задолго готовясь к этому, он прочитал множество политической литературы, старательно изучал устав комсомольской организации.

Возвратился он домой с собрания возбужденный, счастливый и прежде всего показал нам всем свой комсомольский билет. Мы поздравили Олега. Я, шутя, сказала:

— Ну, сын, теперь ты уже «немножко партийный»!

Олег рассмеялся.

В тот памятный вечер в нашей квартире было шумно и весело.

В О Й Н А

В июне 1941 года закончились занятия в школе.

Олег перешел в девятый класс. Ему шел шестнадцатый год. Летом он собирался провести родные места и вместе с бабушкой прокатиться сначала в милые Прилуки, потом — в Бердичев, где жила моя сестра Наталья Николаевна.

Начали готовиться в дорогу. Укладывали чемоданы, изучали расписание поездов. Поездка обещала быть интересной. По дороге Олег мечтал заглянуть в Ржищев. Представлял себе, как встретится со своими друзьями, вспоминал свою лодку, гулянье по Днепру, костры по ночам, песни, Раду Власенко...

И вдруг все изменилось. Вышло так, что брату Николаю необходим был чертежник.

— Олег, хочешь поработать?

— Теперь? — удивился сын. — Дядя Николай, право же, не могу. В дорогу собираюсь.

Николай обнял своего племянника и заглянул ему в глаза:

— А может быть, ты меня выручишь, Олег? Работа, понимаешь, спешная. И всего — на неделю. Сам я никак не справлюсь. Поможешь?

Олег растерялся. Да не шутит ли дядя Николай? Остаться, когда уже билеты куплены!

— А как же бабушка? Она же не захочет меня ждать.

— Ничего. Бабуся доедет и одна. Не маленькая.

Олег заколебался.

— Ох, дядя Николай, если б ты знал, как мне это неприятно!

— А я и не принуждаю, Олег. Хочешь — поезжай. Буду искать себе другого чертежника. Может быть, и найду. Наверное найду.

Олег не поехал. Условились, что бабушка поедет одна, а немного погодя приедет в Бердичев и Олег.

Двадцать второго июня было воскресенье. В этот день, как всегда в выходной, у Олега собрались товарищи.

Разговаривали, перебивая друг друга, завели патефон. Кто-то включил радио...

Я работала на грядках во дворе. Слышу, в комнате стало необычно тихо. Чей-то смех резко оборвали:

— Замолчи!

Вдруг из комнаты выбежал бледный Олег:

— Мама, война! Немцы напали на нас!

Мне показалось, что сын дрожит всем телом, голос его срывался.

— Правда... правда ли это? Кто тебе сказал?

— По радио выступает Молотов. Иди, послушай!

В тишине слушали мы обращение Молотова к народу.

— Что же теперь будет, сын мой? — тревожно спросила я у Олега.

Он подошел ко мне и крепко-крепко, как это делал маленький, прильнул к моей мокрой от слез щеке.

«ОТПУСТИ МЕНЯ!»

Вскоре Олег вместе с другими школьниками пошел в колхоз, на полевые работы.

Он очень волновался за бабушку, за мою сестру Наталью, за сестричек Лену и Светлану. Всем им он советовал в письмах как можно скорее добираться к нам. Наконец они приехали, и Олег немного успокоился.

Краснодон жил напряженной жизнью. Рабочие записывались в народное ополчение, формировали истребительные батальоны, на фронт шло пополнение.

Через некоторое время над Краснодоном начали появляться немецкие самолеты, а потом на головы мирных людей посыпались немецкие бомбы. Налеты все учащались.

Под обвалами умирали дети, горели дома, на смену счастью и благополучию шло великое горе.

В свободную минуту Олег не отходил от репродуктора. Фашизм скинул маску, и его настоящее лицо было омерзительно. У Олега сжимались кулаки. Бездействие угнетало его. От репродуктора он бросался к бумаге и под голос диктора, сообщавшего о зверствах немцев, о пожарах и горе, волнуясь, писал стихи.

Несколько из них сохранилось, остальные пропали.

На милую и горделивую,
На наш родимый мирный край,
На нашу Родину счастливую
Напал фашистский негодяй.

Все, как один, возьмем винтовки,
В бою не дрогнем никогда!
За нашу кровь, за наши слезы
Мы отомстим врагу сполна!

Голосом, полным гнева, тоски и боли, Олег читал мне эти стихи.

Враг приближался к Краснодону. Все тревожнее становилось в городе и на его окраинах. Начали готовиться к эвакуации. Моя сестра Наталья с детьми выехала далеко на восток. С шахт увозили оборудование.

Пока трест «Краснодонуголь» вывозил свое имущество, рабочие и служащие выехали в Верхне-Курмоярскую станцию — строить оборонительные рубежи. Выехал туда и мой брат Николай. Немцы были уже у Ростова.

Дома у нас собирались к отъезду; с минуты на минуту ждали эшелона.

Олег был единственным мужчиной в нашем доме, и на его плечи легли все заботы, связанные с эвакуацией.

Проходили дни. Эшелонов для населения не хватало: они шли на запад с войсками, на восток — с ранеными. Иногда проскакивали через станцию эшелоны с оборудованием шахт и заводов. Олег ходил на станцию, расспрашивал, нервничал, видя немецкие эскадрильи, сбрасывающие бомбы на мирные дома. В конце концов бездействие измучило его. Когда еще будет эшелон, а он, здоровый парень, должен сидеть сложа руки!

Он начал просить меня отпустить его в Верхне-Курморскую станцию:

— Мамочка, пойми меня! Не могу же я в такие дни сидеть дома без дела. Там, вместе со всеми, я хоть какую-нибудь пользу принесу. Каждая минута дорога, а я ничего не делаю... Пусти меня, мама!

А я боялась за него. С каждым днем усиливалась бомбардировка нашего города и особенно — железных дорог. Я старалась уверить сына, что нужно подождать эшелон, ехать вместе, но он и слушать не хотел.

— Я доеду, я не маленький. А там, вместе с дядей Николаем, буду работать на укреплениях. Пусти же, мама!

Я стала собирать сына в дорогу. Вместе с Олегом ехал и его товарищ Николай Шелупахин.

Мысль о том, что Олег едет не один, подбадривала меня. Но все же мы с бабушкой не могли удержаться, чтобы не заплакать.

Мы просили Олега беречься, слушать дядю Николая. Олег был очень нежен с нами, все время шутил, просил не беспокоиться о нем.

— А вы, как только будет эшелон, сразу же выезжайте, — наказал он нам перед разлукой.

Тяжело было расставанье... Засвистел паровоз, ребята вскочили на подножки вагона. Олег снял кепку и махал нам

Олег Кошевой в июле 1942 года. Рисовала с натуры Е. Соколан.

до тех пор, пока поезд не скрылся за станционными домами.

Мы с бабушкой остались стоять на перроне.

Непередаваемая печаль легла мне на сердце. Увидим ли мы его когда-нибудь? А тут еще, как нарочно, в ту самую сторону, куда пошел поезд, полетели фашистские самолеты. Вскоре мы слышали глухие разрывы бомб. Враг бомбил станцию Лихую.

Я горько расплакалась...

Дня через два после отъезда Олега крупные подкрепления наших войск пришли в Краснодар. Был дан приказ приостановить эвакуацию. Немцев отогнали от Ростова. Опасность миновала.

З О Я

Через некоторое время все рабочие и служащие были отозваны с оборонительных рубежей в Краснодар на ремонт шахт.

Возобновили свою работу и детские сады. Я стала ждать возвращения своих.

В середине ноября отзывали Николая. Каков же был мой испуг, когда я увидела брата на пороге дома одного!

— Где ж Олег?

— Разве ты не знаешь своего Олега? — устало улыбнулся брат. — Остался заканчивать укрепления в станице Верхне-Курмоярской с такими же энтузиастами, со своим другом Шелупахиным.

Только в конце ноября возвратились наконец Олег с Колей Шелупахиным, возбужденные, обветренные. Олег похудел, изменился, как будто бы сразу стал взрослым. Тревожные дни, какие переживала страна, резко отразились на сыне.

Это был уже не тот Олег — веселый, беспечный, любивший и песню спеть и потанцевать. Нет, теперь передо мной стоял серьезный, немного грустный юноша, уже познавший народное горе. Я видела, как он не находил себе места. Подолгу задумывался, разговаривал сам с собой.

Помню, как-то поздно вечером долго сидел он в углу дивана, подперев рукой подбородок, глядя куда-то далеко-далеко.

— Ты только, мама, подумай: нас, советскую молодежь, растили и вели к светлому будущему. Все двери в науку для нас были открыты. Учись, путешествуй, работай! Все для нас и ради нас. Понимаешь? И мы не знали ни капиталистов, ни помещиков вроде бабусиноного Кочубея, ни бедствий гражданской войны...

Вдруг он резко поднялся, начал быстро шагать по комнате, потом встал против меня.

— И вот, мама, я думаю сейчас о той нашей молодежи, ну, о тех наших ребятах там, где уже немцы. Какая же у них, наверное, буря в душе! Школы закрыты, книги сжигаются. Иди в кабалу, в рабство, в темноту! Ну, нет! Не удастся это тупоумным бандитам! Устоят наши! Не встанут на колени, никогда, ни за что! Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Правда, мама?

Через несколько дней Олег пошел в школу. Буднично и равнодушно прошел первый день занятий. Не было прежнего увлечения занятиями, не было радости.

Но скоро на свет опять появился «Крокодил». Только теперь от веселости его не осталось и следа. Нарисованный в аккуратном, в каком-то подтянутом виде, «Крокодил» выметал метлой из школы тех, кто в тяжелое для Родины время ленился, прогуливал, не учил уроков.

После школы Олег с ребятами спешил в краснодонский госпиталь: читал раненым книги, газеты, для тяжелораненых писал письма родным и знакомым.

Среди жителей Краснодона комсомольцы объявили сбор посуды для госпиталя. Олег побывал во многих домах, отнес посуду в госпиталь.

В первую очередь он, конечно, взял все, что мог, из своего дома.

У нас на квартире поселился комиссар, майор Василий Данилович Говорущенко. За несколько дней Олег близко с ним сошелся.

О многом они беседовали, но всегда заканчивали разговором о войне, о трудностях ее, о неизбежной победе над немцами.

Как-то, морозным днем, Говорущенко принес свежие газеты. Олег первый кинулся к ним. Перебирая их, сын увидел статью о героическом подвиге и смерти Зои Космодемьянской.

— Хотите, прочитаю вслух? — обратился он к нам взволнованно.

Статья эта ударила Олега, кажется, в самое сердце. Как он ни старался закрыть глаза газетой, я заметила в них слезы.

Кончив читать, он тихо уронил:

— Благородная душа! Вот настоящая комсомолка!

Некоторое время он сидел, опустив голову, задумчивый. Может быть, в это мгновение он представлял себе мужественный путь Зои, а возможно, что именно тогда его сердце загорелось огнем мести, который уже никогда с тех пор не угасал в его груди.

Вдруг он поднял голову, взглянул на нас и сказал:

— Если бы и мне пришлось попасть в их руки, мама...

Он замолчал и молчал долго.

Помню, был обычный донбасский зимний день с морозом и резким ветром. За окнами лежал глубокий снег. Густой иней облепил сучья деревьев, окна в домах. Ветер тревожно высвистывал в трубе.

Долго в нашем доме говорили о Зое. Олег слушал, сосредоточенно думая о чем-то своем.

Когда пришли газеты с портретом Зои, Олег вырезал его, заботливо вставил в рамку и повесил над своей кроватью.

Б О М Б Ы

Кончался учебный год, прошли испытания, и Олег перешел в десятый класс.

Теперь у него стало больше свободного времени, и я советовала ему хоть немного отдохнуть. Он только отмахивался.

Лицо сына хмурилось все более. Он стал еще замкнутее. Какие планы созревали у него в голове? Какие думы вынашивал мой единственный сын? Ясно мне было одно: рассудком, душой и сердцем он был там, на переднем крае войны, где решалась судьба всей нашей жизни. Передо мной был уже не мальчик. Руки моего сына просили оружия.

Позже я узнала про все и, как всегда, от самого Олега.

Сразу же после испытаний он стал советоваться с товарищами по школе, за какое дело им взяться, чтобы скорей помочь фронту. Олег предложил организовать отряд и идти в лес, к партизанам.

Не знаю, что бы получилось у ребят, если бы в это время Олег не познакомился с начальником политотдела одной саперной части, Вячеславом Ивановичем Грачевым, и не стал часто бывать у саперов.

Это было в начале 1942 года. Олег задумал пойти в армию добровольцем. Вячеслав Иванович уверял меня, что будет беречь Олега, как родного сына, а когда закончится война, Олег возвратится домой с победой живым и здоровым.

Я вначале колебалась, потом дала согласие. Невозможно описать радость Олега! Он обнял меня и начал кружить по комнате, как маленькую девочку. Каким сильным он стал к тому времени!

— Вот уж спасибо тебе, мама! Я знал, что ты меня поймешь, — повторял он, целуя меня в обе щеки.

Начались сборы. Но Вячеслав Иванович должен был сначала один выехать куда-то по важному делу и только после возвращения забрать Олега с собой.

Грачев не возвратился ни на другой день, как мы условились, ни на третий, не возвратился и на десятый.

Взволнованный Олег не спал по ночам. Мы тоже волновались — вещи Грачева остались в Краснодоне. Закралась мысль о несчастье.

Так оно и было. Грачев попал в окружение и долго не мог пробиться к своим.

Стояли палящие июльские дни. Немецкая орда двигалась на восток, а с нею — смерть и разрушение. Пылали цветущие украинские села и города.

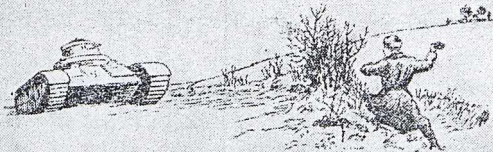
Красная Армия с боем отходила на новые рубежи.

Краснодонские шахтеры, рабочие и служащие организовывали истребительные батальоны, до позднего вечера проходили боевую подготовку. Помещались они в просторных рабочих общежитиях, около базарной площади.

Олег в эти дни почти не бывал дома. Он не пропускал ни одного события в Краснодоне. До всего ему было дело. Чтобы и ночью следить за налетами немецких самолетов, он ложился спать во дворе, накрывшись простыней.

С немецких самолетов падали ракеты, надрывно гудели паровозы, шахты, шарили по небу прожекторы, хлопали зенитные пушки. Немцы бомбили окраины города, где скопились наши воинские части. Доносился яростный гул бомбежки и со станции Лихой; там долго стояло яркое зарево. Ночью становилось светло, как днем.

**ФРОНТОВОЙ НОВОГОДНИЙ
ПРИВЕТ МОИМ РОДНЫМ!**

Мои родные! Мы, бойцы Красной Армии, решили: новый
1942 год будет последним годом для немецкой грабьярмии.
Смерть немецким оккупантам!

Добрый день дорогие мама, Тася,
Светлана и Лена!

Как вы тамживаетесь и как
ваше здоровье? Хотим ли вас там
приветовать?

У нас здесь жизнь идет.
З. попрежнему учусь в школе.

Мама, когда войдем в Сталинград, это
вы победим, знаете. За него вы
не беспокоитесь, он будет наш.

Писните письма и Светлана и
Лена? и все время пишите все
о вашей жизни. Мы будем
очень рады.

Дока новостей нет никаких.
Целую вас всех, Ваш Олег.

7.2.42

Я безотчетно боялась за Олега. Мне казалось, что его белую простыню среди зелени заметят немцы. Олег посмеивался:

— Что же ты, мама, думаешь, простыня — это тоже военный объект? Это же обыкновенный материал, а под ним спит обыкновенный субъект!

В П У Т Ь

В Краснодоне во второй раз началась эвакуация. В нашем доме тоже готовились к отходу. Хотя и верили мы, что настанет время, когда мы снова возвратимся в родные места, но на сердце было тяжело. Олег всячески старался успокоить тех, кто впал в отчаяние:

— Глупости! Били мы немцев на Чудском озере, попало и Наполеону под Москвой, а чтобы теперь наши фашистов не разбили? История еще не отмечала того, чтобы русская земля была когда-нибудь завоевана, а теперь и подавно. Ничего не бойтесь! Сталин с нами. А армия наша, а флот, а партизаны? Помните, как еще Тарас Бульба говорил: нету на свете такой силы, чтобы она сломила русскую силу!

И нам становилось как-то спокойнее от его слов.

А по дорогам, по всем улицам Краснодона все двигались и двигались бесконечные людские потоки. Хрипло мычал голодный скот, причитали женщины, а дети уже не могли и плакать.

На машинах, на телегах, на тачках, а то и на себе люди уносили свой скarb, уходили от немцев. Все это, двигаясь на восток, перемешивалось с воинскими частями. Иногда весь этот шум, крики и плач перекрывал лязг гусениц танков. Шла кавалерия, двигалась пехота. Почерневшие лица у бойцов и командиров были угрюмы.

Поднятая тысячами ног и колес, тяжелая темнокрасная донбасская пыль вставала плотной стеной, затемняла солнце, покрывала черным налетом лица людей, высушивала рот, слепила глаза, скрипела на зубах. Порой людей не было видно из-за нее.

Солнце жгло без жалости. Сердце разрывалось от боли при виде измученных ребятишек. Им было тяжелее всех.

Наш домик стоял около дороги, и из окон все было видно. Видел это и Олег. Мука застыла в его глазах, но отчаяние так и не нашло трещинки в его сердце.

— Мама, — жестко твердил он, — мне надо уходить. Надо! Надо! Может случиться, что эшелонов нехватит на всех. Что тогда? Немцы нас, мужчин, в первую голову погонят строить для них укрепления, рыть окопы, подносить патроны и снаряды к их пушкам. А эти пушки будут стрелять по нашим, убивать их! Ты же знаешь, я никогда не пойду на это, и немцы убьют меня. Так что же? Погибнуть бесславно? Нет, надо уходить. Надо...

И вдруг — новое горе. Перед самым отъездом тяжело заболела бабушка. Она, правда, все еще хлопотала, работала за троих, но силы ее оставляли. Выяснилось, что у нее брюшной тиф. Это разбило все наши планы. Как я могла оставить больную мать? Я заявила, что никуда без нее не поеду.

Оставалось одно: немедленно выезжать брату с семьей и Олегом. Для них и для шести рабочих дали подводу. Договорились на воз уложить все вещи, самим идти пешком.

Как же не хотелось Олегу оставлять свою бабушку, да еще больную! Раз десять на дню он умолял меня:

— Береги бабуся!

— Бабушка, — бросался он к ней, — смотри не забывай, что ты коммунистка! А ну-ка, где твой партбилет? Хорошо ли его спрятала? Немцы придут — сейчас же с обыском!

Бабушка слабо улыбалась:

— За меня не бойся. Я уже приготовила место для билета, да такое надежное... Не взять его немцу. Руки коротки у ката. Ты сам, Олежек, будь осторожен. Дядю Колю слушайся...

Так они утешали друг друга.

Перед отъездом Олег, конечно, забежал попрощаться с Линой. Он просил ее, если не удастся выехать, прятаться от немцев, быть стойкой, духом не падать и ждать возвращения своих.

А мне он сказал:

— Обо мне не беспокойся, мама. Будь уверена, я найду себе дело. Я думаю, что мне лучше всего пойти в армию или в партизаны. Недаром я выбивал сорок восемь из пятидесяти возможных. Теперь вот как пригодится!

— Сыночек мой, — пробовала я возражать ему, — это хорошо, что ты такой, но ведь тебе только шестнадцать лет!

— Соловей хоть и маленький, да голос у него большой, — как всегда, отшучивался Олег. — Во всяком случае, за чужими спинами твой сын отсиживаться не будет. Ну уж, нет!

Я волновалась за Олега, знала: у него слово не разойдется с делом. Но что я могла сделать? У птенца отросли крылья, и родное гнездо стало тесным ему.

Утром 16 июля я собирала в далекий путь самых дорогих и близких моему сердцу людей. Вместе с ними уехала моя приятельница, чертежница геологического отдела, Елена Петровна Соколан. Олег любил и уважал Елену Петровну, она была нашим другом.

Проводила я их за город. Там на окраине молча обняла сына, крепко его поцеловала.

— Делай все так, как подскажет тебе твоя совесть, — сказала я ему на прощанье.

Долго еще Олег оборачивался и махал мне кепкой.

Совсем бесчувственная, я вернулась домой. В нашем милом домике, где недавно было так шумно и уютно, полно радости и веселья, где не умолкал смех Олега, шутки дяди Коли и бабушки, стало пусто, глухо, одиноко. Все было сдвинуто с привычного места, разбросано. И не было его, моего Олега.

В отчаянии я бросилась на пол и долго лежала так, немая, опустошенная...

Н Е М Ц Ы

Настали тревожные дни. Я изо всех сил старалась не думать о самом страшном, что вот-вот могло случиться.

В городе было пусто; казалось, что он вымер. Все, кто не уехал, попрятались в домах и, как страшную чуму, ждали врага. И мы с мамой были одни в доме.

Двадцатого июля 1942 года утром немцы вошли в Краснодар.

Они были похожи не на солдат, а на бандитов с большой дороги. Прежде всего эти «освободители», как они себя называли, кинулись по квартирам и курятникам. Каждый из них что-то тянул: курицу, какие-то мешки; некоторые успели наворовать всяческой одежды. Немецкие солдаты не брезговали ничем. А у каждого их офицера чемоданы были уже полны награбленным добром.

К нам в квартиру заскочили два ефрейтора и заявили, что здесь будет жить «большой офицер».

Увидев на дверях портьеру, один ефрейтор кинулся к ней, сорвал ее и, скомкав, сунул в мешок. Другой увидел на стуле мое шелковое платье, вытащил из кармана ножницы и тут же порезал платье на косынки. Потом они оба

бросились к буфету, но мы предвидели грабеж и заранее попрятали все ценное.

К вечеру Краснодар был переполнен немцами. В этот же день у нас поселился важный офицер. Чемоданов и сундуков у него было столько, что их некуда было ставить. Ими забили кладовую, коридор; в квартире стало тесно от них. Среди вещей были даже самовар и половая щетка. Одним словом, нашему квартиранту более подходило название большого грабителя, чем большого офицера.

С этих пор мой дом стал мне чужим. Меня только радовало одно: что нет здесь сейчас ни Олега, ни брата и что им не пришлось жить под одной крышей с немцем.

Но случилось такое, чего никто не мог ожидать. 25 июля, в четыре часа дня, возвратились шестеро рабочих, а с ними Олег и мой брат с семьей. Они доехали до Ново-черкасска, дальше на восток все пути были уже отрезаны.

Невеселой вышла моя встреча с Олегом.

Он был хмурый, почерневший от горя. На лице его уже не появлялось улыбки, он ходил из угла в угол угнетенный и молчаливый, не знал, к чему приложить руки. То, что делалось вокруг, уже не поражало, а страшным гнетом давило душу сына.

— Мама, если бы ты знала, мама! — горячо шептал он мне. — Это же не люди, а какие-то чудовища, настоящие людоеды! Если бы ты знала, родная, что видел я по дороге!

И, как будто желая найти защиту от страшного, что его угнетало, Олег, как в детстве, прижимался ко мне и рассказывал о женщине, которую убил немец за то, что она не позволила ему грабить вещи, о грудном ребенке: немец схватил его за ножки, ударил головой о дорогу, а потом переехал его своим мотоциклом...

— Сколько буду жить, столько я буду помнить это! — сказал Олег, словно поклялся.

Ночью, при тусклом свете каганца, он писал стихи.

Слышно было, как в соседней комнате храпел немецкий офицер на нашей постели, на нашей подушке.

Свет от каганца озарял Олега снизу, и я не сводила глаз с решительного лица сына.

Стихи получились вот какие:

...И я решил, что жить так невозможно.
Смотреть на муки, самому страдать?
Скорей, пора! Пока еще не поздно,
В тылу врага — врага уничтожать!

Я так решил, и это я исполню,
Всю жизнь отдам за Родину свою —
За наш народ, за нашу дорогую,
Любимую Советскую страну!

А к Сталинграду непрерывно шли немцы, румыны, итальянцы. Без конца двигались их обозы, артиллерия, танки, легковые машины со штабными офицерами.

Шли и ехали враги --- веселые, сытые, самодовольные, рассчитывая на легкую победу.

Присутствие врага в нашем доме приводило в ярость сына. Я видела, как он напрягает все силы, чтобы не высказать немцам всей своей ненависти. «Большой офицер» от нас уехал к Сталинграду, и теперь к нам на квартиру ставили солдат. Они ночевали одну-две ночи, не больше.

Однажды у нас остановились солдаты-эсэсовцы. Один из них, развалившись на диване после обеда, долго смотрел на Олега, потом спросил:

— Кто это?

Я ответила:

— Мой сын.

Немец, усмехаясь, сказал, что это здоровый и красивый юноша. Олег, понимавший по-немецки, нахмурился. Я молчала. Но немцу и не нужны были слушатели. Он продолжал самодовольно рассуждать вслух:

— Да, ваш сын очень красивый и сильный юноша. Такие солдаты нужны для Германии.

Олег с презрением покосился на фашиста.

Сын только что вернулся с улицы; он торопился домой, раскраснелся, черные брови на высоком лбу, глаза ясные, плечи широкие. Он был в синем костюме, в белой чистой рубашке, ловкий, молодой, высокий.

— Не нравится быть солдатом? — пристал к нему фашист. — О, ничего! У нас в Германии много этих, как их...

Тут солдат запнулся.

Подыскивая подходящие слова, он сморщил лоб, потом хлопнул себя по коленям:

— О, да, он будет работать у этих, у... куркулей. В нашей Германии много куркулей. Им нужны крепкие и здоровые работники.

Олег наконец не выдержал.

— Дурак ты, дурак! — сказал он по-русски громко. — Не знаешь ты, что куркуль — это, по-нашему, кулак. Мы их уже давным-давно прогнали, этих твоих куркулей! А скоро и вам будет такая же участь!

— Вас, вас? — важно спросил немец. — Что такое есть кулак?

— Кулак есть кулак, а ты есть дурак! — сказал Олег.

П О Е Д И Н О К

Утром эсэсовцы ушли. Но наша чистая квартира опять понадобилась немцам для какого-то важного генерала. И он перебрался к нам со своими многочисленными чемоданами и денщиком.

Денщик — высокий, сытый, рыжий эсэсовец — неплохо говорил по-русски и с чисто фашистской злобой и прене-

брежением отзывался обо всем русском, советском. Только и был слышен по дому его квакающий голос:

— Советские свиньи! Скоты!

Генерал восседал в столовой за столом, на котором постоянно стояли бутылки с шампанским, печенье, фрукты, всевозможные конфеты, шоколад. Для маленького Валерика, сына дяди Коли, было большим испытанием проходить мимо этого стола. К тому же бабушка, видя, что денщик и на человека не похож, строго внушала Валерику даже и не оглядываться на стол.

Но мальчику было всего около трех лет, и он не видел не только сладкого и фруктов, но и хлеба не кушал вдоволь. Трудно было Валерику перебороть искушение.

Как-то раз Валерику надоело сидеть в угловой комнате, куда нас загнали немцы, к тому же мальчику очень захотелось есть. Всем съестным у нас распоряжалась бабушка. Она была на кухне.

Валерик отворил дверь в столовую, и тут перед ним предстали на столе все богатства. Как потом мы выяснили, произошло следующее.

Валерик увидел на столе сладости и фрукты, но вспомнил, что бабушка строго запретила и глядеть на них. Однако пройти мимо и хотя бы не оглянуться на плитки шоколада было выше его сил. Валерик решил обмануть самого себя. Он повернулся и пошел спиной вперед. Но итти так, вслепую, было трудно, и Валерик затопал башмаками.

Генерала не было дома. Денщик сидел на диване. Он схватил винтовку и, толкая Валерика штыком в спину, закричал на весь дом:

— Русская свинья! Что ты здесь ходишь?

Мы услышали дикий крик Валерика. Бабушка подхватила его на руки. Он был весь в горячем поту, глазенки его блуждали, он дрожал и заикался.

На кухне бабушка шопотом утешала Валерика:

— Ну, не плачь, не дрожи, детка! Я тебе знаешь что скажу? Слушай-ка: скоро опять придут сюда дяди со звездами, так они вот сколько принесут тебе и конфет, и шоколаду, и яблок с грушами...

Я благодарила случай, что в это время Олега не было дома. Но столкновения предотвратить не удалось.

Однажды денщик начал в нашем присутствии громко ругать русских:

— Вы некультурные свиньи, дикий народ! Вас всех нужно учить. Это взяла на себя наша культурная Германия. И мы добьемся своего!

Олег стоял бледный и страшный. Я дрожала всем телом. Я видела: сын, сдерживаясь изо всех сил, больно закусил губу.

Денщик продолжал глумиться:

— Вы, русские, должны быть благодарны великой Германии!

Тут, забыв все наши предупреждения, Олег вспыхнул, как порох:

— Неправда! Не мы, а немцы — самый некультурный и дикий народ. Разве культурный народ пошел бы жечь и убивать мирных людей? Вы напали на нас! Вы, людоеды, убиваете беззащитных женщин и детей! Вы... вы...

Немец, вначале опешивший от крика Олега, вдруг подскочил к сыну и что было силы ударил его кулаком в лицо.

— Ты комсомолец? Я убью тебя! — кричал он, вынимая оружие.

Олег в ярости схватил немца за борт мундира и с силой потряс его, так, что в его бесцветных глазах выразились трусость и беспомощность.

Я кинулась к ним, загородив Олега. Я умоляла немца:

— Сын еще молод, неразумен...

Насилу-то успокоила я разъяренное животное. Олег убежал из комнаты.

Я нашла его во дворе. Он сидел на лавочке, сжав голову руками и раскачиваясь, словно от боли. На его лице горел след от удара. По бледным щекам катились крупные слезы.

— Если бы не ты, мама, я разорвал бы ему горло, — сказал он чуть слышно. — О, я бы ему показал, проклятому!

Как могла, я старалась утешить сына. Прижала его к себе, приласкала. Целовала в лицо, в глаза:

— Пока их сила, Олег... Надо терпеть. Скоро возвратятся наши.

Олег резко поднял голову и посмотрел вокруг недобрым взглядом:

— Терпеть меня, мама, не учи! Жить под одной крышей с немцами я больше не могу! Пойду в партизаны, мстить буду за себя, за всех! А этому немцу я еще покажу!

К счастью, на второй день офицер, а с ним и его денщик выехали от нас.

К Л Я Т В А

Мы жили, как в большом концлагере. Не знали, что делается на фронте, в Москве, где наши войска.

В то, что писали продажные, организованные при помощи немцев газетки, о чем изо дня в день кричало немецкое радио, мы не верили. Немецкая пропаганда уверяла, что Ленинград уже в руках немцев, что Сталинград также не выдержал натиска немецких войск, что Красная Армия разбита. Олег только посмеивался:

— Врут! Живет Красная Армия! Я сердцем чую.

Немцы безжалостно грабили население, забирали хлеб и скот и вывозили в Германию. Огромные самолеты, наби-

тые зерном, пролетали над Краснодоном, где люди страдали от голода. Потом и молодежь стали угонять в немецкую неволю. Плачем и стоном наполнилась украинская земля.

А в конце августа 1942 года в городском парке Краснодона немцы закопали в землю партию арестованных шахтеров и служащих. Среди них были женщины и дети. Их заставили выкопать яму, стать в нее и, связав каждой пятерке проволокой руки, живых начали засыпать землей. Того, кто сопротивлялся, пристреливали на месте.

Это было ночью, часов в одиннадцать. Выходить на улицу немцы запретили после семи часов вечера. Наступала душная, черная ночь. Душно и черно было и у нас на сердце. Спать я не могла, и мы сидели с Олегом в саду на лавочке.

Ясные звезды смотрели на нас сверху. Глядя на них, мне представилось, что сейчас на эти же звезды смотрят наши люди по ту сторону Родины, смотрят красноармейцы и командиры из своих окопов, смотрит Сталин и что они все знают о наших муках и скоро придут на выручку.

Не знаю, о чем думал Олег. В последнее время мы часто сидели с ним рядом молча. Потом проверяли, и оказывалось, что думали мы об одном и том же.

Вдруг откуда-то, из самой глубины черной ночи, донесся какой-то странный звук, словно тонкая струна лопнула. Занятая своими думами, я не обратила на это внимания. Но Олег вскочил с лавки, крепко стиснул мне плечо сильной рукой:

— Мама, слышишь?

Со стороны городского парка раздался два-три торопливых выстрела, а за ними такой отчаянный и тоскливый детский крик, что сердце, казалось, перестало биться. Ужас охватил меня. Я прижалась к сыну.

— Мама, — воскликнул он, — это их казнят!

Олег в августе 1942 года.

Весь Краснодон знал об аресте коммуниста Валько и, других большевиков и беспартийных рабочих-шахтеров и служащих.

С первого же дня прихода немцев они наотрез отказались работать с ними и в лицо немцам говорили о ненависти и презрении к фашистам.

Вместе с этими мужественными людьми арестовали женщин, забрали и детей. Мы видели, как их, голодных и измученных, немцы под усиленным конвоем водили по улицам на работы.

Однажды Олег видел их на работе. Проходя мимо железной дороги, проложенной от шахты к тресту, он наткнулся на знакомого товарища. Конвоира близко не было, они разговорились.

Товарищ Олега, оборванный, худой, как скелет, еле держась на ногах, перетаскивал шпалы.

— Олег, — слабым голосом сказал он, — мы все умираем с голоду. Ребятишек очень жалко...

И он начал рассказывать, как над ними издеваются в гестапо. В арестном помещении людей набито столько, что сесть негде, все стоят целыми ночами, спят стоя. В уборную не выпускают. Грязь, вонь, мухи. Иногда немцы бросают в камеры сырые кабачки, и арестованные делят их по семечкам.

— Бежим! — прошептал Олег.

Но товарищ покачал головой:

— Спасибо тебе, но если я убегу, остальным хуже будет. Да и не дойду я. Сил нет совсем... Олег, вон, в том огороде, свекла растет. Если я ее сам сорву, меня избыют до смерти, да и всем попадет...

Олега не нужно было просить дважды. Он пополз к огороду, вырвал из земли свеклу и отдал товарищу. Потом со всех ног побежал домой, забрал весь хлеб, что у нас был, и принес его арестованному.

— Олег, — сказал тот, — знай, скоро нас всех расстреляют...

Приближалась охрана. Надо было уходить.

Теперь их ночью живыми закапывали в землю. Донеслись еще выстрелы, глухие крики, плач детей. Потом все стихло.

— Мама, — услышала я страстный голос Олега, — больше терпеть нет моих сил! Знаешь, мама, храбрый умирает один раз, а трус — много раз. Теперь я знаю, что мне делать...

Несколько дней спустя в книге «Как закалялась сталь» я нашла листок, исписанный рукой Олега:

Клянусь я тебе, дорогая отчизна,
Что буду я грудью тебя защищать,
Что немца — тирана, захватчика, хама —
Где встречу — уничтожать!
Клянусь своему я народу родному:
Жестоко отмстить я сумею врагу...

Олег написал эти строчки в ту страшную ночь. И от стихов перешел к оружию.

Л И С Т О В К И

Был солнечный, веселый день. Часа четыре. Помню, я вошла в комнату. За столом сидели Олег, брат Николай, Ваня Земнухов и Толя Попов. Склонившись над какими-то бумагами, они что-то молча писали. При моем появлении они несколько смутились. Кто-то даже спрятал от меня свои бумажки под стол. Олег тепло улыбнулся мне и сказал:

— Мамы не бойтесь, товарищи. Мама — мой первый советчик.

И он показал мне одну из бумажек:

— Вот. Прочти. Хотим раскрыть глаза людям. Подбодрить хотим. На борьбу поднять.

В этих первых самописных листовках они призывали население не выполнять немецких распоряжений, сжигать хлеб, который немцы готовят вывезти в Германию, при удобных случаях убивать немцев и полицейских и прятаться от угона в неволю.

— Хорошо? — спросил Олег.

— Хорошо-то хорошо, — сказала я, — только за это своими головами можете расплатиться.

Олег по-озорному присвистнул. Толя Попов блеснул глазами:

— Елена Николаевна, а знаете... смелость города берет. Риск — благородное дело.

Олег стал серьезнее, задумался:

— Конечно, риск — благородное дело, но только тогда, когда рискуют обдуманно, умно. Когда есть уверенность в необходимости этого риска. Когда любовь есть к делу. А любишь — всего добьешься. — И опять заулыбался: — Помнишь, мама, кузнеца Вакулу? Как он в ночь под Рождество самого чорта перехитрил? А почему? Оксану свою он крепко любил. И не стало для Вакулы ни страхов, ни преград. Любовь, мама, сильнее самой смерти. А если Вакула чорта обманул, неужели мы немцев и полицейских не одурачим? Быть того не может!

Что я могла ему ответить?

В тот же вечер первые их листовки, эти первые ласточки, разлетелись по городу. Их приклеивали в городском парке на скамейках. Когда стемнело, приклеили и на двери кинотеатра, в темноте зала бросали в народ. При выходе, в тесноте, две листовки засунули даже в карманы полицейских.

С того вечера распространение листовок стало

Протти и предаю товарищу

Товарищи Красноармейцы!

Долгожданый час нашего освобождения от ярма гитлеровских бандитов приближается.

Войска Юго-Западного фронта линия обороны прорвана.

Наши части 25 ноября, взяв станцию Морозовскую продвинулись вперед на 15 км. Движение наших войск на запад стремительно продолжается.

Немцы в панике бегут, бросая оружие. Враг отступая, грабит население, забирая продовольствие и одежду.

Товарищи! Бросайте все, что можете, дабы не досталось оно гитлеровским грабителям!

Соблюдайте приказы немецкого командования, не поддавайтесь лживой немецкой агитации.

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша освободительница Красная Армия!

Да здравствует свободная Советская Родина!

ш. п. д.

каждодневной работой молодых конспираторов. Благородный почин борьбы с немцами был сделан.

А в конце августа Олег достал у инженера Кистринова радиоприемник. Наконец-то мы услышали нашу Москву! Стало так радостно, как будто после жестокой зимы пришла весна и мы выставили в окна рамы.

Олег записывал радиопередачи, передавал их товарищам, а те размножали в десятках экземпляров и расклеивали по городу. Измученные неизвестностью, наши люди стали каждый день читать сообщения Информбюро. «Большая земля» протянула нам руку.

Зато для гестапо и полиции работа увеличилась. Немцы и полицаи бегали по городу, как собаки, сбившиеся со следа, и с руганью срывали листовки на центральных улицах.

Сорвать листовки им, конечно, удавалось, но как вырвешь правду из сердец людей?

КАШУК

Конспиративный кружок начал расти. В него вошли Сережа Тюленин, Майя Пегливанова, Уля Громова, Сеня Остапенко, Коля Сумской, Степа Сафонов. Вошли почти все друзья Олега, кроме самого близкого — Лины.

Я осторожно спросила у Олега:

— Лине... ты не даешь никаких поручений?

Олег ответил:

— Я ошибся в ней, мама.

Я стала уговаривать его не ссориться с Линой. Олег резко отмахнулся:

— Разве мало я с ней говорил? Ей, в конце концов, не плохо и при немцах!

— Что ты говоришь, Олег? Ты так дружил с Линой!

Олег мучительно покраснел. Наша откровенность с ним не заходила еще так далеко. А может быть, ему стало стыдно за свой, такой неудачный, выбор.

Но вот он решительно встряхнул головой:

— Слушай же, мама! Позавчера немцы гнали наших арестованных. Избивали прикладами, издевались, ну, как всегда... Я побежал к Лине, хотел поделиться с ней, по душам поговорить, понимаешь? А она... у них патефон играл, а Лина... веселая такая... танцевала с немецким офицером. Дверь была открыта, и я все видел. — Он вздохнул, словно груз с себя снял: — Я думаю, и я уверен... Павел Корчагин так же бы поступил с таким ничтожеством, как Лина...

Павел Корчагин и теперь был любимым героем Олега. В тяжелые минуты он брал с этажерки книгу «Как закалялась сталь» и снова перечитывал, ее. Бывало, кто-нибудь из его товарищей взгрустнет, повесит голову — Олег и ему протянет эту книгу. Позже, когда кружок привлекал к себе все больше и больше отважных, Олег частенько читал друзьям любимые места из книги. Горячие слова Островского я знаю теперь напамять. Вон они:

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества...»

Бывало, после этих слов призадумаются ребята, лица у всех станут светлее, глаза заблестят, а Олег скажет за всех:

— Лучше смерть в бою, чем жизнь в неволе! Правда, ребята?

Как-то раз Олег возвратился домой очень взволнованный. Я старалась вызвать его на откровенность, но это мне не удалось. Его поведение удивило меня.

«Что случилось? — думала я. — До сих пор Олег не таился от меня».

Видно, произошло что-то, глубоко поразившее сердце сына.

Я решила спокойно ждать. Он сам, как всегда, расскажет мне обо всем.

Я понимала, что мой Олег уже не тот веселый подросток, недавно мечтавший о романтических подвигах и о своих любимых героях. Перед ним встала суровая необходимость борьбы с врагом, и он бесстрашно вступил в эту смертельную борьбу.

Теперь он приходил домой поздно ночью, стал молчаливым, избегал откровенных разговоров со мной. Одним словом, он вел себя, как взрослый человек, у которого своя, мужская ответственность, свое горе и своя радость.

Я понимала, что затаенные мысли, полностью завладевшие его сердцем, высокой стеной отделили моего сына от меня.

А как мне хотелось опять заглянуть в его душу! Но мы привыкли уважать друг друга, и я не смела врываться в его мир, если Олег сам этого не хотел.

Но вот пришло время, и я снова стала его близким другом и советчиком.

Однажды, к ночи, сын пришел домой по-особенному возбужденный. Плотно закрыл за собой дверь, оглянул комнату. И я услышала его взволнованный голос:

— Ну, мама, поздравь меня! У нас уже есть своя боевая организация...

Долго мы в тот вечер опять разговаривали с Олегом. Он снова был со мной откровенным, как со своим верным другом. Он ждал моего одобрения и поддержки. Он расска-

Домик в Краснодоне, где жил Олег, — теперь музей «Молодой гвардии».

зал мне о плане их боевой организации, о намеченной цели, о том, как они хотят бороться. Все, все...

Я поняла: большое, светлое дело задумали ребята. Я знала: борьба будет беспощадной и жестокой.

Как умела, я раскрыла сыну свою душу, говорила, что на пути борьбы, на который он встал, его на каждом шагу будет подстерегать опасность. И что ее нужно встретить мужественно.

Сын слушал притихший, не сводя с меня глаз.

— Мамочка! Ну уж... если придется умереть, тебе за меня стыдно не будет!

Мне стало и хорошо и страшно.

И как ни тяжело мне было в этом самой себе признаться, как ни щемило мое сердце, я видела, что теперь жизнь

моего сына принадлежит уже не мне и что смертельная опасность будет его спутником на каждом шагу.

Но я не остановила его. Не кинулась на грудь, чтобы слезами и просьбами заставить его сойти с выбранной дороги, не схватила за руку, чтобы не пустить из дому, спрятать от его товарищей, уберечь от борьбы. Я любила своего сына. В ту же ночь я решила всеми силами помогать ему.

Олег получил конспиративное имя «Кашук».

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Смертельная борьба началась. Правда, она переплеталась у ребят с романтическим увлечением, но самое главное они видели ясно: ими двигала любовь к отчизне. Они предпочли борьбу неволе.

Да и не умирать, а бороться и жить собирались они. Они верили в победу. Они и представить себе не могли, что среди них окажется негодяй с черным сердцем, который продаст врагу свою совесть и выдаст организацию.

От своего милого Кашука я продолжала узнавать о всех планах организации и совсем незаметно для себя втягивалась в борьбу.

Ребята не остерегались того, что я хорошо знакома с их планами, — они охотно пользовались моей помощью и не раз доверяли мне одной охрану собраний, особенно когда конспиративные заседания проходили в нашем доме.

Первое собрание молодых подпольщиков состоялось в конце сентября 1942 года.

Собрались у нас, поздно вечером. Окна плотно занавесили одеялами. На столе в столовой тускло горел каганец — шахтерская лампочка. Он едва освещал воз-

бужденные лица ребят, но глаза их блестели живым огнем.

На столе были расставлены шахматы, домино, тут же наготове была гитара. Собралось более двадцати человек, в комнате было тесно. Разговаривали вполголоса, а то и шопотом, как будто перед торжественным событием. Да так оно и было.

У самого гнезда фашистов, около гестапо, собрались недавние советские школьники, готовые на борьбу и на муки. Когда-то они читали и им рассказывали в школе, как их отцы-большевики вот так же собирались в подполье. Теперь ребята продолжали славное большевистское дело: организовывались на борьбу. Звезда правды ярко горела впереди их пути, и ничто им не было страшно.

Я видела Толю Попова, как всегда аккуратно одетого; Дему Фомина, даже и теперь с трудом удерживавшегося от своих обычных шуток и проказ; Ангелину Самощину, красивую девушку с мягкими светлыми волосами, — голубые ее глаза доверчиво смотрели на товарищей; Васю Левашова, сосредоточенного, решительного; Майю Пегливанову, стройную, высокую, с гордо сжатыми губами; Нину Иванцову, сдержанную, вдумчивую, готовую пойти на любое рискованное дело, оказать немедленную помощь товарищу, — видела ее удивительно глубокие, выразительные глаза, в которых светилась вся ясная душа этой милой девушки; Валю Борц — молчаливую, настороженную, ждущую самых опасных поручений; милого Сережу Тюленина, худенького, почти мальчика, с душой и сердцем воина, и высокого, стройного Жору Арутюянца, поблескивавшего своими черными глазами и, как всегда, сдержанного.

Олег показался мне возбужденным более чем когда-либо.

Он не мог скрыть своего празднично приподнятого настроения, как ни старался. Он был одет в свежую бе-

лую рубашку с его любимой голубой вышивкой на груди, в серые брюки, как всегда аккуратно выутюженные. Румяный, улыбающийся, он то и дело оглядывал лица ребят.

Но как ни старались ребята и девушки придать собранию серьезную обстановку, молодость, несмотря ни на что, брала свое. Нет-нет, да и вспыхивали шутки и смех.

Собрание открыл Олег. Напряженная ночь стояла за окнами нашего домика, и мне казалось, что я слышу, как бьются сердца ребят.

Олег заранее распорядился, чтобы бабушка дежурила во дворе, а дядя Коля — на улице. Я была с ребятами, изредка выходила во двор и на улицу — узнать, все ли в порядке.

На этом собрании был избран штаб в составе Олега, Вани Земнухова, Вани Туркенича и Сергея Тюленина; позднее в штаб вошли Люба Шевцова и Уля Громова.

Организация была единодушно названа «Молодой гвардией».

Секретарем комсомольской организации был единогласно избран Олег, он же стал и комиссаром «Молодой гвардии». Командиром организации избрали Ивана Туркенича.

Потом встал вопрос об оружии; стали думать, где и как его достать, где хранить.

Ребята уже успели подглядеть, что румыны и итальянцы довольно небрежно относятся к своему оружию: оставляют его без присмотра, а иногда непрочь и променять на продовольствие.

Было решено: оружие добывать всякое, пользоваться для этого любым удобным случаем, особенно при остановках вражеских войск в Краснодоне, в Изварино, в Шевцевке, и везде, где можно, доставать винтовки, автоматы, патроны, гранаты, тол, мины.

Как только заговорили об оружии, Сережа Тюленин

заерзал на стуле, готовый хоть сейчас начать поиски. Были возбуждены и остальные.

Олег и Ваня Земнухов предупредили ребят не зарываться, действовать наверняка, осторожно.

Потом было принято предложение Олега: чтобы как можно меньше людей знало о штабе и его планах, разбить всю организацию на пятерки. Только начальник пятерки будет держать связь со штабом.

Клятву, приготовленную заранее Олегом и Ваней Земнуховым, ребятам прочитал Олег. Ее приняли с каким-то особым чувством. Ребята сидели, тесно касаясь плечом друга друга, — одна семья. Еле сдерживая волнение, Олег читал:

— «И если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам ее без минуты колебания...»

Затаенное, взволнованное дыхание, вдохновенные юношеские лица.

Словно какая-то гордая птица пронеслась над ребятами и позвала их, и они были готовы лететь за ней. Со двора еле слышны были осторожные шаги бабушки...

— Ребята, — поднял Олег на товарищей свои большие, полные радости и доверия глаза, — ребята! Все вы слышали слова клятвы. Вдумайтесь хорошо в слова этой клятвы Родине. Если кто слаб душой... лучше отойдите молча, сейчас, сразу. Потом будет поздно, когда ты дашь торжественное обещание...

Никто не пошел на попятный.

П Р И С Я Г А

После первого же собрания молодогвардейцы начали энергично действовать. В конце октября организация выросла до семидесяти человек, в ноябре в ее рядах было более ста юных бойцов за Родину.

Прежде чем принять кого-нибудь в организацию, члены штаба внимательно изучали новичка, пытливо беседовали с ним, подготавливая будущего молодогвардейца к суровой борьбе.

Вот как потом Нина Иванцова рассказывала об этом:

— Однажды Олег мне сказал:

«Нина, мы будем партизанами. Ты представляешь, что такое партизан? Дело партизанское нелегкое, но очень интересное. Партизан убьет одного немца, другого, убьет сотого, а сто первый может убить его. Он выполнит одно, другое, десятое задание, но это требует самоотверженности. Партизан никогда не дорожит своей личной жизнью. Он никогда не ставит свою жизнь выше жизни Родины. А если требуется для выполнения долга перед Родиной, для сохранения многих жизней, он никогда не пожалеет своей жизни, никогда не продаст и не выдаст товарища. Таков наш партизан, Нина!»

Штаб всю организацию поделил на пятерки.

Возглавляли пятерки самые смелые и решительные ребята. Для связи со штабом каждая пятерка имела связиста. Каждый, кто вступал в организацию, торжественно принимал присягу.

Вот текст присяги:

«Я, вступая в ряды «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом своей родной многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь:

Беспрекословно выполнять любое задание, данное мне старшим товарищем.

Хранить в глубочайшей тайне все, что касается моей работы в «Молодой гвардии».

Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за муче-

ническую смерть тридцати шахтеров-героев. И если для этой мести потребуется моя жизнь — я отдам ее без минуты колебания.

Если же я нарушу эту священную клятву под пытками ли или из-за трусости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей. Кровь за кровь! Смерть за смерть!»

После Радик Юркин рассказывал:

— Олег Кошевой выстроил всех нас, будущих молодотвардейцев, и обратился к нам с коротким словом, в каком вспомнил о боевых традициях Донбасса, о героических подвигах донбассовских полков, которые вели в бой Ворошилов и Пархоменко, об обязанностях и чести комсомольцев. Слова его звучали не громко, но твердо, и так воодушевляли, что каждый из нас готов был хоть сейчас идти в бой.

«С молоком матери мы впитали в себя любовь к свободе, к счастью, и никогда немцам не поставим нас на колени! — говорил Кошевой. — Мы будем драться, как дрались наши отцы и деды, до последней капли крови, до последнего вздоха. Мы пойдем на муки и смерть, но с честью выполним свой долг перед Родиной».

Потом он вызывал нас из строя по одному для принятия присяги.

Когда Олег назвал мою фамилию, меня еще сильнее охватило волнение. Я ступил два шага вперед, повернулся лицом к товарищам и застыл на месте. Кошевой вполголоса, но очень четко начал читать текст присяги. Я за ним повторял. Закончив, Олег подошел ко мне, поздравил от имени штаба с принятием присяги и сказал:

«Отныне твоя жизнь, Радик, принадлежит «Молодой гвардии» и ее делу».

«Молодая гвардия» росла и крепла. Все больше становилось у нее бойцов, и каждый требовал смелого дела. Недавние школьники после вступления в организацию как-то вдруг превращались в настоящих подпольщиков.

И если каждый из них имел свои особые боевые качества, свою собственную тактику борьбы с немцами, было одно, что всех их объединяло, и тут они все опять становились одинаковыми.

С самого начала этой борьбы, когда все было закрыто тучами и казалось, что немца не остановить, и до последнего часа схватки с врагом ребят не покидала горячая вера в победу, в возвращение на Донбасс Красной Армии.

А главное, как мне теперь ясно, что сделало «Молодую гвардию» близкой тысячам людей, — это была сила их организации.

Было похоже, как будто в кромешную ночь, среди воя ветра и пурги, когда гибель казалась неизбежной, вдруг впереди ярко засветил ясный огонек маяка. Он указывал измученным людям единственно правильную дорогу.

Правда, это была всего небольшая группа обыкновенной краснодонской молодежи, совсем еще мальчики и девочки, но они были организованны и готовы к бою. В их руках было оружие. Голос партии призвал их к борьбе, и они стали борцами за дело народа.

И каждый, кто или дрогнул перед немцами, или решил тихонько ждать прихода своих, подумал, наверное:

«Что же это получается? Люди взялись за оружие и организовались на борьбу с немцем, а я-то что же сижу? Надо помогать!»

Отвага «Молодой гвардии» у многих в Краснодоне в те суровые дни пробудила гражданскую совесть.

И было очень хорошо, что в борьбе с захватчиками, в одном ряду со взрослыми, вступили наши дети.

примечания	смерть немцев оккупантов
ВЛКСМ	
временное	
Удостоверение	
	№ 7
	Краснодар
	1942

ВЛКСМ	ВЛКСМ
№ 7	зр. удостоверение № 7
Фамилия <i>Ромин</i>	выдано тов. <i>Ромину</i>
Имя <i>Александр</i>	<i>Александр</i> <i>Яковле</i>
Отчество <i>Александрович</i>	<i>вич</i>
Год рождения <i>1925</i>	является действительным
Время вступления в ВЛКСМ	на время Отечественной
Статус комбата ВЛКСМ	войны
Комиссар партизанского	
отряда	
(подпись)	комиссар партизанского
	отряда <i>Ромин</i>
<i>23 января 1942</i>	<i>Смирнов</i>

Временный комсомольский билет, выданный члену подпольной организации «Молодая гвардия».

Когда-то, на заре своей борьбы за свободу, наш народ выдвигал только одиночек-героев. Теперь, при советской власти, стоило только появиться опасности — на борьбу вставали сотни и сотни тысяч героев. Славная наша партия, комсомол, пионерские отряды, наши школы, наше искусство и наш труд сделали свое великое дело. Вчера самый обыкновенный школьник — сегодня становился героем. Много было таких героев, и враг был бессилён перед этим массовым героизмом, потому что на место одного погибшего в борьбе вставали десятки. Исполнилась мечта первых революционеров России:

Подымется мститель суровый,
И будет он нас посильней...

По тому, какая будет весна, легко догадаться, какое придет лето. Если эта группа наших краснодонских ребят была так отлично организована и отважна, значит за ними стояла сила несокрушимая. Вот что стало ясно в Краснодоне даже самому робкому человеку.

И наша Красная Армия подтверждала это своими победами.

О Р У Ж И Я!

Еще в те дни, когда немцы все шли и шли вперед и мы своими глазами видели их военную технику, бесконечные потоки орудий, танков, бесчисленные самолеты у нас над головой, в сердце Ули Громовой закрались, казалось, совсем в то время лишние, опасения.

— Товарищи, — сказала Уля друзьям, — чего же мы ждем? Скоро наши придут, погонят немца. Бои, наверное, будут большие. Чем же мы тогда поможем нашим раненым?

Где возьмем бинты, марлю, всякие медикаменты? Все это нужно теперь же собирать. Пора!

Мальчики как-то не очень охотно пошли на это, зато девушки открыли тут всю свою душу. Подруги Ули — быстрая, смелая Шура Бондарева, полненькая шустрая хохотушка Аня Сопова, Лиля и Тоня Иванихины, на редкость дружные, неразлучные сестры, начитанная, степенная, строгая девушка Шура Дубровина, — сколько изобретательности, риска, терпения, хитрости вложили они, собирая медикаменты! Вначале они их добывали по своим домам, потом у знакомых, затем — из немецких госпиталей и аптек.

Много накопили девушки бинтов и марли, пакетов и всяческих медикаментов, но не пришлось им помочь нашим раненым...

Постепенно и умело штаб превращал свою организацию из агитационной в организацию вооруженного сопротивления немцам.

На склад «Молодой гвардии», в разрушенной бане, стали в избытке поступать винтовки и гранаты, добытые у врага, взрывчатка и патроны.

В октябре Олегу, Сереже Тюленину, Клавье Ковалевой и Жене Шепелеву удалось довольно рискованное дело с оружием.

К вечеру, в сумерках, прибыла в Краснодон новая часть румын.

Солдаты разместились по домам, загнали свои машины во дворы, а сами отправились в парк, где для них шла немецкая кинокартина.

Острые глаза ребят подметили, что позади одного дома, между улицами Клубной и Садовой, стоят несколько машин с оружием. Охраны близко не было. Сережа Тюленин вызвался проверить, так ли это. Вернулся он с сияющими глазами:

— Нету охраны! Она кино смотрит. Вот дураки!

Напротив дворика стояло разбитое здание без окон и дверей.

План созрел быстро. В одно мгновение ребята вытащили из машин два больших ящика с гранатами, три винтовки и ползком переправили все это богатство в разбитый дом. Потом с самым невинным видом они пошли в парк. А через день оружие было благополучно перенесено в склад, под баню.

Я, испуганная, сказала ребятам:

— Как же вы осмелились? Ведь еще светло было! Каждую минуту вы могли нарваться на румын!

Сережа только прищурил свои и без того маленькие серые озорные глаза.

Клава выглядела совсем пай-девочкой, возвращающейся из школы, а Олег, поглядывая на товарищей, посмеиваясь ответил:

— Могли, да не нарвались!

Были случаи с приобретением оружия и комические.

Как-то раз к нам забрел румынский солдат с винтовкой, принялся нить и жаловаться:

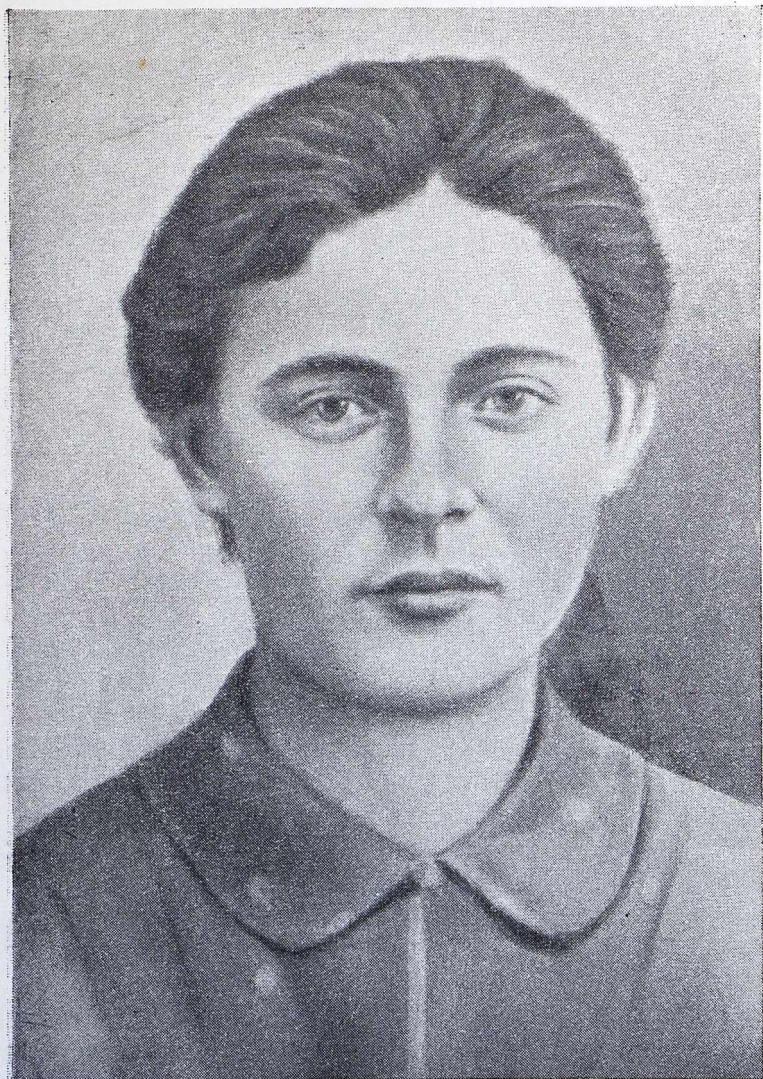
— Нехорош война. Немец плохо. Кушать давай нету. Худо, худо! Война нехорош! Винтовка нехорош!

У нас сидела Уля Громова. Я заметила, как Олег и Уля насторожились при словах «винтовка нехорош», но сделали самые равнодушные физиономии. Вдруг Олег взял кусок хлеба, почти последний у нас, и сказал как бы между прочим:

— Хлеб хорош. Винтовка нехорош. Хлеба мало. Винтовка много. Давай?

Голодный румын без лишних слов вырвал у Олега хлеб, отдал ему винтовку и, что-то бормоча, вышел вон. Наш склад пополнился еще одной вражеской винтовкой.

Герой Советского Союза Уля Громова.

ПО-БРАТСКИ

Уверенность в своих силах у молодогвардейцев росла с каждым днем. Проезжие дороги стали опасными для немецких машин.

Всполошились немецкие коменданты! Увеличился штат полиции, заволновались разные фюреры. Молодогвардейцы преследовали их днем и ночью. Донбасская земля начинала жечь пятки захватчикам.

Немцы готовились вывезти хлеб из нашего района. Штаб «Молодой гвардии» отдал приказ: «Хлеб сжечь!»

Молодогвардейцы сожгли шесть скирд хлеба и четыре стога сена. Олег спалил две скирды и один стог. А на складах зерно заразили клещом. На этот раз не удалось немцам вывезти хлеб из нашего района в Германию.

С увлечением занялись ребята порчей телефонно-телеграфной связи.

Немцы буквально не успевали чинить сеть — так часто обрывали ее наши отчаянные хлопцы.

Но попрежнему много и настойчиво работали молодогвардейцы над распространением листовок. Мой брат Николай тоже помогал ребятам в этом важнейшем деле борьбы — писал тексты. Листовки, как животворный луч солнца, прорезывая мрак оккупации, освещали надеждой людские сердца.

Олег частенько надевал на рукав белую повязку полицейского и в запрещенные вечерние часы выходил на улицу расклеивать листовки. Вася Пирожок умудрялся наклеивать листовки даже на спины полицейским среди белого дня.

Валерия Борц, Нина и Оля Иванцовы, Тося Машенко, Майя Пегливанова и Женя Кийкова придумали и вовсе остроумную штуку. На базаре они предложили торговкам блинами и пирожками купить у них бумагу. Женщины

охотно дали девочкам за бумагу по блину, а потом целый день заворачивали свои кулинарные изделия в сводки Информбюро. Многим людям попали эти на вид невинные бумажки из ученических тетрадей, и население получило правдивую советскую информацию о войне. Эти же девушки ловко и бесстрашно наклеивали листовки на двери квартир и на заборы.

Слушать Москву ребята собирались каждый вечер у нас. Закрывали коврами окна. Мы с бабушкой, как обычно, выходили во двор сторожить. Всякий подозрительный шелест бросал нас в пот.

Не раз и мне выпадало счастье слушать передачу из Москвы. Какие это были дорогие сердцу минуты! До войны эти передачи казались нам такими обыкновенными, а теперь они как будто шли к нам с другой планеты. Мы старались не пропустить ни одного слова, ни одной пропетой в Москве песни.

Перед Октябрьскими торжествами Олег был очень занят.

Бывало, напомню ему о еде, об отдыхе — куда там! — и слушать не хочет.

— Мапочка, времени мало! Вот на праздник отдохну, а сейчас нужно спешить. Дай мне, мама, кусочек хлеба, я побегу.

Сунет в карман лепешку — и на улицу.

К этому времени с продовольствием в Краснодаре стало совсем худо. Лишь иногда удавалось достать стакан пшена; его растягивали дня на три для супа. Чтобы достать хоть немного продуктов, приходилось уходить далеко от дома с тачкой.

Дяде Коле и Олегу невозможно было заниматься этим: немцы забирали всех мужчин и подростков с тачками, угоняли их куда-то, и они уже не возвращались. Придешь, бывало, домой с четвертью пуда плохой муки, черная от

«степных ветров и солнца, совсем без сил, ноет каждая косточка.

Все, что доставали, делили поровну. Порции были прямо птичьи. Однажды я сварила жидкий пшениный суп. Олега не было дома, и я оставила ему его долю.

Сын пришел вместе с Сережей Тюлениным. По их глазам я сразу поняла, как они хотят есть. Олег отвел меня в соседнюю комнату:

— Мама, есть что покушать?

— Я оставила тебе суп и лепешку.

— Мамочка, — прошептал Олег, — знаешь что? Подели нам это с Сережей, а? Он два дня дома не был. Дело важное выполнял. Ничего за это время не ел.

И они по-братски поделили жалкую порцию. Я смотрела, как жадно они ели, и думала: «Какие же вы все-таки еще дети!»

КРАСНЫЕ ФЛАГИ

Появились у нас во дворе какие-то длинные шесты. Вначале Олег и дядя Коля их прятали, потом шесты стояли открыто, прислоненные к крыше. И как-то я увидела вот что. Нужно было ночью принимать сводку Информбюро. Вижу, дядя Коля берет эти шесты, вешает на них какие-то крючочки, а от крючочков что-то вроде проводов идет. Потом он поднял шест и что-то зацепил, как будто в небе. Сделал он все это спокойно и ушел в дом. Вышел Олег. Я спросила:

— Олежек, что это такое?

Он засмеялся в темноте:

— Пока у нас своей электростанции нет, приходится пользоваться током от немецкого провода. Это все дядя Коля придумал. Научная мысль. А ты как думала?

Октябрьские праздники 1942 года неунывающие молодогвардейцы, наперекор всему, встретили по-советски. 6 ноября ребята собрались у нас на квартире.

Вспомнились тут мне наши праздники на воле: веселье, смех, цветы, песни, музыка; улыбающиеся лица людей, подарки ребятам; вечером — заздравные чаши в кругу близких, родных, за столами, полными всякого добра; шутки, танцы...

Но, пожалуй, именно в тот день, 6 ноября, когда ребята стихли у приемника, я с особой силой почувствовала, как же прекрасна была та наша жизнь! И никаких жертв не надо страшиться ради того, чтобы снова отвоевать наше счастье.

Олег и члены штаба, сидя у приемника, думали, наверное, то же самое, только каждый по-своему. Но вот они все пододвинулись друг к другу. В приемнике послышался треск, и вдруг кто-то из ребят прошептал:

— Сталин!

И 7 ноября с утра весь Краснодон знал, о чем говорил Сталин. Люди, встречаясь, со светлыми лицами говорили друг другу:

— Слышали, что Сталин сказал? Скоро и на нашей улице будет праздник.

И, как бы в подтверждение слов великого вождя, в Краснодоне произошло то, о чем долго потом с гордостью и надеждой говорили в народе.

Серым, пасмурным утром на всех высоких зданиях, на шахтных трубах, терриконах и на самом высоком дереве в городском парке люди увидели красные флаги с яркими лозунгами:

«Да здравствует 25-летие Октябрьской революции!»

«Да здравствуют Красная Армия и наш великий вождь товарищ Сталин!»

«Смерть немецким захватчикам!»

Подул ветерок, и флаги развернулись по ветру и над домами полиции и жандармерии. Немцы буквально взбесились.

Видела и я красные флаги и скорей побежала домой. Олег сидел на диване, читал книгу с самым невинным видом. Я бросилась к нему:

— Олежек! Кто же это сделал? Ну и храбрецы!

Олег только пальцами прищелкнул:

— Есть такие, что не спят! А красиво, мама?

И с сияющими глазами рассказал, что задумали они это давно, вспомнив, как луганские рабочие еще в 1903 году подняли флаг на трубе паровозостроительного завода.

Флаги шили девушки «Молодой гвардии» в Краснодоне и в поселках по квартирам. Всякие кусочки собирали, сшивали, потом окрашивали материю в красный цвет.

Валя Борц и Сережа Тюленин подняли флаг на шахте № 1-бис. Люба, Уля, Коля Сумской, Толя Попов, Сеня Остапенко и другие — на других домах. Все оказались молодцами, все сделали свое смелое дело. Олег и Ваня Земнухов подняли флаг на крыше школы имени Ворошилова.

— Мне особенно хотелось, чтоб на школе, — сказал Олег. — А знаешь, мама, под тремя флагами ребята пристроили пустые консервные банки, а внизу, на здании, написали: «Минировано». Точь-в-точь, как это сделали когда-то Ворошилов и луганские рабочие.

Известие о флагах молнией облетело не только Краснодон, но и близлежащие села и хутора.

Полицейские и гестаповцы бросились разгонять людей на улицах, ругались, угрожали расстрелами.

Флаги они сорвали, но народ теперь знал: есть в Краснодоне мужественные борцы и герои, и им не страшны ни оккупанты, ни их прихвостни — полицаи.

Целый день развевались по ветру три «минированных» флага. Немцы решились их снять только к вечеру.

Герой Советского Союза Ваня Земнухов.

В этот же день праздника, по заданию штаба, неугомонные ребята роздали подарки семьям фронтовиков.

Те из молодогвардейцев, которые не успели вступить в комсомол до войны, получили от Олега временные комсомольские удостоверения, действительные на все время Отечественной войны. В «Молодую гвардию» мог войти всякий, кто хотел бороться с немцами, но принадлежность к комсомолу ребята считали превыше всего. Комсомольский билет получал тот, кто смело и отважно, не щадя своей жизни, успешно выполнил два-три боевых поручения штаба.

Таким образом, в «Молодой гвардии» комсомольцами были все, и все строго по уставу вносили членские взносы. Деньги организации необходимы были всегда, но взять их было неоткуда, кроме как из членских взносов. Поэтому взносы принимались в любом размере — можно было внести пять рублей и пятьдесят.

На эти средства и были закуплены подарки семьям фронтовиков. Оставалось раздать их. И вот в семью фронтовика неожиданно являлся неизвестный юноша или девушка. Они молча передавали штук десять картофелин, немного хлеба, деньги. Обрадованные люди спрашивали:

— Да откуда это?

Посланные говорили:

— Наши прислали.

И моментально исчезали.

Так никто и не узнал, что подарки семьям фронтовиков принесли бойцы «Молодой гвардии», рискуя жизнью и сами полуголодные.

Не забыла «Молодая гвардия» и своих старших товарищей — арестованных коммунистов.

Немцы иногда разрешали передачи арестованным в тюрьмы. Правда, полицейские все хорошее отбирали себе,

но все же кое-что доставалось и арестованным. Ребята моментально воспользовались этим.

В тюрьму являлся молодогвардеец с передачей.

— Кому?

— Петрову.

Полицейский осматривал узелок, отбирал, что ему понравилось, а то, что осталось, нес в камеру.

Через час являлся другой молодогвардеец:

— Передача.

— Кому?

— Петрову.

Повторялась та же история, и полицейай, ворча, передавал узелок. Но спустя некоторое время в тюрьму являлся третий молодогвардеец:

— Примите передачу Петрову.

— Что за чертовщина? — выходил из себя полицейский. — Петрову уже третий раз на дно приносят. Не приму!

Тогда молодогвардеец притворялся искренне возмущенным и даже обиженным.

— Не имеете права! — повышал он голос. — Пока что есть распоряжение принимать передачи, так вы и передавайте. А не то и к коменданту пойдем жаловаться!

И арестованный коммунист получал свое. Мало того, что у него крепла вера в свою силу, но и вся камера видела, что партия никогда в беде не оставит.

Так провели дни великого Октября молодогвардейцы Краснодона.

ВСЕ — ЗА ОДНОГО, ОДИН — ЗА ВСЕХ

Вскоре наладилась связь с молодежью ближайших к Краснодону поселков — Первомайки, Изварина, Шеверевки, Семейкино.

Слава организации дошла и до соседних районов Ворошиловградской области. Связь с районами молодогвардейцы налаживали с такой сообразительностью и так по-военному хитро заматали следы, что немцам никак не удавалось прекратить ее.

В первых числах октября Олег положил начало небольшой типографии. Большую часть шрифтов он достал еще во время эвакуации у знакомого рабочего районной типографии. Остальные вырезали на резине Володя Осьмухин, Анатолий Попов и Жора Арутюнянц. Потому и печать на временных удостоверениях и листовках получалась неровной.

Я думаю, что Олег достаточно умело руководил «Молодой гвардией» потому, что он долго и с душой поработал в комсомольских школьных организациях. У него был опыт.

И теперь, под носом у немцев, он, не переставая, заботился о росте комсомола, неустанно работал с молодежью, организовывал чтения и беседы. На примерах борьбы Павла Корчагина он воспитывался сам и учил товарищей. За шесть месяцев «Молодая гвардия» приняла в комсомол тридцать шесть юношей и девушек Краснодона. В любое время и в любом месте, как только представлялась возможность — дома, в парке, во всех затаенных уголках, — не прекращалась эта работа.

Вот как вспоминает член «Молодой гвардии» Валерия Борц о своем вступлении в комсомол:

— Однажды Олег вызвал к себе меня и Сергея Тюленина и сказал нам, что решением организации мы приняты в комсомол. Потом Олег выдал нам комсомольские билеты: Сергею — № 2, а мне — № 3, и мы внесли наши первые комсомольские взносы. Олег нас обнял и крепко расцеловал, а мы так волновались, что даже ничего не могли ему сказать. А потом поклялись, что будем настоя-

щими комсомольцами... Я всю жизнь буду помнить то время, когда вместе со всеми молодогвардейцами боролась против фашистов. И никогда не забуду того дня, когда мой милый товарищ Олег вручил мне комсомольский билет № 3.

В радости и в беде помнили ребята проверенный рабочий закон: все — за одного, один — за всех.

Однажды Олег возвратился домой, чем-то сильно взволнованный. Из разговора с ним я узнала о его горе.

«Молодая гвардия» послала с боевым заданием одну девушку, «Оксану», в Каменск, и там полиция задержала ее. Потом передали, что арестованную можно выкупить: полиция хочет за нее три тысячи рублей. Две с половиной имеются в кассе организации, пятьсот необходимо срочно собрать среди молодогвардейцев.

— Мама, прошу тебя, дай мне пятьдесят рублей, — попросил Олег.

Через несколько дней после этого разговора вхожу в комнату и вижу: Олег разговаривает с какой-то девушкой. Весело он сказал мне:

— Мама, это та самая «Оксана»! Выручили!

Девушка смутилась.

— Оля, ты не волнуйся, — поспешил успокоить ее Олег. — Мама — тоже член нашей организации.

Это была Оля Иванцова, сестра Нины; подпольное ее имя было «Оксана».

В тот же вечер штаб «Молодой гвардии» принял важное решение: послать молодогвардейцев на работу в биржу труда, в полицию, в гараж, в больницу, одним словом — к немцам. Штаб решил вбуравиться в немецкие организации. Это было задумано смело, и это было очень опасно. Ребята были устроены на нужные места, и они там «не ловили ворон».

Сергей Левашев нанялся работать в гараже, то есть

весьма старательно портил одну автомашину за другой. Уля Громова поступила на работу в немецкий госпиталь, и в скором времени с ее помощью двадцать пленных красноармейцев вышли на свободу. Юра Виценовский стал на шахте «мастером аварий». Ковалев и Вася Пирожок доставляли из полиции чрезвычайно важные сведения.

Короче говоря, ребята подбирались к самому горлу врага.

Как-то утром бабушка вбежала с улицы в комнату, взволнованная и радостная:

— Биржа горит!

Олег вскочил с дивана и бросился к окну:

— А управа?

Бабушка спросила:

— Олежек, что ты говоришь? Разве и управа должна гореть?

— Да, бабушка, непременно и управа!

— Про управу мне ничего не известно, — растерянно сказала бабушка.

Олег быстро оделся.

— Мама, пожалуйста, не волнуйся! Дела...

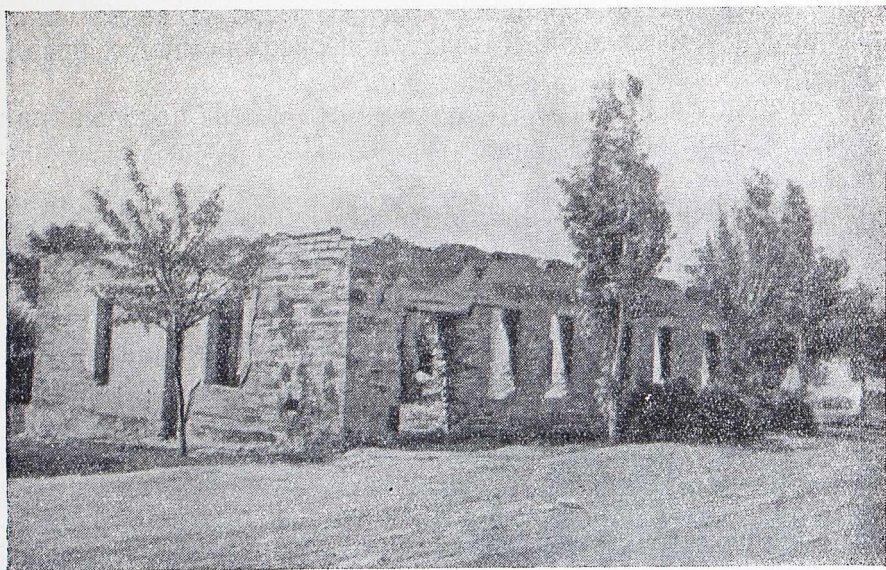
Он вышел, но скоро возвратился.

— Вот это молодцы ребята! — говорил он, возбужденно шагая по комнате и потирая руки. — Чистая работа! Дотла сгорело...

Пожар «биржи смерти» был очередной работой молодого гвардейцев.

Они узнали, что биржа труда заготовила списки и документы на тысячи граждан Краснодона для отправки их в немецкую неволю. Немедленно штаб решил: биржу сжечь!

На рассвете 6 декабря Люба Шевцова, Сергей Тюленин и Виктор Лукьянченко сумели пробраться в здание биржи. Они облили стены бензином, расставили по комнатам бутылки с горючим. Чиркнула спичка...

Немецкая биржа труда, сожженная молодогвардейцами.

Сначала вспыхнули бумаги, потом запылали картотеки, и пошла полыхать вся «биржа смерти».

После неожиданного пожара немцы начали было снова готовить списки, но фронт уже приближался к Краснодону, и немцам стало не до списков. Тысячи наших людей были спасены от немецкой каторги.

Все жарче разгоралась борьба.

К началу декабря ребята добыли за счет немцев 15 автоматов, 80 винтовок, 300 гранат, 10 пистолетов, 15 тысяч патронов, 65 килограммов взрывчатки и сколько-то сот метров бикфордова шнура.

На этом не остановились.

«Молодая гвардия» накапливала оружие для особо важ-

ного дела. Штаб терпеливо разрабатывал дерзкий план захвата и уничтожения в Краснодоне всех немцев и предателей.

Этот последний удар должен был быть нанесен при подходе Красной Армии к городу. План держали в особом секрете.

Диву даешься, с каким умением и военной мудростью был разработан недавними школьниками этот последний удар по врагу!

По сигналу штаба должны были взлететь на воздух дома, занятые немцами, и перед ними, как из-под земли, выросли бы неумолимые мстители. Все они уже знали свои места.

Как только оружие попадало ребятам в руки, оно сейчас же начинало действовать. Анатолий Попов и Виктор Петров на дороге Гундеровка — Герасимовка уничтожили гранатами машину с тремя офицерами. Потом нашли свой конец на дорогах еще две легковые и три грузовые машины с немцами.

Как-то запоздно мне потребовался карманный фонарик. Он всегда лежал в пальто Олега, в левом кармане. Олег, усталый, спал на диване. Он так хорошо спал, забыв во сне об опасности, о проклятых немцах! Лицо его было такое спокойное, тихое, что у меня руки не поднялись разбудить сына.

Я подошла к вешалке, нащупала в кармане пальто Олега фонарик. Но вынула я оттуда что-то совсем другое. Какой-то кирпичик, размером с фонарик, довольно веский.

— Николай, что это такое? Я думала, это фонарик в кармане у Олега. Что это?

— Тол, — коротко ответил брат.

— Не понимаю...

— Понимать тут особенно нечего. Не очень-то уж много нужно таких фонариков, чтобы взорвать любой дом.

Я поторопилась положить на место то, что взяла. Подошла к Олегу. Он спал безмятежно, полуоткрыв свои пухлые губы, и вдруг совсем по-мальчишески чему-то улыбнулся во сне.

Позже я узнала и о том, что ребята разминировали немецкое минное поле, а мины запрятали к себе в склад. Они били немцев только немецким оружием.

Развалины бани были для молодогвардейцев центральным складом оружия: оно хранилось в погребе, под полом. Прятали оружие и в нашей квартире, только в меньшем количестве.

Олег часто приносил оружие и поручал мне, бабушке или дяде Николаю спрятать его на несколько дней.

Как-то Сергей Тюленин принес нам полмешка гранат. Их нужно было получше и понадежнее запрятать. Олег попросил об этом бабушку. Бабушка молча кивнула головой. Она закопала гранаты в землю, запалы завернула в промасленную тряпку, опустила их в шерстяной носок и заложила отдельно, в сухом месте. Это растрогало Олега. Со слезами на глазах бросился он обнимать свою бабушку. Та ему ответила просто:

— Твое дело — мое дело. Ты знай приказывай!

ДЕЛО С ПРИЕМНИКОМ

В ноябре 1942 года Олег сказал мне, что молодогвардейцы смонтировали два радиоприемника и сегодня вечером их должны принести к нам Ваня Земнухов и Борис Гловань.

Мы прождали до позднего вечера. На следующее утро Олег хотел пойти узнать, почему ребята не пришли вчера, но бабушка уговорила его сначала позавтракать. В это вре-

мя стукнули в окно. Олег вышел. А когда возвратился, то сказал, что приходила из полиции уборщица, спрашивала об Олеге Кошевом.

— Ну, и что ты ей сказал? — спросила я, предчувствуя беду.

— Сказал, что Олег Кошевой живет здесь.

По словам уборщицы, выходило, что ее будто бы прислал Олег Кошевой: его вчера вечером задержала полиция, и он просит прислать что-нибудь поесть.

Получалась странная история. Ошибка? Провокация? Вдруг Олег отодвинул тарелку с едой и встал:

— Мама, мне все ясно. Бориса, когда он вчера нес радиоприемник, задержала полиция. Желая оповестить нас об этом, он решил схитрить. Передать об аресте другим способом, чтобы не вызвать подозрения у полиции, видимо ему невозможно.

И Олег заспешил из дому. Часа через два он возвратился, и мы узнали от него, что оба — Ваня Земнухов и Боря Гловань — сидят в полиции. На всякий случай Олег предложил некоторым молодоговардейцам на несколько дней изменить места своего пребывания.

— Мама, придется и мне куда-нибудь спрятаться.

Все это меня страшно взволновало. Я дрожала всем телом, хотя и старалась не показать этого сыну.

Начали вместе думать, где бы пожить Олегу несколько дней. Олег сказал:

— Далеко мне уходить нельзя. Мое место — с ребятами.

Я пошла к моей знакомой, Лидии Макаровне Поповой. Конечно, я не открыла ей настоящую причину, а сказала, что полиция ищет сына, чтобы угнать его в Германию. Попова охотно приняла к себе Олега, и он пробыл у нее три дня.

Работа штаба продолжалась и на новой квартире. Нина

Иванцова и Валерия Борц были связистами у Олега и по несколько раз в день забегали к нему. Не зная, в чем дело, Лидия Макаровна сказала мне смеясь:

— Как девушки-то дружат с нашим Олегом, а?

И потом, уже без шуток, предупредила меня:

— Пусть он сам-то не выходит по вечерам из дому.

Как-то Попова завела с Олегом откровенный разговор:

— Скажи, Олег, ты, может быть, слышал: скоро ли прогонят немца с нашей земли?

Олег ответил сразу:

— Лидия Макаровна, чтобы как можно скорее прогнать немцев, надо нам всем помогать Красной Армии. Есть такое изречение: кто, если не ты? И когда, если не теперь?

— Помогать, Олег, надо, да нечем — нет оружия. Голыми-то руками не очень доймешь немца.

— Помогать можно и без оружия, — помолчав, ответил Олег и спросил в упор: — Скажите, а вот вы... смогли бы помочь партизанам?

— А что ж! С охотой. Но как?

— О, Лидия Макаровна, способов много, лишь бы была охота. Например, представьте себе такой случай. За партизаном гонятся немцы, они напали на его след, вот-вот поймают. А спрятаться партизану негде. И вдруг он вбегает в ваш дом. Признается, кто он. Просит спрятать его. Скажите, Лидия Макаровна... вы бы помогли ему?

— Обязательно!

— Зная, что немцы вешают партизан и их пособников? Да? Да? Отвечайте скорей!

— Да, да, Олег!

Много они говорили в тот вечер о немцах, о борьбе с ними, об успехах Красной Армии под Сталинградом, о том, что немцам придется скоро бежать не только из Краснодона, но и со всей Советской земли.

На четвертый день полиция выпустила Ваню и Бориса. Им посчастливилось выкрутиться, и даже легко. Выручили ребят их смётка и выдержка.

Вышло это так. В тот вечер, когда они несли радиоприемник, их случайно встретил начальник полиции Соликовский. Узнав, что они несут, Соликовский повел ребят в полицию. На допросе Борис Гловань представился наивным простачком и понес всякую небылицу:

— Аппарат этот? Да он у меня и при советской власти был. Я его не отдал тогда, а взял да запрятал. Я же не знал, что и при немецкой власти нельзя радио слушать. Нельзя? Запрещено? Ну что ж, пожалуйста, берите себе приемник. Вообще-то он мне надоел. Таскайся с ним! Неприятности всякие...

Бориса спросили о Ване Земнухове. Борис махнул на Ваню рукой и усмехнулся:

— Этот-то? Да я его случайно встретил на улице. Он какой-то чудной парень, ничем не интересуется. А в радиоаппаратуре и вовсе не понимает ничего.

Борис отлично разыграл роль наивного простака. Полиция попалась на удочку. Приемник оставили, ребят вытолкали вон.

ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Ребята донесли штабу, что немцы собираются вывезти в Германию крупную партию скота, отнятого у нашего населения.

Штаб «Молодой гвардии» решил не дать немцам вывезти скот.

Разработали план действий, расставили людей, и когда скот гнали на станцию, молодогвардейцы во главе с Оле-

гом набросились на охрану, перебили ее, а пятьсот голов скота разогнали по степи. Лишь несколько коров погибло во время перестрелки с охраной.

На окраине Краснодона был лагерь смерти, в несколько рядов обнесенный колючей проволокой. Сколько там было наших людей — не знаю. Голод, стужа, болезни валили их с ног.

Больных и слабых немцы гоняли на тяжелые работы. Горе было тому, кто терял силы и падал, — его тут же добивали прикладом.

Однажды пошла я в станицу Морозовскую выменять хлеба. В Морозовской тоже был лагерь. Проходя мимо него, я увидела группу женщин. Они стояли недалеко от проволоки и на что-то смотрели.

Подошла и я к ним.

— Что тут случилось? — спросила я у женщин.

Мне никто не ответил, да и невозможно было рассказать человеческими словами то, что происходило за колючей проволокой.

Больной красноармеец попросил у часового напиться. К удивлению, немец не отказал, быстро сбегал в хату и вынес оттуда раскаленную кочергу.

— Рус, рус, пей! — засмеялся он и сунул кочергу красноармейцу в рот.

В ужасе мы отшатнулись. Но еще долго в ушах стояли стон больного красноармейца и хриплый хохот немца.

У Олега вся краска отхлынула с лица, когда я, плача, рассказала ему, что видела в Морозовской.

И вот штабу «Молодой гвардии» стало известно, что на хуторе Волчанском есть еще один лагерь военнопленных.

Молодогвардейцам Грише Щербакову, Коле Сумскому и еще нескольким, во главе с Анатолием Поповым и Женей Шепелевым, было поручено напасть на лагерь.

Темной ночью ребята неслышно подползли к воротам лагеря и накинули часовому мешок на голову.

Пленные начали разбегаться. Убежало не меньше ста человек. Могли бы разбежаться и все, если бы не немец, который случайно проходил мимо лагеря. На его выстрелы прибежали полицейские и замкнули ворота.

САМЫЕ ЮНЫЕ

Как-то — это было в декабре — Олег собрался вечером в кино.

За все восемь месяцев оккупации немцы показали кинокартины для населения не более десяти раз. Это были удивительно бессодержательные картины, герои которых, откормленные немцы и немки, только и делали, что объедались да купались в ваннах.

Молодогвардейцы главным образом ходили в кино для своих целей.

— Ты, мамочка, — Олег посмотрел на меня ласково, — не волнуйся, если я после кино задержусь немного. Хорошо?

Через час пришел Сергей Тюленин с запиской от Олега.

Сын писал мне, чтобы я достала из матраца револьвер и патроны и передала их Сергею. В конце записки Олег в шутиливом тоне еще раз просил меня не волноваться: он быстро возвратится домой.

Дома, кроме меня, не было никого. Мне стало не по себе. Я пошла к соседке, а когда возвратилась, Олег и Сережа были уже дома.

— Мама, гляди! — с торжеством сказал Олег, вынул какой-то сверток и развернул передо мной огромное шелковое фашистское знамя.

— Где ж ты взял это? — удивилась я.

— Где взял, там его уже нет, — засмеялся Олег.

В бедовых глазах Сережи играли веселые огоньки. На бледных его щеках теплился румянец.

Ребята рассказали мне, что знамя это принадлежало шефу жандармерии, а выкрали они его из кинотеатра, где знамя висело на почетном месте.

— Да как же вы это сделали? — всплеснула я руками, глядя на двух удалцов.

— А очень просто, — сказал Олег. — Сергей сначала посмотрел, как немцы в ваннах купаются, потом спрятался под лавку. Публика ушла. Сторож запер кино. Сережа снял флаг и выбрался из помещения. Ты же сама знаешь: Сергей куда угодно заберется и уйдет, когда нужно.

И Олег обнял Сережу за плечи:

— Ну и устроил ты скандал для шефа, Сергей! Молодец! Лишиться знамени — все равно что потерпеть поражение на поле боя. Какие же они победители, если у них из-под носа знамя унесли! Шеф теперь с ума сойдет от злости, особенно если увидит выколотые глаза на портрете у Гитлера!

Я ахнула:

— Сережа, и это ты сделал?

Сережа молча переминался с ноги на ногу и смущенно краснел.

Сережа Тюленин и Радик Юркин! Сколько песен сложат о них, сколько пионерских отрядов будет носить их имена! Это были маленькие солдаты с большим сердцем, до конца преданные «Молодой гвардии», ее барабанщики.

Как только я вспоминаю о них, невольно приходит на память песня:

Средь нас был юный барабанщик,
С песней он шел впереди,
С веселым другом — барабаном,
С огнем большевистским в груди...

У Сережи и Радика было удивительное свойство, помогающее им водить немцев за нос. Храбрость и мужество бойцов сочетались у них с совершенно мальчишеским внешним видом — им обоим было двадцать девять лет.

Оба небольшого роста (Радик совсем маленький), худенькие, падкие на всякие уличные зрелища, они оба для немцев были самыми обыкновенными подростками и до конца не вызывали у врага никаких подозрений. Как раз именно этим-то Сережа и Радик не переставали хитро и храбро пользоваться.

Однажды штабу стало известно, что в поселке Изварино сосредоточились большие скопления румынских и итальянских войск. Это были проверенные «поставщики» оружия для «Молодой гвардии». Володя Жданов, Александр Шищенко и Анатолий Орлов были посланы в Изварино с приказанием добыть гранаты и патроны.

Как и ожидал штаб, ребята поручение выполнили, и в Изварино послали Сережу и Радика, с тем чтобы доставить гранаты в Краснодар, на базу.

Радик и Сережа уложили гранаты в корзинки, а сверху прикрыли их картошкой. До Краснодона они добрались благополучно. Было одиннадцать часов ночи — время для хождения по улицам запрещенное. Ребята, конечно, знали об этом, но то ли они решили окончательно не обращать внимания на полицейских, то ли устали и шли напролом.

— Кто идет? — И перед ребятами вырос полицейский. — Вы что, фулиганье, так поздно ходите? Приказа не знаете по домам сидеть? Что тут у вас в кошолках?

Радик соорудил самую невинную физиономию:

— Мы из Изварина идем, дяденька полицейский. К дедушке ходили. За картошкой. Вот и несем.

— Я покажу вам сейчас дедушку с картошкой! — ругался полицейский. — А ну, пошли за мной! Оштрафуют отцов рублей по пятьдесят, тогда будете знать!

Герой Советского Союза Сережа Тюленин.

Радик начал хныкать. Подталкивая ребят в спины, дюжий полицейский погнал их в полицию.

Там Сережу и Радика еще раз выругали, наградили подзатыльниками и как малолетних нарушителей немецкого порядка оставили в полиции до утра.

Ребята переглянулись, поставили свои корзины около стола ночного дежурного полицейского и уселись на них. Сережа подмигнул Радику, и началось второе отделение программы. Радик стал разыгрывать из себя совершенно напуганного мальчика. Он хныкал, потом пустился в рев:

— Дяденька, отпусти домой! Мамка выпорет. Она картошку ждет. Дяденька, отпусти!

Ему надавали затрещин и приказали молчать. Радик покорно замолчал. Дело было сделано: полиция поверила и опять осталась в дураках.

Так и просидели ребята с самым невинным видом всю ночь на корзинах с гранатами рядом с полицейским, под его охраной. Утром им вручили две квитанции родителям со штрафом по пятьдесят рублей и вытолкали на улицу. Две корзины гранат встали штабу «Молодой гвардии» в сто рублей, — цена вполне подходящая.

Когда доставили гранаты в баню, сколько тут было смеха, шуток, веселья и острых словечек по адресу немцев и полиции! Сережа и Радик были героями дня.

ПАРОЛЬ «ЯКОРЬ»

Заседания штаба «Молодой гвардии» чаще всего созывались в нашей квартире.

Как-то Олег сказал мне:

— Вечером у нас соберется штаб. Мама, пускать в дом только тех, кто скажет пароль: «якорь».

Штаб собрался в моей комнатке, хорошо изолированной.

Пришли Ваня Туркенич, Нина и Оля Иванцовы, задумчивая Уля Громова, непоседа Сережа Тюленин, весельчак и остряк Толя Попов, легко смущающийся Ваня Земнухов.

Был десятый час, но ребята знали тайные дорожки к нашему дому — полиция там не ходила. Я была занята своими делами, но ни на минуту не забывала об охране собрания и время от времени выглядывала в окно и прислушивалась к шуму со двора. Бабушка на этот раз не дежурила. Ее не было дома.

Вдруг громко постучали в дверь. Я кинулась к окну и замерла. Полиция! Я быстро предупредила ребят, заперла их в комнате, ключ спрятала и открыла дверь в сени. Вошли полицейские. Один грубо спросил:

— Что делаешь?

— Топлю печь, — ответила я.

— Мы поставим к тебе на ночь румын. Слышишь?

— Хорошо. Пожалуйста.

Один из полицейских подошел к дверям моей комнаты, приказал мне:

— Открой!

Я обомлела, голос у меня отнялся. Я подумала: пропало все! Усилием воли взяла себя в руки и ответила:

— Там живет одна женщина, она вышла куда-то, а ключ унесла с собой. Пусть румыны, — продолжала я, понемногу успокаиваясь, — занимают вот эту комнату, а я у соседки переночую.

Полицейский что-то пробурчал, и они ушли. Румыны стали размещаться на отдых. Я пробралась к ребятам и попросила их как можно быстрее закончить заседание и разойтись. Олег ответил:

— Нам еще минут двадцать необходимо. Важные вопросы.

Я снова закрыла их на ключ.

Прошло полчаса, но ребята и не думали уходить.

Более того: зная, что полицейские ушли, а с румынами можно было не очень церемониться, ребята так увлеклись своими важными вопросами, что начали разговаривать во весь голос.

Вдруг полицейские пришли снова. Я прислонилась спиной к дверям, за которыми сидели ребята, и почти закричала:

— Пан полицейский! А где бы это соломы достать для солдат?

Кричу, а у самой потемнело в глазах, голова пошла кругом, сердце вот-вот разорвется.

К счастью, догадливые ребята услышали мой голос, поняли, в чем дело, и сразу же притихли. Вскоре все важные вопросы были благополучно решены, и штаб разошелся. Румыны храпели на разные голоса. Олег прижался к моему уху губами:

— Спасибо, золотая моя!

ПРИКАЗ — ЗАКОН

В конце сентября к нам на квартиру поместили немца, полковника фон-Вельзен.

У него был радиоприемник, и он каждый день слушал передачи из Берлина. Всякий раз, выходя из дому, фон-Вельзен обязательно поводит пальцем по шее, показывая этим, что будет Олегу, если он только попробует включить Москву.

— Москву — капут! — тарашил глаза офицер, еще раз показывая себе на шею и вверх на потолок.

— Гут, гут, — послушно отвечал Олег.

Но только фон-Вельзен выходил со двора, Олег тут же включал аппарат, слушал Москву и записывал сводки Информбюро. Наш радиоприемник тем временем «отдыхал»: Олег выкопал для него яму под полом в летней кухне.

Партия направляла смелые шаги «Молодой гвардии».

Была налажена связь с подпольными организациями других районов, а среди них — с командиром ворошиловградского партизанского отряда «товарищем Антоном», с которым молодогвардейцы еще в декабре 1942 года наладили связь через Любу Шевцову.

«Товарищ Антон» даже собирался провести краснодонцев, но своего обещания ему не удалось выполнить.

Как-то Люба Шевцова привезла от «товарища Антона» письмо, которое подняло на ноги всю организацию.

Чтобы общими усилиями еще крепче бить врага, «товарищ Антон» предлагал молодогвардейцам влиться в партизанский отряд. Для этого следовало поделить ребят на две группы.

Первой группе пробраться к месту встречи 17 декабря, остальным — несколько позже.

Это предложение штаб и вся организация «Молодой гвардии» приняли с радостью. Действовать в Краснодоне становилось все опаснее. Гестапо и разветвленная сеть его агентуры начинали сковывать действия молодогвардейцев. «Молодая гвардия» разрослась, она не могла держаться в узких рамках подполья и требовала активной и открытой борьбы с оружием в руках.

Вот почему предложение «товарища Антона» для молодогвардейцев было очень кстати. Молодежь рвалась в бой.

В первую группу вошли: Олег, Ваня Туркенич, Люба Шевцова, Сергей Тюленин и еще двадцать человек; Земнухов и Громова должны были вести остальных ребят.

Но прежде чем тронуться в опасный путь, штаб на радостях решил обеспечить углем и дровами семьи всех молодогвардейцев. По полтонне угля и понемногу дров из старых шахт, как рассудили ребята, должно было вполне хватить не меньше чем на месяц, а там — придет Красная Армия. По радио из Москвы они знали, что немецкий фронт трещит по всем направлениям.

Но получить уголь при немцах было не так-то легко. При отходе наши взорвали все крупные действующие шахты. Не успевшие эвакуироваться шахтеры всячески саботировали добычу; немцы так и не дотянулись до донбасского угля.

Олег куда-то бегал, хлопотал, хитрил и выдумывал, пока не добился наряда на уголь.

Как живого, вижу я сейчас перед собой своего Олега. На щеках — румянец, глаза, как звезды, горят. Он везет тачку с углем и распевает на всю улицу:

Кто весел, тот смеется,
Кто хочет, тот добьется,
Кто ищет, тот всегда найдет...

Возили уголь все вместе, помогая один другому, по трое на тачку. С Олегом были Сергей Тюленин и Степа Сафонов.

С дровами дела обстояли еще хуже, но Олег, Жора Арутюнянц, Толя Лопухов, Сережа Тюленин и Сеня Остапенко и тут не растерялись. Они знали об одной мелкой шахтенке в степи. Уголь из нее добывали вручную.

Ребята решили сразу убить двух зайцев: выбить деревянные крепления, поделить их на дрова, а кстати и завалить шахту. За работу взялись с жаром, и хоть все вымазались и устали, но свое сделали. Семьи молодогвардейцев и дрова получили, и шахтенка перестала работать на немцев.

На следующее утро должны были двинуться в путь.

Но не так вышло, как думалось! На второй день с раннего утра мы начали готовить Олега в дорогу. На душе у меня было тоскливо. Подержала я еще раз в руках вышитые мною платочки. Передала через них свои думы-желания: чтобы здоровым вернулся сын, чтобы снова нам с ним встретиться и вместе встретить победу.

Такие же мысли, наверное, были и у бабушки Веры. Она все время тяжело вздыхала. Расставаться с Олегом было нелегко, закипали слезы на глазах, но ни я, ни бабушка не показали ему своего волнения. Хотели проводить сына бодрыми пожеланиями, а не слезами.

Семнадцатого декабря, в одиннадцать часов дня, собрались все, кто должен был идти в дорогу; не было одной Любы Шевцовой. Она вдруг почему-то задержалась. Но время еще было.

Условились выйти из дому в двенадцать часов, и не толпой, а по пять человек.

Первая пятерка должна была выйти в двенадцать, вторая — в час и так далее.

Олег оделся тепло, под куртку дядя Николай дал ему свою шерстяную гимнастерку, а на руки теплые рукавицы. С шапкой вышел конфуз: ее не нашли. Шапка была смушковая, теплая. Искали везде, но безрезультатно.

Вдруг вспомнили: недавно к нам заходили погреться немецкие солдаты. Шапка висела на вешалке, потом ее никто не видел. Дело было ясное. Однако другой шапки у Олега не имелось. Выручила Нина Иванцова. Сбегала домой и принесла шапку брата.

Наступало время отправляться в путь. У ребят было бодрое настроение, они шутили, то и дело выглядывали на улицу — не идет ли Люба Шевцова. Она должна была притти с минуты на минуту. Но вот стрелка на часах передвинулась вправо от двенадцати. Вначале на пять минут,

потом на десять, на пятнадцать. Почему задержалась Люба? Может, с нею что-нибудь случилось?

Олег дал команду задержаться. Ребята притихли, шутки прекратились, настала гнетущая тишина.

Вася Пирожок — отчаянная голова, крепкий, широкоплечий, с серыми глазами на всегда бодром лице — сидел на стуле с малюсеньким свертком подмышкой. Это был весь его багаж в дальнюю дорогу. Сидел он какой-то печальный, притихший, глядя в одну точку. Олег хлопнул Васю по плечу:

— Ты что скучаешь? С дивчиной своей, что ли, проститься не успел?

Вася вспыхнул и покосился на меня.

— Что ты, что ты, Олег? Какая там у меня дивчина!

Я тихо вышла в другую комнату, но все же мне было слышно, как Вася сказал сыну:

— Ну что ты, право, Олег? О таких делах при Елене Николаевне?! Само собой разумеется... простился. А ты со своей?

Молчание, и потом тихие слова Олега:

— Не с кем мне прощаться. Все вместе отправляемся. Есть у меня дорогой друг, но и он со мной идет.

— Кто?

— Нина Иванцова.

Так прождали до четырех часов дня. А в четыре прибежала Люба, запыхавшаяся и взволнованная; она передала Олегу письмо от «товарища Антона». Командир отряда предлагал поход отложить и продолжать работу на месте.

«Второго или третьего января буду я у вас, и мы поговорим, я посоветую вам много интересного для вашей работы», писал «товарищ Антон».

Все чувства сразу отразились на лицах ребят. Но приказ партии — закон.

Герой Советского Союза Люба Шевцова.

ШТАБ БОРЬБЫ

Во второй половине декабря 1942 года началось бегство немецких и румынских войск из-под Сталинграда. День и ночь через Краснодар тянулись длинные обозы. Мы жили на центральном месте и видели все. Проходили сотни машин с грязными, растрепанными солдатами. Головы у них были закутаны в женские платки или какие-то тряпки.

— Не солдаты, а мокрые курицы! — как-то заглянув в окно, засмеялся Олег.

Потом он подсел к столу и написал вот что:

Ага, подошли и к арийцам
Тяжелые дни, — это факт!
Бегут в беспорядке мальтийцы,
Одетые все кое-как.

Кто шапкой, кто кепкой накрытый,
Кто с женским платком на плечах,
Избиты, побиты, разбиты —
Согнулся ариец, зачах!

Без формы, без чести солдата,
Спешат все к Берлину назад.
Пред ними — расплата, расплата,
За ними — гроза: Сталинград!

Ты что же, фашистик ты прусский,
Задумал весь мир покорить?
Народ наш прославленный русский
В безличных рабов превратить?

Не вышло, не выйдет вовеки,
Вас били — и снова побьем!
Гранатой, «катюшей», «андрюшей»
Мы вас в порошок изотрем!

Олег прочитал эти стихи мне, дяде Коле, бабушке. Мы все весело посмеялись. А бабушка сказала:

— Ох, Олежек, я вижу, ты на все руки мастер!

Но молодогвардейцы, конечно, не были только наблюдателями отступления врага. Принятые и напечатанные ночью сводки Совинформбюро днем уже были расклеены на стенах и столбах в Краснодоне, в ближайших рабочих поселках и хуторах.

Немцы кричали в своих газетах и по радио, что никакого отступления нет, что их войска после победных боев под Сталинградом идут на отдых, что Сталинград ими занят, а сводки Информбюро говорили об окружении и разгроме немцев под Сталинградом, приводили цифры, факты. Кому было верить? Уж ясно — не немцам. Вшивые, с тряпьем на голове, бегущие наперегонки, немецкие солдаты не были похожи на победителей.

Немцы объявили по городу о большой денежной награде тому, кто поймает распространителей тайнственных листовок.

Не помогло и это: как будто в насмешку, листовки появлялись всё в большем количестве. Их жадно читали, содержание их передавали из уст в уста, они бодрили, поддерживали настроение у измученных людей, помогали организовывать отпор врагу.

Немцы бесились. Гестапо и полиция никак не могли напасть на след ребят. Единственное, что оставалось в их силах, — это жестоко расправляться с арестованными. Им-то немцы и мстили за свое поражение на фронте, мучили их страшно, убивали, грабили их имущество.

Выглядело это так: немцы на машинах подъезжали к какому-нибудь дому, выбирая тот, где можно было больше взять, врывались в комнаты и самих хозяев заставляли перетаскивать вещи в машины. Забирали все, оставались одни голые стены.

Некоторые женщины плакали, умоляя хоть что-нибудь оставить для ребятишек, другие покорно молчали. И тех и

других немцы избивали кулаками или нагайками. Не щадили ни стариков, ни детей.

Все награбленное делили меж собой жандармские офицеры, потом укладывали в посылки и отправляли в Германию.

Простить этого немцам ребята не могли. В нашей квартире не прекращал работу штаб борьбы и сопротивления. Каждый день к Олегу приходили товарищи — отчитываться о выполнении боевых заданий и получать новые.

Вот из поселка Краснодон пришли Сумской и Шищенко и с жаром рассказали, что 22 декабря ими обезоружены и убиты три немецких солдата. Из Изварина и Герасимовки явились ребята просить оружия. Вот Ваня Туркенич, волнуясь, докладывал, как он с ребятами заманил в балку двух полицейских и как там их повесили.

Над головами предателей оставили надпись; в ней «Молодая гвардия» предупреждала полицию, что если не прекратится террор против советских людей, то каждого полицейского постигнет такая же участь: петля и пуля. Полицейские немного присмирели, а некоторые, перепугавшись, и совсем бросили службу у немцев.

ДРУЖБА КОМСОМОЛЬСКАЯ

Олег часто говорил мне и бабушке:

— В нашей организации все ребята преданы Родине — в этом и сила наша. Ах, какие они все молодцы! С ними не страшно ни в огонь, ни в воду! Только подумайте: сколько заданий штаб ни давал — да и каких! — и все до одного выполнены. И чем теперь трудней становится, тем дух крепче у ребят.

Бывало, при этих словах Олег разволнуется, начнет припоминать лучшие черты в характере своих товарищей и до тех пор не успокоится, пока и мы не разделим его восторг. Или подойдет ко мне, заглянет в глаза:

— Мама, не даром нас растили, не даром! Наша совесть чиста перед народом. Как это хорошо! Я это очень сильно чувствую, мама. Словами тут не рассказать. Только вот я все время думаю: мало мы еще сделали, мало! Заснуть не могу от этих мыслей. Жжет сердце...

Отойдет от меня, тихо сядет к столу и начнет быстро-быстро писать. Я уж знала — стихи.

Я любила смотреть на сына, когда он писал стихи. Лицо у него бывало в это время такое, как будто сын переставал замечать нас и разговаривал с кем-то далеким.

Трогательна была сила дружбы, с которой молодогвардейцы протянули друг другу руки на смерть и победу. Она была прекрасна. Пусть комсомольская эта дружба послужит примером для наших пионеров, для всей нашей молодежи. И пусть знает наша молодежь: дружба сама собой не приходит, право на нее нужно завоевать.

Однажды, возвращаясь поздней ночью тайными тропинками с конспиративной сходимки у Нины Иванцовой, Олег вдруг прижался к забору и замер. За ним следили.

Было отчетливо слышно, как снег скрипел под ногами преследователей. Как только Олег остановился, затихли и те. Бежать такой светлой ночью было бессмысленно. Оставалось одно: идти своей дорогой. Олег тронулся, и сейчас же раздался скрип снега у него за спиной. Олег нагнулся, будто бы завязать ботинок. Шаги позади стихли.

Но Олег уже успел разглядеть темные фигуры преследователей меж домами.

«Пойду к ним навстречу, — решил Олег. — В крайнем случае отсижу ночь в полиции. Иначе проследят до дому».

Он круто обернулся и пошел назад. Видя, что они открыты, преследователи ждали, когда Олег подойдет. Руки у них были в карманах. И вдруг...

— Толя!

Это был Толя Попов, а с ним — Сеня Остапенко и Володя Осьмухин. Они молча стояли и неловко улыбались.

— Ребята, вы?! Зачем идете за мной? — спросил обрадованный и удивленный Олег.

Толя ответил, не вынимая руки из кармана — там был наган:

— Зачем, зачем... Стало быть, так нужно, вот и идем. Наступило неловкое молчание.

Потом Сеня толкнул легонько Олега локтем и, широко улыбаясь, спросил:

— Олег, а разве ты первый раз заметил, что мы за тобой ходим?

— Первый, — удивился Олег. — Ребята, да в чем же дело?

— О-о-о! — засмеялись ребята. — А ведь мы тебя всегда охраняем, аж до самого дома доведем.

— Да зачем же?

— Ну, мало ли что может случиться с тобой. Ты же наш комиссар.

С гордостью рассказывал мне об этом Олег. Счастливые слезы блеснули в его глазах. Он сжал кулаки и тряхнул головой:

— Ну, как же можно таких ребят не любить? Как же можно с ними не верить в победу? Мама, знай: я у них в долгу не останусь. За все отплачу!

Вскоре такой случай представился.

Как-то раз я пошла за водой к водонапорной колонке. Вижу, навстречу идет Олег с Васей Левашовым. Был морозец, медленно падал красивый снежок. Щеки ребят покраснелись, снежинки облепили их воротники, шапки. Они

улыбались мне. Я тогда подумала: какие они красивые, наши дети!

Олег предупредил меня, что сегодня у Нины Иванцовой будет совещание — очень важные вопросы, закончат поздно. Все заночуют на квартире у Нины. Я подавила вздох. Опять ночь без сна, в тревоге. Улыбнулась им, и мы простились.

По дороге к Нине Олег и Вася зашли за Володей Осьмухиным и Сережей Левашовым. Дальше они пошли вместе.

Вечерело. Снег падал все гуще. Как раз в это время через Краснодон немцы гнали партию военнопленных. Место ночной стоянки в Краснодоне немцы быстро обнесли колючей проволокой, поставили часовых.

Ребята в темноте сначала натолкнулись на эту проволоку, а затем услышали окрик немецкого часового:

— Стой!

Коверкая русские слова, немец приказал ребятам войти под проволоку, подождать коменданта. Утром, мол, все выяснится: кто они такие и зачем бродят около лагеря. Это было равносильно смерти. Конечно, утром бы ребят не выпустили и погнали бы вместе с военнопленными.

Олег стоял впереди ребят. Не успел немец закрыть рот, как в ту же секунду Олег что было сил — а у него их было много — ударом кулака в скулу оглушил немца. В следующую секунду Володя Осьмухин и Сережа Левашов вцепились немцу в горло. Винтовка выпала из рук солдата. Вася Левашов на лету подхватил ее и с размаху всадил штык в немца.

Все это было совершено мгновенно и без единого крика. Ребята пустились наутек. Стоит ли говорить, что винтовку они прихватили с собой! Через полминуты они слышали выстрелы и крики немцев. Ребята спрятали винтовку в подвал, и снег замел их следы.

Как ни в чем не бывало они во-время явились на совещание. Никто в тот вечер так и не узнал, что произошло возле колючей проволоки.

Совещание и на самом деле кончилось поздно. Мать Нины уложила ребят на лавках, на полу. Олегу она постелила на своей кровати. Олег поблагодарил за ласку, но не лег до тех пор, пока мать Нины не велела лечь рядом с ним Сереже Тюленину. Долго шептались друзья.

СНЕГ БЫЛ ГЛУБОК...

Приближался конец декабря.

Олег, как и все его друзья, был неутомим в борьбе. Ему некогда было поесть и отдохнуть. К своим любимым шахматам он уж и не притрагивался. Похудел, осунулся. Все чаще он ночевал не дома. Ради конспирации ребята собирались теперь на заседания штаба уже не у нас, а по очереди у кого-либо из товарищей на окраине города: у Валерии Борц или у Радика Юркина, у Жоры Арутюянца, у Нины Иванцовой.

Ночи, когда сын не приходил домой, были для нас всех тяжелыми, наполненными тревогой. Я не спала, в голову лезли страшные мысли, нападало отчаяние.

Мы пробовали говорить с Олегом, просили его беречь себя, отдохнуть, но Олег сводил все наши разговоры на шутку.

— Отдыхать будем тогда, когда немцев прогоним. Я, мама, тогда учиться пойду, закончу институт, стану инженером и сконструирую такой самолет...

Олег подходил к бабушке, обнимал ее за плечи:

— Такой самолет, что и тебе, бабушка, захочется полетать на нем!

Перед Новым годом немцы везли на фронт подарки для своих солдат. Проезжая через Краснодон, огромная семитонная машина вдруг испортилась и остановилась на Клубной улице.

Последовал немедленный приказ штаба: «Подарки не должны попасть на фронт к немцам. Они нам самим пригодятся».

Глухой ночью ребята сняли часового и быстро разгрузили машину. Кроме подарков, там были еще четыре винтовки и ценные документы. Все это богатство на санках перевезли сначала на квартиру к Лопухову, а потом на свой склад, в баню.

Как всполошились утром немцы!

Полиция кинулась по домам с обысками, переворачивали все вверх ногами. Напрасно! Новогодние подарки так и не попали к фрицам.

Вскоре же штабу «Молодой гвардии» стало известно, что директор «дирекциона» (управление треста) Швейде организывает встречу Нового года.

Швейде хвастался, что он покажет русским, как следует по-немецки культурно веселиться. Чтобы доказать, что немцы не скупые и любят «шик», Швейде приказал гнать самогона, готовить закуски, печь пироги.

На бал должно было собраться все немецкое начальство, офицеры гестапо и жандармерии Краснодона и его районов. Были приглашены и те, кто предал Родину и пресмыкался перед немцами. Праздник должен был состояться в школе № 1 имени Горького.

Молодогвардейцы заволновались. Олег предложил взорвать ядовитое гнездо во время новогодних тостов. Вопрос был серьезный. Штаб собрался на совещание.

Вечером сошлись, как обычно, у нас в столовой. Был весь штаб и связные. Опять неверный свет каганца освещал взволнованные, похудевшие лица юных борцов. Как

возмужали эти лица! В них почти уж не оставалось ничего детского. Зашел разговор о школе имени Горького...

Олег настойчиво требовал взорвать школу. Сережа Тюленин вскочил со своего места и встал позади стула Олега.

— Ребята, — продолжал Олег, подчеркивая каждое слово; лицо его было бледно, глаза казались еще больше из-за худобы лица и жестко блестели, — ребята, подумайте сами: когда еще представится нам такой случай? А теперь мы сможем одним ударом уничтожить всех палачей, а вместе с подхалимами их соберется на бал не менее ста человек. Столы будут стоять в спортивном зале. Это же наша школа, ребята! Нам там все закоулки известны. Под лестницу заложим побольше взрывчатки — и к чорту фрицев! Подумайте: одним ударом всех!

Я видела, как вспыхнули глаза Нины Иванцовой, обычно спокойной и выдержанной. Она всем сердцем была за предложение Олега. Начался горячий спор. За Олега были, конечно, Тюленин, он прямо-таки не стоял на месте, Туркенич, Попов, Валя Борц — она просила послать на взрыв школы ее.

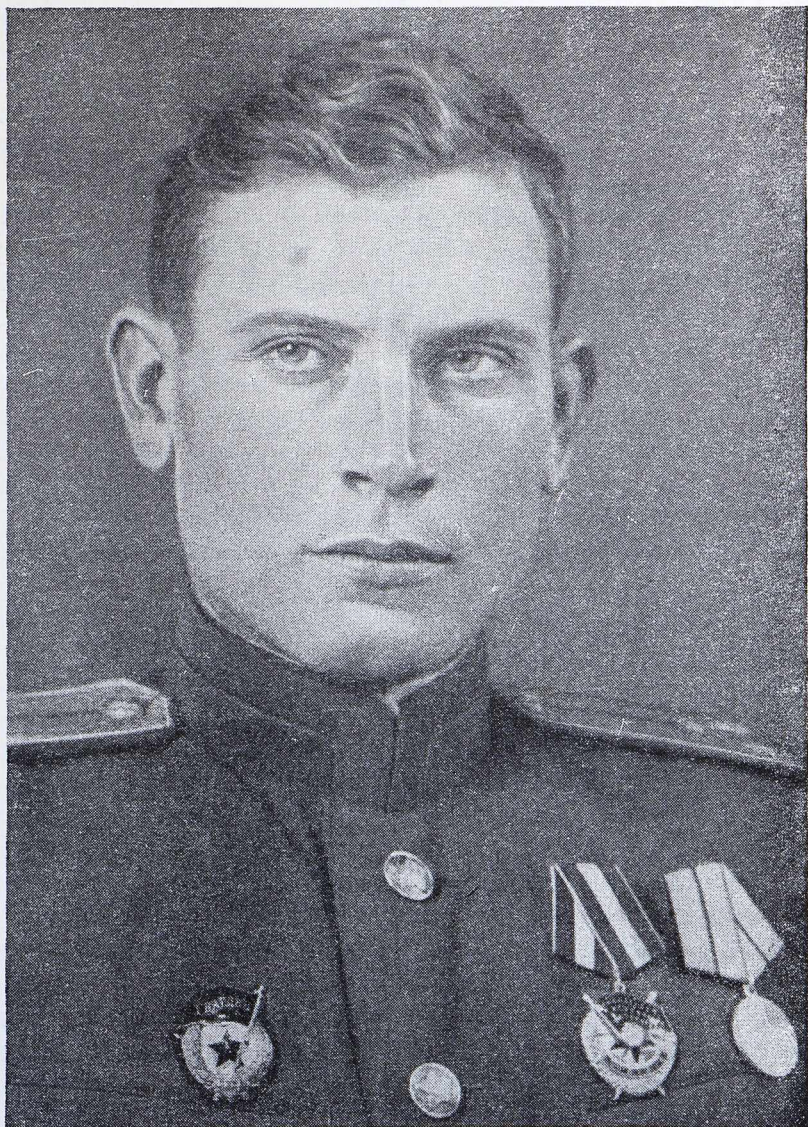
Но большинство было против. Кто-то сказал:

— Это неразумно. Мы подведем под смерть все население Краснодона. Немцы жестоко отомстят за взрыв.

И еще кто-то говорил об осторожности, о том, что лучше подождать. Олег горячо протестовал. Видимо, это первое разногласие с его товарищами и угнетало его, но и заставило говорить его жарче, убеждать, доказывать. И он говорил, резко взмахивая рукой:

— Немец не опасен только мертвый. Запомните это! Не мы ли сами говорили: кровь за кровь, смерть за смерть? А как все приказы Сталина кончаются, вспомните: смерть немецким оккупантам! Так чего же мы спорим? Смерть,

Член штаба «Молодой гвардии» Иван Туркенич. Погиб смертью храбрых на фронте в 1944 году.

смерть им — везде, всегда! Школа наша, ребята, имени Горького, так? А что он говорил? Если враг не сдается, его уничтожают! Ребята, пусть отомстят немцы за взрыв, все равно народу погибнет меньше, чем при жизни палачей. Да поймите же это, товарищи! Если не теперь, когда же?!

Не решив единогласно этого вопроса, штаб решил послать Олю Иванцову в партизанский отряд, к командиру «Даниле» за советом. Но дерзкое дело не нашло поддержки и у партизан. Командир «Данила» запретил взрывать дирекцион.

«Сейчас не такое время, чтобы этим заниматься, — писал он молодогвардейцам. — В конце концов сделать это вы всегда успеете».

Этот ответ опечалил Олега.

— Напрасно, ребята, напрасно! — говорил он с какой-то тоской, но твердо. — Пожалеет потом, да поздно будет.

Но потом Олег долго шептался о чем-то с Сережей Тюлениным и Толей Поповым. Позднее я заметила, что шепчется с ними и Пирожок, слышала слова: «Дирекцион... лестница... билеты достанем... пройдем...»

И Вася Пирожок уверенно шевелил своими сильными плечами.

Не добившись своего, Олег решил листовками досадить тем, кто соберется в Краснодаре на новогодний бал.

И он составил такой текст листовки:

«Смерть вам, немецкие оккупанты, и вам, их лакеи и изменники! Заверяю вас, что вы в последний раз встречаете у нас Новый год. И не только у нас, но и на всем свете. Больше вам не придется поднимать тост за «освобождение России». Сначала вас самих освободят от жизни. Красная Армия под руководством великого Сталина скоро уж сотрет вас с лица земли».

Эти листовки до девяти часов вечера 31 декабря были расклеены по городу и на здании школы. Немцы буквально осатанели.

После девяти часов Олег возвратился домой. И тут мы решили сами, своей семьей, проводить старый и встретить Новый год. Стали готовиться к празднику. Олег надел чистую, выглаженную рубашку. Завязывая перед зеркалом свой любимый галстук, он сказал нам:

— Давайте сегодня ни одним словом не вспоминать про этих немецких дьяволов. Хорошо? Они уже у меня вот тут, в печонках, сидят! А тебе, бабушка, мы всей семьей заказываем такой ужин: суп с пшеном, вареники с картошкой, на десерт — жареные семечки. Есть?

Вечером Олег завел патефон и в паре с дядей Николаем открыл «вечер танцев». Потом взял на руки маленького двоюродного брата Валерия и начал с ним кружиться, а под конец пошел танцевать со мной.

Олег, как большинство его сверстников, и прежде очень любил танцы. Танцевал он хорошо, легко. Девушкам нравилось танцевать с сыном. Он и меня научил танцам.

В этот памятный вечер мы опять кружились с ним под его любимое танго «Моя недотрога». И он оживленно напевал слова танца.

Вечер закончился игрой в шахматы. Олег выиграл у дяди Николая партию и заставил его кукурекать.

Всем было весело. О немцах, как условились, не вспомнили ни разу, но они сами все время напоминали нам о себе.

По дороге с востока, из-под Сталинграда, беспрестанно тащились мимо нашего дома их обозы, были слышны с улицы стук колес и машин, хриплая ругань отступающих немцев.

Стоял крепкий русский мороз. Снег был глубок...

СЕРЕЖА ВЫХОДИТ ИЗ «ОКРУЖЕНИЯ»

Теперь и слепому было видно: немцам крепко досталось от Красной Армии. Скорый разгром их был неизбежен. Но, несмотря на эту великую радость, молодогвардейцы не размагничивались, не ослабляли своей дисциплины.

Как и раньше, когда враг был еще в полной силе, так и теперь всеми ими строго соблюдалась боевая дисциплина. И тут, как и во всем, ребята старались подражать Красной Армии.

Боец, вернувшийся с боевого задания, рапортовал Олегу или членам штаба по всем правилам: стоял навывтяжку, с рукой у козырька. И с такой же степенной важностью Олег и члены штаба принимали эти рапорты.

Как пригодились тут ребятам виденные ими в годы счастливого детства кинокартины и прочитанные книги о Чапаеве, Фрунзе, Ворошилове, Пархоменко, Буденном, Котовском! Вся светлая романтика, навеянная этими образами, теперь перевоплотилась в суровую действительность, и ребята сами, неожиданно для себя, стали героями. Как же им было не подражать лучшим людям нашей Родины!

Но однажды вся эта выверенная ребятами на практике дисциплина дала явную трещину, и причиной этого явился все тот же неугомонный и милый Сережа Тюленин.

Вот как это произошло.

Выполнив приказ штаба перенести из Первомайки на склад оружия ручные гранаты, Сережа завернул их в мешок и явился к нам на квартиру.

Олег приказал:

— Четыре гранаты оставь у меня. Скоро нужны будут. Остальные отнеси на склад. Да смотри, осторожнее! Видишь, какое движение вражеских войск? Всыпала им

Красная Армия! Теперь они, как собаки, злы. Смотри, Сережа, не подкачай!

— Есть! — по-военному ответил Сережа. — Я ж все тайные тропинки знаю. Разрешите итти?

И исчез с гранатами подмышкой, нахлобучив свою шапчонку.

Вскоре и Олег оделся и вышел на улицу. И вот, проходя по Садовой улице, по которой бесконечным потоком двигались отступающие румынские и итальянские части, повозки, конные и пешие, Олег вдруг остолбенел.

Из-под самых копыт лошадей, со связкой гранат в мешке подмышкой, вынырнул... Сережа Тюленин. Быстро поглядел по сторонам и опять, как в воду, нырнул в самую гущу неприятеля.

Сердце забилося у Олега.

— «Провалился Сережа, — подумал он, — за ним гоняться».

Но тут Олег снова увидел Сережу по ту сторону улицы. Он выскочил из-под ног лошадей, пробежал шагов пять и опять поднырнул под румынскую повозку.

«Конец, — подумал в тоске Олег, — сейчас его схватят!»

Но Сережа вдруг появился на обочине дороги; гранаты были с ним. Он лихо поправил свою шапчонку и... спокойно пошел в сторону потайных дорожек. Олег вытер холодный пот со лба.

Часа через два сын был дома, а вскоре явился и Сережа, без гранат, запыхавшийся и, как всегда, почему-то очень смущающийся в нашем доме.

Был он одет в свой обычный стеганый ватник, довольно засаленный и выдавший всякие виды, в шапку-ушанку неизвестного меха и неопределенного цвета, в стеганые же бурки, на которых, подвязанные шпагатом, держались поношенные калоши.

Но, не обращая особого внимания на такой глубоко штатский вид, Сережа со всей строгостью военной дисциплины и выправкой старого солдата стукнул калошами, как каблуками сапог, и, приложив руку к шапке, четко и в полный голос отрапортовал:

— Задание выполнено, товарищ комиссар! Гранаты доставлены на место. Все в порядке!

Олег, еле сдерживая смех, так же строго принял рапорт.

Официальная часть была выполнена. Олег предложил:

— Садись.

Сережа снял ушанку и, комкая ее в руках, уселся на кончик стула. От его бурок на полу образовалась лужица воды. Лицо его, как всегда, было бледновато, но чистые глаза сияли от удовлетворения выполнением боевой задачи.

— Молодцом, Сережа! — сказал Олег. — Штаб гордится тобой. Но скажи, пожалуйста, каким образом ты попал на центральную улицу? Такого приказа не было. И зачем это ты под лошадей подныривал? Отвечай.

Сережа смутился еще более:

— Да это я... репетицию делал.

— Репетицию? Какую же, Сережа?

— А я репетировал, как мне пришлось бы выйти из положения, если бы я попал... в окружение.

— Ага! Понятно теперь.

— Вот, вот!

— Ну, и вышел из положения?

— А как же! — хитро подмигнул Сережа.

И тут они оба, комиссар и подчиненный, залились смехом.

Немного погодя Олег, положив Сереже руки на плечи, говорил ему — комиссар снова был серьезен:

— Ты рисковал напрасно, Сережа. Шел ты с боевым

поручением. Только о нем и должен был думать. В следующий раз чтоб этого не было. Понятно?

— Есть, товарищ комиссар! Будет выполнено!

Сережа вскочил, надел ушанку и, опять стукнув калошами, взял под козырек. Но в бедовых глазах его все еще плясали чертенята.

Позже, перед сном, я спросила Олега:

— Олежек, скажи, пожалуйста: у вас все вот так под козырек берут?

— Подчиненные — все.

— А члены штаба?

— Тоже. Только я один как комиссар никому пока не рапортую...

Я не могла сдержать улыбки, но, конечно, спрятала ее от комиссара.

Я ведь тоже была его подчиненной.

«ПУТЬ ТВОЙ ОПАСЕН»

Утром 1 января 1943 года Олег, как обычно, собрался после завтрака из дому.

На дворе трещал тридцатиградусный мороз, все было в инее, как в серебре. Я попросила Олега одеться потеплее.

Через два часа сын возвратился. Печаль, тяжелая и гнетущая, застыла в его недавно веселых глазах. Сердце мое сжалось тревогой. Олег растерянно повел глазами по комнате и остановил их на мне.

— Беда, мама! Нашу организацию кто-то предал...

Вот оно! Снег вдруг показался мне черным. Чтобы не упасть, я прислонилась к двери.

— Олег... предатель среди вас?!

Олег сжал кулаки. Морщина на его лбу резко обозначилась.

— Да, мама, начались уже аресты. Ровенская полиция прибыла на подмогу. Сейчас повели Земнухова. Пока не поздно, надо спасать остальных. Мама, а Сережа-то Тюленин, вот герой! — слабо улыбнулся Олег. — Он первый узнал об аресте и всех ребят обежал, всех предостерег...

Олег немедленно дал приказ молодогвардейцам выходить группами по три-четыре человека в условленные места и оттуда пробираться в ворошиловградский партизанский отряд.

— Как только удастся соединиться с партизанами, сейчас же бросимся на выручку товарищам. Во что бы то ни стало освободим их из тюрьмы! А пока что, мама, в дорогу! С собой я беру пятерку: Тюленина, Борц, Глованя, Нину и Олю Иванцовых. Да ты не бойся, не бойся, родная моя!

Что было делать? Плакать, биться головой об стену? Не до этого мне было. Скорей, скорей, пока не явилась полиция, проводить сына из дому! Только быстрее, быстрее! — подгоняло меня сердце, — не теряй ни минуты!

Я начала собирать Олега в дорогу. Вот теплое белье, одежда. И тут увидела: Олег достает свой комсомольский билет.

— Я возьму его с собой.

— Не надо, сынок! Если тебя поймают, билет станет твоим обвинителем. Доверься, как всегда, твоей матери. Я спрячу билет туда, откуда его никто, кроме нас с тобой, не достанет. Олег!

Он ответил мне:

— Мама, я всю жизнь слушался тебя и всегда был благодарен за твои советы. Сейчас, прошу тебя, послушай ты меня. Подумай сама, какой из меня будет комсомолец,

если я оставлю свой билет дома? Неизвестно ведь, что меня ждет впереди. Мама, с этим покончено... Ну, бабушка, — по-детски улыбнулся Олег, — ты зашивала когда-то свой партбилет. Значит, опыт у тебя есть. Бабуся, зашей, будь добра, и мой, хорошо? Вот сюда, в пальто. Бланки комсомольских временных билетов я тоже возьму с собой. Это — обязательно!

У меня опустились руки. Я умоляюще посмотрела на бабушку. Она поняла.

— Олежек, — сказала бабушка, — я стара, и ты послушай меня. Путь твой опасен. Ничего не бери с собой. Кто тебе верил, что ты комсомолец, — будет верить всегда. Вернешься — возьмешь свой билет и бланки эти... Мы их тут так спрячем, сам Гитлер не найдет. Давай-ка все сюда...

— Нет! — отрубил Олег. — Эх, бабуся, разве не ты же сама учила меня, как нужно относиться к партийным документам? Нет и нет! И давайте об этом больше не говорить...

Дрожащими пальцами мама зашила билет в пальто Олега, а потом еще и нитками перепутала, чтоб не выпал. Несколько бланков комсомольских удостоверений Олег зашил в пальто сам.

Настало время прощаться. Бабушка подошла к Олегу, положила ему руки на плечи:

— Олежек... если поймают тебя и полиция станет говорить, что твоя мать, или бабушка, или дядя Николай арестованы и что они, мол, признались во всем, — не верь, ни одному слову катов не верь!

И бабушка заплакала. Олег крепко обнял ее.

— Мама, — сказал он мне, — сожги все бумаги, дневники, тетради с протоколами заседаний... ну и... стихи. Пересмотри все книжки, может в них остались какие-нибудь записки. Не хочу вас подводить... Бабушка, приемник отне-

си и спрячь получше. Он еще пригодится нам. Да смотри осторожно все сделай! Попадешься с приемником в лапы к немцам — знаешь, что будет? Ну, мама...

Сердце мое остановилось. Уходит единственный сын, единственная надежда... Хотелось прижать его к груди и не пустить от себя. Все, все заглушила я в себе, обняла, поцеловала сына, почувствовала на губах его мягкие волосы.

— До свиданья, Олег! Да берегись же там...

Зато, когда мы остались одни, наплакалась и нарыдалась, сколько хотела...

Со своей пятеркой Олег пошел на хутор Шеверевку, за семь километров от Краснодона. Переночевали у знакомых. Утром, перед тем как отправиться дальше, выяснилось, что у Сергея Тюленина обувь совершенно сваливается с ног. А мороз все крепчал. Сергей и Валерия возвратились назад. В Краснодоне они пробрались в свой подвал. Сергей обул сапоги, и они снова пошли на Шеверевку.

Но в условленном месте, у скирды сена, уже не застали никого. Только снег был тут притоптан. Ждали до вечера. Потом, не дождавшись товарищей, пошли в Ворошиловград одни.

Но и тут их постигла неудача — они не нашли «Данилу». Оставалось одно разумное: пробираться к линии фронта; он был в ста двадцати километрах от Краснодона.

«О Л Е Г, Г Д Е Т Ы?»

Первого января к вечеру была арестована уже половина молодогвардейцев. Этот день Нового года тянулся для нас, как вечность. Около десяти часов вечера к нам постучали.

«Пришли!» подумал каждый из нас.

Брат открыл дверь. В комнату вошли двое полицейских.

Они были настолько пьяны, что мы едва разобрали только одно слово:

— Ко-шовой...

Полицейские спрашивали об Олеге. Мы ответили, что дома его нет, пошел в кино. Не сказав больше ни слова, полицейские повернулись и, пошатываясь, пошли по двору.

В невыразимой тревоге прошло еще четыре дня.

Полиция больше не являлась. И мне вдруг пришла страшная мысль: Олега поймали! Я хотела бежать в полицию, но брат не пустил и стал убеждать:

— Будь покойна, если бы Олега арестовали, давно бы уже пришли с обыском!

Четвертого января под вечер брат с женой ушли за дровами, а мы с мамой отправились к Лидии Макаровне Поповой — поделиться с ней своим горем. Возвращались домой. Вдруг бабушка схватила меня за руку:

— Смотри, Лена!

В моей комнате был свет и полно полицейских. Стояли они и во дворе. Я переборола страх и опасения, подошла к дверям, спокойно и даже стараясь быть возмущенной, спросила:

— Кто это тут в моей квартире хозяйничает? Что вам здесь нужно?

Из комнаты выскочил заместитель начальника полиции Захаров.

Это был изменник родины, предатель, изувер и жестокий палач. Его отец был судим когда-то нами как крупный кулак. Сын недалеко ушел от отца. Он ненавидел советскую власть, но, чуя ее силу, притворился, служил в наших учреждениях, а нож держал за пазухой. И только ждал случая, чтобы его выхватить. Как только пришли немцы, Захаров сейчас же побежал к ним служить, стал выдавать коммунистов, сам же и допрашивал их; мучил и убивал.

Здоровый, сытый, белобрысый, со светлыми холодными глазами, верный слуга немцев, предатель своего народа, он был отвратителен.

— А ты кто такая? — грубо спросил у меня Захаров.

— Я хозяйка этого дома.

— Как твоя фамилия?

— Кошечкина.

— А-а, Кошечкина! Тогда скажи, где же твой сын Олег Кошечкин? Куда ты его девала?

— Сынок пошел в кино, и прошу вас, не кричите на меня.

Захаров заговорил со мной более спокойным тоном. Он даже пригласил меня в комнату:

— Зайдите-ка, поговорим кое о чем важном.

В комнате все было перерыто, перевернуто вверх дном. Вломив двери, полицейские старательно пересмотрели все вещи. К счастью, ожидая к себе этих гостей, я сожгла уже все подозрительное. Захаров снова спросил об Олеге:

— Я хочу только поговорить с юношей. Если окажется, что он невиновен, или... если он во всем признается, сразу его отпустим. Поверьте мне!

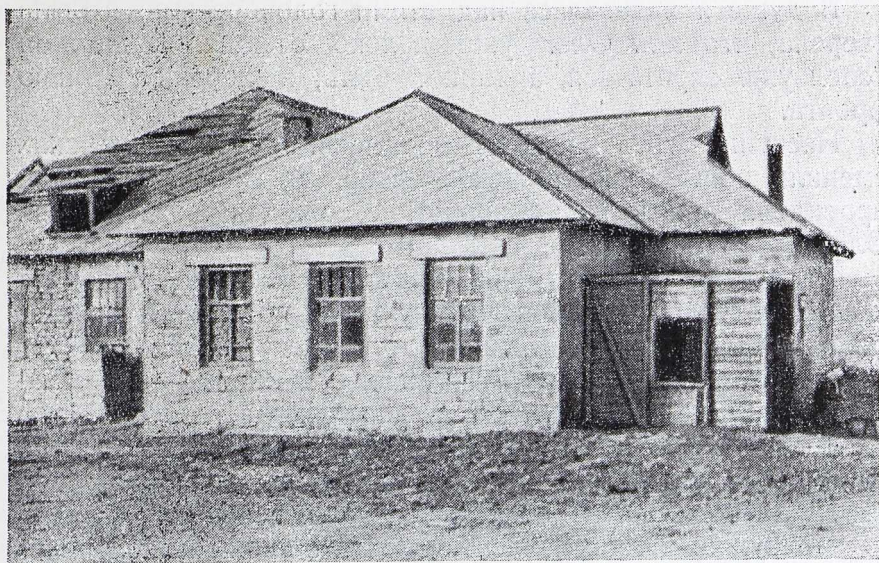
Я спросила:

— А что случилось, что вы пришли за Олегом? Арестовать его хотите, что ли? Мой сын никогда ничего плохого не делал.

— Не делал? — начал терять выдержку Захаров. — Значит, вы плохая мать, если не знаете, что ваш сын вытворял здесь в продолжение шести месяцев! — И вдруг в упор спросил меня: — Вы... Мошкова знаете?

— Нет, не знаю, — ответила я как можно спокойнее.

— Не знаете? Так он знает вашего сына и даже привел нас сюда. Хотите увидеть его? Мошков стоит на крыльце. Очень забывчивый парень! Никак не мог вспомнить, где живет его комиссар... пока не обломали ему руки. Тогда сразу вспомнил!

Баня шахты, в которой перед казнью пытали молодогвардейцев.

Все онемело во мне. Мошков — предатель? Нет, нет! Он был и до конца останется честным, стойким. В этом я была уверена. В то, что полицейские обломали ему руки, я, конечно, могла поверить, но чтобы Мошков предал Олега, своих... нет, никогда! И я вспомнила, как мы с бабушкой сами же предупреждали Олега о провокации.

— Ну ладно! Только знайте, — холодно блеснули свиные глазки Захарова: — если ваш сын будет вести себя так же, как его друзья, ему будет то же, что и им. Переломаем ему все кости. Вы поняли меня?

Захаров приказал полицейским разойтись по своим местам, а двум остаться ожидать, пока Олег возвратится из кино.

В душе я издевалась над этими головорезами: я была уверена, что мой Олег уже далеко отсюда. Видно, он успел уже спрятаться, а может быть, и перешел линию фронта.

Наступила тревожная, без сна, ночь. Утром полицейских сменили новые два, а тех — снова другие. Трое суток просидели они в нашей квартире, ожидая возвращения Олега.

На четвертый день меня вызвали в полицию. Я попала к следователю Кулишеву, такому же выродку, как и Захаров. Он со злобой сказал мне:

— Ну, запрятала сынка? Так садись же за него сама! А то какая же ты мать, если не знаешь, где твой сын?

— Я говорю правду, — ответила я. — Не знаю, куда пошел мой сын.

Кулишев стукнул кулаком по столу, вскочил:

— Нужно и тебя повесить вместе с твоим сыном! Слушай же! Твой сын организовал банду, занимался диверсией, убивал представителей немецкой власти...

Помертвевшая, слушала я Кулишева. Он знал все: и о работе Олега в «Молодой гвардии», и о немецких машинах с подарками, и о листовках, и об организации комсомола. Вдруг он поднес к моим глазам комсомольский билет:

— Чья это подпись, ну?!

Это была подпись Олега: Кашук.

— Не знаю. Почерк не моего сына, да и фамилия не та: Кашук. Мой сын — Кошевой.

Кулишев опять начал кричать на меня, стучал кулаком по столу, сыпал угрозами. Вошел начальник полиции Соликовский. Он зверем взглянул на меня, сквозь зубы прошипел:

— Глупой прикидываешься? Почерка не узнаешь? Может, теперь узнаешь?

И он изо всей силы ударил меня кулаком в лицо...

Когда я пришла в себя, мой платок был весь в крови. Меня вывели в коридор:

— Сиди здесь, жди своего сынка!

Коридор был закопченный, грязный, холодный и еле освещен. Я слышала стоны и крики избиваемых. Думала: «Кто это кричит? Не наши ли?»

Вдруг в комнате у следователей громко заиграл патефон. Чтоб не слышны были крики, немцы заглушали их веселой музыкой. Сердце мое превратилось в кусок угля...

Я видела, как провели Ваню Земнухова и Улю Громову, и чуть не закричала — настолько они были оба избиты. Как я пожалела, что сидела в углу и они не могли меня видеть!

Потом провели других. Еще и еще. Люди уходили от следователя с черными от кровоподтеков и синяков лицами. Вводили других. И опять крики, стоны, глухие удары...

Выпустили меня только утром. Кулишев — от него пахло водкой — сказал мне:

— Даю тебе три дня, чтобы ты разыскала и привела сюда сына. Иначе — пуля. Иди!

Я еле дошла домой. А там уже сидели двое полицейских, поджидали сына.

Олег, где ты?

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ

Ох, какие это были страшные дни и ночи!

Мы молча сидели под окном, выглядывали на улицу, не спали ночами, прислушивались к малейшему шороху, вздрагивали, когда нам чудились чьи-то шаги около дома. Вдруг постучит в окно Олег, голодный, замерзший, а к нему вместо матери выйдет полицейский...

Однажды я сидела под окном. На солнце и морозе снег сверкал ослепительно. И вдруг мне словно игла в сердце вошла. По улице мимо нашего дома под конвоем вели Олега. Вот проходят под окнами. Ну да! Его пальто с коричневым воротником, его походка. Но почему сын не взглянул на родной дом?

Не выдавая своего волнения, я спокойно вышла из дому и только на улице побежала, догнала арестованного. Нет, не он...

А тут еще пьяные полицейские разговаривали меж собой о пытках в гестаповских застенках. Волосы вставали дыбом от ужаса.

Как-то к нам зашел полицейский. В борт пиджака у него было вколото несколько больших иголок. Другой полицейский спросил:

— Слушай, это зачем же у тебя столько иголок? В портные записался?

— Нет, это для допроса. От таких штук языки сразу развязываются. Иначе напрасный труд — говорить с этими молокососами. Кричишь на них, грозишь, бьешь — молчат. А как только запустишь вот эти иголочки под ноготь, да поглубже, — ой-ой-ой, такой крик поднимают, даже весело становится!

Когда немцам не удалось схватить Валю Борц, они посадили в тюрьму ее мать и десятилетнюю сестру Вали — Люсю.

Люся была пионеркой, и она до конца осталась верна той присяге, которую давала, вступая в пионерскую организацию: твердо стоять за дело Ленина—Сталина.

Люся не раз видела товарищей старшей сестры и знала, что они собираются вместе писать листовки против немцев и потом расклеивать их.

Девочке сказали в тюрьме:

— Ты знаешь, кто у вас из ребят бывал. Скажи — кто,

назови фамилии. Ответишь правду — подарки получишь и сейчас же домой отпустим. Ну?

То, что произошло потом, я узнала из разговоров двух полицейских — Шурки Давыденко и Митьки Бауткина, — когда они сидели у нас в засаде поздно ночью.

Люся спокойно ответила, что к ее сестре никто не ходил и что никаких подарков ей не нужно.

— «Я, — говорит, — свою сестру люблю», и все тут, — рассказывал Бауткин. — Стоит и смотрит прямо в глаза Соликовскому. Как же, пионерка! Соликовский так и опешил. Да и все мы ожидали, что девчонка со страху все расскажет, расчет на нее особый был. Еще спрашивает, на испуг берет — молчит. Тогда Соликовский показывает ей на петлю, даже на шею ей накинул — молчит. Р-р-раз! — и к потолку. Держит за веревку Соликовский; теперь-то уж, мол, расскажет пионерка о своих. И ты знаешь: ни звука. Глядим — задыхается. Вынули из петли, водой из ведра окатили: говори! Суток пять в тюрьме продержали, так ни с чем ее и выпустили...

Я невольно слушала рассказы палачей. Я хорошо знала Люсю. Это была обыкновенная девочка — пионерка с красным галстуком, каких сотни тысяч. Но когда и ей пришлось постоять за дело Ленина—Сталина, не дрогнуло маленькое мужественное сердце.

Как ни трудно мне было тогда, но, слушая рассказ врагов о стойкости маленькой Люси-пионерки, я чувствовала, как светлей становится на душе и как растет бодрость и надежда. Не сломить немцу наших детей!

Так прошло десять дней. Я терпела. И все росла надежда. Я уже совсем решила, что Олег со своими друзьями где-то далеко, и понемногу начинала успокаиваться. Но это был только временный отдых. Беда не отходила от нас, она лишь выжидала своего часа.

Одиннадцатого января утром пришла полиция за моим

братом. Дядя Николай ждал непрошенных гостей и успел спрятаться в погреб под полом моей комнаты. Посидев часа два над головой брата, полицейские ушли. Мы им сказали, что брат пошел к часовых дел мастеру и должен скоро возвратиться. Уходя, полицейские пригрозили:

— Пусть не прячется Коростылев, слышите? Не то хуже ему будет!

Брат под полом все слышал.

Вечером они снова пришли. Брат только что хотел выбраться из погреба, надеясь темной ночью уйти куда-нибудь из дому. Полицейские снова уселись над его головой.

— Подождем тут, пока Коростылев придет. Что-то долго он часы чинит.

В это время зашла к нам Лидия Макаровна Попова. Увидев полицейских в комнате, она поняла, что это засада. Она попросила дать ей ведро. Когда я вышла в кухню, она щепнула мне:

— Олег пришел. Сидит у меня...

Как во сне, я начала одеваться. Полицейские увидали:

— Нельзя! Никому не выходить из дому!

Вырвалась я только, когда они, посидев еще часа два, ушли. И опять с угрозами:

— Ну вот что: возвратится Коростылев — пусть сейчас же идет в полицию, не то мы всех вас потянем за него. Ясно?

У Поповой я увидела Олега на кухне. Он сидел босой, и Лидия Макаровна смазывала ему вазелином отмороженные пальцы; они были красные, распухшие, страшные. Я кинулась к нему:

— Сыночек мой, зачем ты снова сюда возвратился? Разве ты не знаешь, что здесь делается?

И я начала было рассказывать, что произошло в Краснодоне, но Олег устало сказал:

— Мама, я знаю все...

Пока он обувался, Лидия Макаровна рассказала:

— Слышу, вдруг кто-то стучит в дверь. «Заходите», говорю. И вот открывается дверь, вижу — входит какой-то человек, поздоровался и остановился у двери. «Что вам нужно?» спрашиваю. А он: «Лидия Макаровна, не узнаете меня? Я партизан. Меня преследуют. Я в вашей власти теперь. Можете спрятать меня, а можете...» Я не дала ему договорить, кинулась целовать. Помогла ему раздеться, усадила поест, а сама — к вам... Ну, беседуйте.

И Лидия Макаровна вышла.

Невесел был рассказ Олега. За эти десять дней много узнал он горя и страданий.

Со своей пятеркой он был почти у линии фронта, но пробраться к своим не удалось. Полиция и жандармерия следили за каждым штатским, при малейшем подозрении арестовывали и бросали в концлагери. Там — страшные муки и смерть ждали каждого. Здоровых мучили голодом и холодом, слабых бросали в ямы, обливали бензином и живыми сжигали.

— Мама, родная моя, нет сил смотреть на все это! Знаешь, мне все Корчагин вспоминается... его путь. Хорошо, мама, я тоже пройду через все и не сдамся! Буду, пока жив, бороться до конца!

Только теперь разглядела я, как был измучен Олег. Скулы обострились, в громадных глазах за густыми ресницами стояло страдание. Но вдруг он выпрямился и сказал со страстной горечью:

— Никак не могу простить себе, что уступил тогда и не взорвал дирекцион! С такими, как немцы, в борьбе нужно идти до конца. А как все у нас было подготовлено! Дело прошлое — скажу. Взрывчатку уже заложили под лестницу, провели шнур. Достали билет для Пирожка. Он должен был войти в школу и зажечь шнур. Сережа Тюленин, Вла-

димир Жданов и я ждали при выходе с оружием наготове. Эх, упустить такой случай!

Я молча гладила его волосы, целовала жесткую кожу щек.

Немного погодя увидеться с Олегом прибежал дядя Николай.

Он бросился к Олегу, и они замерли, стиснув друг друга в объятиях. Но времени не осталось ни минуты. Начали обсуждать: как же вырваться из клещей немцев?

Не хотелось Олегу покидать свой Краснодар, уходить от товарищей. Они мучились в застенках гестапо. Что же сделать? Как им скорей помочь? Олег строил планы: связаться с партизанами и притти на помощь друзьям.

И опять вспомнил Олег новогоднюю свою неудачу:

— Да, не послушались тогда ребята! Легче было бы даже и умирать, если бы мы после такого взрыва попали в гестаповские руки.

Тут я рассказала сыну о Жене Мошкове, про слова полицейских, будто бы Женя выдал адрес Олега и даже привел их на квартиру к своему комиссару. Олег вскочил, на лицо его снова вернулась краска:

— Не верь провокаторам! Женя — герой! Он на допросе четвертого января плюнул жандарму в морду и погиб, не сказав ни слова.

Хотелось говорить и говорить с сыном без конца, но полиция была рядом и искала Олега. Лидия Макаровна уверяла меня, что все будет хорошо и чтоб я не беспокоилась. Она уже приготовила Олегу место, где он может при случае спрятаться.

В конце концов решили итти через день утром; под видом мешочников взять санки и выйти из города. Мы попрощались с Олегом и пошли домой.

А в двенадцать часов ночи к нам ворвался немецкий офицер с полицейскими:

— Где Коростылев?

На этот раз брату уйти не удалось. В погреб он спрятаться не успел — немцы с улицы осветили мою комнату ярким фонарем. Но Николай и тут не хотел сдаваться. Он бросился на свою кровать и, перед тем как накрыться одеялом с головой, успел что-то шепнуть жене. Немец, угрожая револьвером, кричал:

— Где Коростылев?

Жена брата, Ольга Александровна, ответила:

— Нет его дома. Ушел. Куда — не знаю.

Тогда немец спросил:

— А кто это спит там в комнате?

— Это... немецкий офицер.

Немец подошел к кровати и что-то начал говорить по-немецки. Конечно, дядя Коля молчал — он плохо знал немецкий язык. Одеяло полетело на пол.

— Ага, попался наконец!

Удары кулаком и ногами. Закричал Валерик. Ольга Александровна кинулась к мужу. Немцы избили и ее.

В семь часов пришли за ней. Я была как мертвая. В мозгу стучало одно: «Олег, Олег! Как же он теперь уйдет?»

Мы остались с мамой и с маленьким Валериком. В девять часов опять пришли гестаповцы с переводчиком, несколько полицейских и Захаров.

Снова повальный обыск, еще раз перерыли все в квартире.

Часть вещей забрали, остальные приказали не трогать.

Наша квартира была теперь вся ободрана, пустая и холодная. Мы ютились в кухонке на одной кровати: бабушка, я и Валерик. И вот пришли немцы и забрали бабушку. Она оглянулась с порога. Наши глаза встретились. Я прочла в глазах матери: «Ничего не бойся. Ни о чем не расскажу».

В гестапо бабушку встретили руганью и издевательствами:

— Ага, старая! И ты с ними заодно?

Удар, еще и еще. Вернулась бабушка домой часа через три. Еле приползла, вся избитая.

«ПРИДУ С КРАСНОЙ АРМИЕЙ!»

Я стала ждать своей очереди, своего ареста. Душа болела, хотелось хоть еще раз увидеть сына и как можно скорей отправить его из Краснодона. Но меня не трогали.

Через четверть часа я была уже у Олега.

Лидия Макаровна с тревогой рассказала мне, что в городе уже знают, что Олег возвратился и где-то прячется. Нужно было немедленно уходить. Соседи знали, что мы дружим с Поповой.

Куда, к кому пойти? Всем друзьям Олега грозила смерть, и они сами прятались от полиции. Итти по дороге тоже опасно. Там продолжается отступление обозленных немцев. Мужчин, попадающихся им на глаза, немцы безжалостно расстреливают. То же самое случится и с Олегом, если он днем выйдет из Краснодона.

А уходить нужно было. Вот-вот могли явиться гитлеровцы. Что же делать? Где искать спасения? И мы пошли на хитрость: решили переодеть Олега в женскую одежду и в таком виде проводить его за окраину Краснодона.

Маршрут был такой: в селе Таловое Олег переночует у моей знакомой Анны Акименко, на следующий день утром выйдет в Должанку (туда Лидия Макаровна даст записку к своим родственникам), а на третий день пойдет в Боково-

Антрацит и там переночует в землянке у деда, знакомого нам.

Стали готовить для Олега одежду. Пришла бабушка. Молча сняла с себя валенки и протянула их внуку. Олег покачал головой:

— Бабушка, ты слабая, тебе они больше нужны, чем мне. Да и вам в этих валенках лучше простаивать в полиции с передачей дяде Николаю и тете.

Насилу уговорили его надеть валенки на отмороженные ноги. На дворе был лютый мороз, какого люди в Донбассе давно не помнили.

Олег попросил бабушку принести ему из дому наган; он был спрятан в сарае под крышей.

Я запротестовала:

— В нагане всего один патрон, на что он тебе?

— Мама, и один патрон может пригодиться. Нападет на меня один немец — хватит и одного патрона. Нападет больше — пригодится для себя.

Бабушка принесла наган. Потом мы дали Олегу женскую одежду.

Он посмотрел на нее, усмехнулся и отодвинул одежду от себя. К этому времени Олег стал говорить баском.

— Мама, это же ни к чему не приведет, — сказал он с легкой усмешкой. — Ну, ты сама подумай: во-первых, это смешно — рядиться мне в женское платье; во-вторых, если я встречу немца и он меня спросит о чем-нибудь, а я ему отвечу таким басом, тогда — провал наверняка. Да и не хочу я перед немцами рядиться...

Но выхода другого не было, и мы так настойчиво просили! Наконец Олег пожал плечами и уступил. Переряженный, он несколько не стал похож на женщину — высокий, широкоплечий, угловатый в движениях, с упрямым подбородком. Особенно выдавали его глаза: мужские, непокор-

ные, властные. Мы махнули рукой на все. На счету была каждая секунда.

Перед уходом из квартиры Олег вынул из кармана три стихотворения и протянул их мне.

— Мама, — сказал он, грустно улыбаясь, — вот эти два тебе на память, а это передай Нине Иванцовой. Хорошо?

Никогда не забыть мне, как мой сын тогда взглянул на меня! Нет, я не могу описать все то, что поднялось в моей душе...

Куда провожала я сына? Может, в последний путь? Какая судьба ждет его? Кто пригреет моего мальчика, кто залечит его отмороженные ноги? Найдется ли добрая душа, которая спрячет его от врага?

Почуяло ли мое сердце, что в последний раз я иду рядом с сыном, в последний раз слышу его голос, но я беспомощно заплакала:

— Олежек мой, болит мое сердце! Увидимся ли мы когда-нибудь с тобой?

— Увидимся, мама, — старался он утешить меня. — Ты только так и думай! Хорошо, мамочка?

Он обнял меня, поцеловал, посмотрел мне в глаза. Нахмурился, сдерживая волнение:

— Мамочка, дай мне слово, что ты будешь беречь себя, прятаться от полиции, пока наши придут. Хорошо? А если со мной что-нибудь случится, мамочка, родненькая, не плачь! Не плачь, мама! Чего плакать? Я не упаду перед врагом на колени. Больше, чем жизнь, я люблю отчизну, и всех вас, и тебя, моя родная. А если придется умереть, что ж... свой долг я выполнил. Как мог, так и боролся. А останусь жив — ну, держись тогда, немец!

Мы дошли до села Таловое.

Солнце уже совсем зашло, когда мы, пользуясь вечерними сумерками, сняли в коридоре у Анны Акименко с

Герой Советского Союза Олег Кошевой со своей матерью Е. Н. Кошевой.

Олега женскую одежду. Анна приняла сына переночевать, и мы с Поповой немного успокоились. В последний раз прощались, еще раз просили друг друга беречься. Я прижала сына к груди. Больше я уже не могла глядеть в его милые глаза, но последние слова запомнились мне навсегда:

— Не печалься, мама! С нашими приду, с Красной Армией!

Дома, куда я возвратилась в семь часов вечера, я не застала никого.

В квартире было пусто и холодно, как на улице. Бабушку опять забрали в полицию, а маленького Валерия взяли к себе соседи. Я осталась одна.

Могильная тишина камнем легла мне на сердце, давила, не давала дышать.

Я вошла в комнату Олега.

Сорванные с дивана одеяла и простыни, раскиданные по полу вещи — все говорило о недавнем обыске. На столе лежали шахматная доска, запонки и любимый галстук Олега. На полу валялась книга «Капитальный ремонт» Леонида Соболева — последняя, какую прочитал в своей жизни мой сын; книга о море.

Машинально я подняла ее, открыла и ахнула. Как же немцы не заметили? На обратной стороне обложки дядей Николаем была записана последняя, полученная «Молодой гвардией» сводка Совинформбюро. Перечислялись отнятые у немцев наши города, пленные, убитые немцы, трофеи.

Нет, драгоценную эту книгу я немцам не отдам! Только успела я спрятать «Капитальный ремонт», стук в окно.

«Все. Теперь за мной...»

Но это была она, моя мама. Ее снова избили в полиции. Выпустили, как приманку для Олега. Стало ясно, почему и меня не берут до сих пор. Ждут и следят.

Всю ночь проплакали мы с ней над стихами Олега, что дал он мне на прощанье. Вот они:

Ты, родная, вокруг посмотри:
Сколько немцы беды принесли!
Голод, смерть и могилы везде,
Где прошли по Советской земле...

Ты, родная, врагам отомсти
За страданье и слезы свои,
За мученье и смерть сыновей,
За погибших советских детей.

Мама, мама, не плачь, только мсти!
Возвратятся к нам светлые дни.
Правды, счастья луч золотой
Засияет над нашей землей!

ПАЛАЧИ

Шестнадцатого января мы с мамой понесли передачу в тюрьму дяде Коле, его жене и Елене Петровне Соколан, арестованной за знакомство с нами. Там мы увидели прибитый к стене список арестованных, отправленных в ворошиловградский концлагерь. Список состоял из двадцати трех человек — юношей и девушек, знакомых мне по «Молодой гвардии».

Все в Краснодоне уже знали, какой это был концлагерь. Палачи повезли наших детей на казнь. Поднялись отчаянный плач, вопли, стоны. Не обращая внимания на полицейские нагайки, женщины не отходили от тюрьмы.

И с этого дня каждое утро полицейские вывешивали на стене списки молодогвардейцев, переведенных в «концлагерь». На самом деле их на машинах вывозили за Красно-

дон, к старой шахте, наспех расстреливали и сбрасывали в глубокий шурф, мертвых вместе с недобитыми...

Десять дней просидели в тюрьме жена брата и Елена Петровна Соколан. Не добившись ничего, полиция выпустила их.

Брату Николаю на четырнадцатый день удалось убежать вместе с комсомольцем Колотовичем. Вот как это произошло.

Красная Армия подходила все ближе. Уже отчетливо была слышна грозная канонада, все чаще налетали наши самолеты.

Немцы и полиция лихорадочно готовились к бегству. Во двор тюрьмы приходили полицейские и из других районов. Этим и воспользовался Николай. Ночью он отогнул проволоку на запоре, открыл дверь камеры. Перед этим он надел на рукав белый платок, похожий на полицейскую повязку. Потом они с Колотовичем вышли во двор и смешались там с полицейскими из других районов.

Потом побежали. По ним открыли стрельбу и бросились в погоню. Колотович упал. Казалось, все было потеряно. Но Николай все бежал и сумел далеко уйти. Он увидел какого-то крестьянина. Они поздоровались. Николай сказал:

— Вот... уходят немцы.

— Да, видать, что дело такое.

— Не разберешь, что лучше: остаться или с немцами уходить?

— Это уж как кому сподручнее.

— Мне не сподручно. Кстати, вон они и гонятся за мной...

Крестьянин пытливо взглянул на дядю Колю, ничего не ответил, а лишь мигнул на погреб и прошел мимо. Николай бросился к погребу.

Немцы обыскали все, но в погреб спуститься не догадались.

Таким образом, наши хождения в тюрьму с передачами прекратились. Но немцы опять сами часто проводывали нас — все надеялись застать Олега или брата.

Двадцать пятого января они не пришли. Я забеспокоилась. То я страшилась, когда они приходили, теперь я ждала их. Приходят — значит, ищут. Не пришли — значит, нашли.

Я кинулась в полицию.

Дежурил молодой, неопытный полицейский. Он, видимо, был в курсе дела молодогвардейцев, но не знал подробностей и фамилий. И я, чувствуя, как у меня холодеют руки и ноги и все плывет перед глазами, решила спросить:

— Кошевой и Коростылев... есть у вас?

Полицейский, позевывая, обошел все камеры, выкрикивая фамилии сына и брата. Никто не отозвался. Я ушла. Но тревога продолжала сушить мою душу. И я не обманулась.

Двадцать девятого января, к концу дня, к нашему дому подъехали сани, запряженные тройкой лошадей. В квартиру вошли жандармы и полицейские во главе с Захаровым, все пьяные. Захаров крикнул:

— А ну, давай одежду сына — все, что есть! Да живей у меня!

Я ответила:

— Дома не осталось одежды. Всю ее уже забрала полиция.

Захаров презрительно прервал меня:

— Ну, ну! Это такая же правда, как то, что ты не знала, где твой сын.

— И не знала, — ответила я, чувствуя, как пол уходит из-под ног, — и сейчас не знаю.

— Ничего, зато мы знаем.

Я смолчала. Я все еще надеялась, что он обманывает

меня или просто так мучает, но тут один полицейский удивленно спросил у Захарова:

— А что, разве Кошевого уже того... поймали?

— Поймали, — осклабился Захаров, свертывая папироску и не сводя с меня глаз. — Отстреливаться, щенок, вздумал, полицейского ранил. Хорошо, что в нагане у него был всего один патрон...

Когда я пришла в себя, полицейские уже уходили, хлопая дверями. Собрав последние силы, я кинулась за ними, крикнула:

— Олегу... можно еду принести?

— Еду? — переспросил Захаров, криво усмехаясь. — Да его и в Краснодоне-то нет. Вообще нет. Сын твой расстрелян в Ровеньках.

Падая опять, я успела крикнуть ему вслед:

— Палач, будь ты навеки проклят!

Если бы не мама, не знаю, что стало бы со мной. Но я поддалась маминой доброй ласке. Бабушка верила, что внук ее жив, что его не возьмет никакая пуля. И эту непреклонную веру она передала и мне. Вместе с мамой и я стала надеяться. На что? Я этого не могу объяснить. Мы словно чуда ждали...

П Р И Ш Л И

Потянулись черные, длинные дни, длинные бессонные ночи.

Немцы приказали нам два раза в день ходить в полицию отмечаться. С востока грозно доносился артиллерийский гул. Фронт был всего в двенадцати километрах от города. Мы часто следили за нашими самолетами, радостно улыбались, когда они бомбили немецкие войска и склады, не боялись бомб. Как мы ждали своих!

Первого февраля полиция из Краснодона эвакуировалась в Ровеньки, забрала с собой и арестованных — последнюю партию обреченных на смерть. Среди них были Люба Шевцова, Семен Остапенко, Виталий Субботин и Дмитрий Огурцов.

Но часть полицейских оставалась еще в Краснодоне, и отмечаться мы должны были ходить. 3 февраля вызвали в полицию бабушку и снова сильно побили ее.

— За что? — крикнула бабушка.

— Не имей таких детей и внука!

С этого дня я начала прятаться от немцев.

Полиция приходила за мной. Мама сказала, что я пошла в село достать хлеба. Тогда пьяные полицейские начали издеваться над мамой и над маленьким Валериком. Один из них взял ножницы и, хохоча, колот ими трехлетнего Валерика.

— Мама, мама! — кричал Валерик, и холодным потом покрывалось его маленькое, высохшее от голода личико.

А фронт все приближался к Краснодону. Уже восемь километров было между нами и освобождением. Слышна была даже пулеметная стрельба. В Краснодоне с напряжением ждали своих.

Дни шли, как длинные годы. Сил не было дальше терпеть...

Двенадцатого и тринадцатого февраля немцы провели облавы в квартирах, погребах и сараях. Искали мужчин. Им удалось захватить около ста человек разного возраста; их согнали в полицию.

К вечеру 13 февраля все немецкие части начали в панике покидать Краснодон. Поднялась невероятная суета. А утром 14 февраля 1943 года в Краснодоне не было уже ни одного немца.

Ровно в одиннадцать часов в город ворвались наши танки. Увидев первый советский танк, мы бежали за ним,

плача от радости, поднимая к танкистам руки, благословляя наших освободителей.

Не знаю, кто в этот день мог усидеть в комнате. Жители города вышли встречать Красную Армию. К вечеру Краснодон был заполнен нашими войсками. Мы пригласили к себе на квартиру двадцать красноармейцев. Взяли бы больше, если бы могла вместить квартира. Мы с мамой стирали им белье, варили обед, подавали на стол. Моя старенькая мама, забыв об усталости, целовала и сажала к столу красноармейцев, как родных сыновей.

Когда первые танки въехали в полицейский двор, никто не отозвался на зов танкистов. Камеры молчали. Трупы расстрелянных лежали во дворе. Их было полно и в камерах. Немцы не оставили в живых ни одного человека из тех, кого захватили накануне.

17 февраля в Краснодоне был траурный день, полный плача и причитаний осиротевших матерей.

Из шахты № 5, из темного шурфа в шестьдесят пять метров глубины, бадьей поднимали тела замученных молодогвардейцев.

Около шурфа собрались все жители Краснодона. К каждому телу бросалась мать. Узнавать было трудно. Чтобы вырвать у молодогвардейцев признания, гестаповцы подвергали их нечеловеческим мукам. Девушки и ребята лежали изуродованные, в синих подтеках, с черными от огня пятнами; у некоторых на груди ножом были вырезаны звезды. Снег около шурфа был красен от крови.

Напрасна была злоба палачей! Молодогвардейцы держались мужественно и не изменили святому делу, за которое боролись и которому шесть месяцев назад присягали.

Взбешенный неудачей, начальник полиции Соликовский набросился на Толю Попова, едва стоявшего на ногах от избиений:

— Говори же, наконец, что вы сделали?

Толя ответил:

— То, что сделали, не скажу. Только вот жалею, что сделали мало...

Когда стало известно, что их повезут на казнь, Уля Громова азбукой Морзе передала во все камеры последний приказ штаба:

«Скоро повезут нас на казнь. Держаться перед смертью будете так, как жили, — мужественно. По дороге запоем любимую песню Ильича: «Замучен тяжелой неволей».

Десять дней вытаскивали трупы из шахт. Я, так же как все матери, бросалась к нашим мертвым детям — думала, может найду и Олега среди них. Сына не было...

В Краснодон стали возвращаться молодогвардейцы, оставшиеся в живых. Из ста трех молодогвардейцев вернулись только Нина Иванцова, Ваня Туркенич, Оля Иванцова, Жора Арутюнянц, Радик Юркин, Анатолий Лопухов, Михаил Шищенко и Валерия Борц.

Первого марта состоялись похороны юных героев.

Их похоронили с воинскими почестями в городском парке, в братской могиле. Был дан салют. На траурном митинге среди других выступил Ваня Туркенич, одетый уже в военную форму. Над могилой друзей он поклялся, что не снимет своей шинели, пока не будет уничтожен на нашей земле последний немец.

После похорон зашли навестить меня Нина и Оля Иванцовы. Печальной была наша встреча. Я передала Нине последнее стихотворение Олега:

Пой, подруга, песни боевые,
Не унывай и не грусти:
Скоро наши дорогие
Краснокрылые орлы

Прилетят, раскроют двери
Всех подвалов и темниц,
Слезы высохнут на солнце
На концах твоих ресниц.

Станешь снова ты свободна,
Весела, как Первый май,
Мстить пойдешь, моя подруга
За любимый, милый край...

Глядя, как дрожит листок в руке Нины, я вспомнила об их дружбе с Олегом, о том, как он часто говорил мне:

— Мама, ты только посмотри, какие у нее глаза! Умные, добрые, открытые... Знаешь, Нина никогда прежде о себе не беспокоится, а всегда — о других. Неудачи товарищей переживает больше, чем свои. Когда нужно — скажи, и она готова на любой риск ради товарищей. Для других, для «Молодой гвардии» и живет. Что с ней немцы могут поделаться?! Если бы и все такие были, как Нина! Не любить ее нельзя...

Нина вдруг пристально посмотрела на меня широко открытыми прекрасными своими глазами. В них зрело какое-то решение.

ЭТО БЫЛ ОН

Второго марта я с мамой и Еленой Петровной Соколан пошла искать Олега в Ровеньки.

Мы вынуждены были возвратиться ни с чем. Лес, где были расстреляны наши люди, немцы заминировали. Приходилось ожидать, пока растает снег и лес разминуют.

Одиннадцатого марта 1943 года стало известно, что в Ровеньках будут раскапывать могилы расстрелянных. Я бы-

стро собралась в путь. Со мной пошли Нина и Оля Ивановы.

В Ровеньках мы нашли людей, которые сидели в тюрьме вместе с Олегом. Им чудом удалось избежать смерти.

Вот что они рассказали:

— В конце января к нам в камеру бросили молодого, чисто одетого юношу. Его арестовали в Боково-Антраците. При обыске у него нашли зашитый в пальто комсомольский билет и несколько чистых бланков. Был у него наган, но только с одной пулей. Все же он отбивался, ранил полицейского. Юношу звали Олегом, фамилии вспомнить не можем. Когда его спросили, как он попал в руки полиции, он сказал, что его выдал дед, бывший кулак. К нему замерзающий Олег зашел в Боково-Антраците...

На допросах у начальника полиции Орлова Олег держался мужественно.

Когда Орлов спросил Олега, что заставило его организовать боевой отряд, он ответил:

— Любовь к отчизне и ненависть к вам, изменникам!

Полицейские зверски избили Олега. В камеру его бросили уже без сознания.

В камере Олег не давал товарищам падать духом. Он говорил, что никогда не станет просить пощады у палачей; то же самое советовал и всем арестованным. Говорил:

— Товарищи! Жили мы честно и умрем честно!

Потом Олега взяли на допрос в жандармерию; видно, в полиции не было инструментов и орудий для пытки. Но и после мук в жандармерии Олег, весь избитый, изуродованный, не изменился и все настойчивее убеждал даже старших по возрасту товарищей:

— Не давайте радоваться палачам! Пусть они и не думают, что нам страшно расставаться с жизнью. Держитесь, товарищи! Наши всё узнают. Нас не забудут...

Молодежь в камере он учил петь песни, сам запевал первый:

Широка страна моя родная...

С песней и на расстрел пошел.

На последнем допросе, перед казнью, он сказал:

— О работе «Молодой гвардии» меня не спрашивайте, не скажу ни слова. И еще запомните: советскую молодежь вам никогда не поставить на колени — она умирает стоя. Это мои последние слова, и знайте, что я слишком презираю вас, чтобы продолжать разговаривать с вами дальше. Посоветую одно: не прячьтесь. Вас найдут все равно! За все ответите!

Это был он, мой сын...

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Восемнадцатого марта, рано утром, сотни людей пришли в ровеньский лес.

Красная Армия билa немцев недалеко, около Боково-Антрацита. По дороге туда через Ровеньки торопились наши подкрепления: пехота, танки, артиллерия. Месть свершалась. Немцы упорствовали.

В Ровеньках рвались их тяжелые снаряды, горели и разрушались дома, низко стелился черный дым. Немецкие самолеты то и дело обстреливали город и дороги к нему.

В лесу около разрытых могил скопилось много народу. Немцы стали бить по лесу из пулеметов. Стоял треск и грохот, ревели моторы самолетов, с деревьев сыпались на нас срубленные пулями ветки. Мы падали на землю и опять подымались. Никакие силы не могли заставить нас отойти

SOVETSKA REPUBLIKAKHOJ - SOVETSKIJ SOTSIALIZM
SOVETSKIJ SOTSIALIZM - RESPUBLIKALAR SOVET
SOVETSKIJ SOTSIALIZM - RESPUBLIKALAR SOVETU
SOTSIALIZM - KIMCHOTATAVAJTOJEN LITTO
UNIJU REPUBLIKACHOJ SOVETSKIJ SOTSIALIZM
TAKUJU SOTSIALIZM - RESPUBLIKU RAJUNA
RABOTU SOTSIALIZM - RESPUBLIKU SAVETU
SOVETSKIJ SOTSIALIZM - TAVAJKIM LIT

Москва — Кремль

21 сентбля

194 3 r.

Ваш сын КОМЕДОН Олег Васильевич в борьбе за советскую
Родину погиб смертью храбрых.

За выдающиеся заслуги в организации и руководстве подпольной комсомольской организацией "Молодая Гвардия" и за проявление личной отваги и героизма в борьбе с немецкими захватчиками ему Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

Гимнаста Героя Советского Союза КОШЕВОВА Олега Васильевича
передается Вам для хранения как память о сине, подвиг которого
никогда не забудется нашим народом.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР —
(М. Калинин)

W. H. Loomis

от дорогих могил. Рыдали и причитали женщины. Плакали родные расстрелянных и чужие.

Лес был ископан могилами, и все могилы были забиты расстрелянными и замученными.

С болью и страхом и вместе с тем с тайной надеждой, что здесь Олега нет, ходила я между раскрытыми могилами, приглядывалась, искала свое родное дитя.

Вместе с Ниной и Олей мы узнали страшно изуродованных Любу Шевцову, Семена Остапенко, Виталия Субботина и Дмитрия Огурцова.

Олега мы не нашли...

Девятнадцатого марта мы снова пошли в лес.

Только откопали первый труп, я без крика бросилась к нему. Я узнала Олега. Узнали его Нина и Оля.

Мой сын, которому не было еще и семнадцати лет, лежал передо мной седой. Волосы на висках были белые-белые, как будто посыпанные мелом. Немцы выкололи Олегу левый глаз, пулей разбили затылок и выжгли железом на груди номер комсомольского билета.

Сын пролежал в могиле полтора месяца. Яма оказалась мелкая, тело почти не было засыпано землей. Зато снег засыпал, а мороз сковал и сберег тело сына. Даже через полтора месяца после смерти Олег был прекрасен. На его высокий лоб падали седые пряди волос, длинные черные ресницы оттеняли спокойную бледность его лица.

Мне помогали Нина и Оля и какие-то совсем посторонние люди. Мы перенесли сына в гроб и на салазках повезли в город, к госпиталю.

На дороге разрывались немецкие снаряды, и мы часто останавливались. А мимо гроба все шли и шли вперед наши подразделения.

Какой-то боец с автоматом спросил меня:

— Мать, кого везешь?

— Сына.

Боец приоткрыл крышку гроба.

— Какой же он молодой у тебя! — сказал он, и слезы покатались по его лицу. — Ну, ничего, мать, мы отомстим. За все отомстим!

Мы похоронили Олега 20 марта 1943 года, часов в пять, в Ровеньках, на центральной площади. Рядом с Олегом поставили гроб Любы Шевцовой. Вместе с ними легли Виталий Субботин, Семен Остапенко и Дима Огурцов.

Провожала их Красная Армия, народ. Над глубокой братской могилой красноармейцы приспустили боевые знамена, оркестр играл похоронный марш, трижды был дан салют.

И сейчас же бойцы пошли в наступление. Жестокий бой продолжался. Грохотала канонада. Наши самолеты с победным ревом проносились в голубом небе на врага. Им не было счета.

Догорали последние пожары.

И шла весна. Ласково грело солнце, снег, торопясь, таял. Бежали говорливые ручьи. Набухали почки на деревьях. Ясно голубело небо.

И вот к могиле подошла Нина Иванцова.

— Дорогой мой Олег! — начала говорить она, и голос ее ясно слышался. — Олег, я выполню твое завещание. Завтра я уйду добровольцем в Красную Армию. Буду, как ты учил нас, с оружием в руках добивать немцев, мстить за «Молодую гвардию». До победы не сложу оружия!

Вместе с Ниной ушли в армию Жора Арутюнянц, Толя Лопухов и Радик Юркин. И они славно дрались за Родину и за дружбу комсомольскую.

А вскоре получил заслуженную им пулю дед-кулак, выдавший немцам Олега и других большевиков в Бо-

ково-Антраците. Расстреляли подлого человека — Ольгу Лядскую.

Нашли предателя организации Геннадия Почепцова, следователя Кулишева и Громова, слуг немцев. Их судили открытым народным судом и расстреляли в Краснодаре. Над их головами, на погорелых столбах, было написано: «Предатели народа».

С Н О В А В Е С Н А

И вот снова весна.

Пришла победа. Далеко за океанами гремит слава нашей Родины.

Снова задымили заводы, и весело перекликаются гудки донецких шахт имени Олега Кошевого, имени Сергея Тюленина, имени «Молодой гвардии». Друзья снова встретились, и они опять вместе в борьбе за счастье и новый расцвет отчизны.

Колосятся хлеба на бескрайных колхозных полях. Снова слышится смех детворы и солнце отражается в светлых окнах наших школ и университетов.

Недавно я получила письмо и много раз перечитала его. Письмо было от советских воинов. По поручению комсомольцев части, его подписали капитан Борисенко, старший лейтенант Светлов и рядовой Яловец. Вот оно:

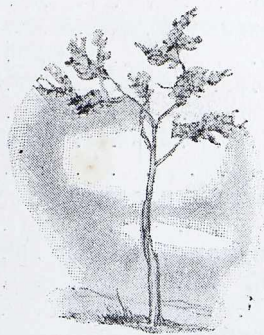
Герой, умирая, уходит с земли,
Но свет его доблестной жизни
Не гаснет в тумане, не меркнет в дали,
Сверкает в нем слава Отчизны.

Тот свет зажигает людские сердца,
Он жарче призывного слова,
С ним хочется душу отдать до конца
За счастье народа родного!

Кто Сталину предан — тот к свету идет.
Кто бьется за честь человека,
Тот подвиг Олега, как стяг, вознесет,
Гордится тот силой Олега.

Пролитая нашими братьями кровь
Имеет великое свойство:
Она закаляет в упорстве бойцов,
Рождает и множит героизм...

А в саду нашего домика в Краснодоне, перед окном
Олега, пышно расцвела посаженная им когда-то яблоня.
Она разрослась с тех пор. Ее видно теперь издалека.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Первый день	7
«Сам нашелся»	8
Матроска	12
«Гром — это откуда?»	14
Два огородника	18
«Слышу, сынку!..»	20
Бабушка Вера	23
«Ну-ка? Отвечай...»	24
Днепр	27
Дружба	32
«Я — живо!»	35
Буря	38
Отчизна	40
«У реки живете — плавать не умеете!»	43
Весна	44
Звезда путеводная	45
Путь широкий	48
За товарища	50
Мороз на Донбассе	54
Школа имени Горького	56
Яблоня	58
«Ты не вейся, черный ворон...»	60
«Не горюй, мама!»	63
Комсомолец	65
Война	67
«Отпусти меня!»	68
Зоя	72
Бомбы	75

В путь	78
Немцы	81
Поединок	84
Клятва	87
Листовки	91
Кашук	94
«Молодая гвардия»	98
Присяга	101
Оружия!	106
По-братски	110
Красные флаги	112
Все — за одного, один — за всех	117
Дело с приемником	123
За колючей проволокой	126
Самые юные	128
Пароль «якорь»	132
Приказ — закон	134
Штаб борьбы	140
Дружба комсомольская	142
Снег был глубок...	146
Сережа выходит из «окружения»	152
«Путь твой опасен»	155
«Олег, где ты?»	158
Десять дней	163
«Приду с Красной Армией!»	170
Палачи	175
Пришли!	178
Это был он	182
Последний день	184
Снова весна	188

*Издательство просит отзывы об
этой книге присылать по адресу:
Москва, М. Черкасский пер., д. 1,
Детгиз.*

Для среднего возраста

Ответственный редактор К. Пискунов. Художественный редактор П. Суворов. Техни-
ческие редакторы Р. Кравцова и И. Румянцева. Корректоры Е. Балабан и М. Зубков.
Подписано к печати 28/VIII 1947 г. 12 п. л. (8,0 уч.-изд. л.). Тираж 30 000 экз.
A08723. Заказ № 647. Цена 5 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушевский вал, 49.

10

90 р.

Цена 5 р. 50 к.